

Алексей Сергеевич Колентьев Радиоактивный ветер

Счастье для всех – 2

Текст предоставлен правообладателем http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=642435
«Радиоактивный ветер»: ИК «Крылов»; Санкт-Петербург; 2011
ISBN 978-5-4226-0036-6

Аннотация

Антон Васильев все еще жив. Почему? Потому что он – человек войны, и для него ситуация вечного боя, что вода для рыбы. Он владеет всеми видами оружия. Он обходит хитроумные ловушки, так как сам расставляет их не хуже. Все тонкости диверсионно-разведывательной работы отлично известны ему по прошлым войнам. Он постоянно просчитывает ситуацию, взвешивает каждый шаг, внимателен к любой мелочи, какой бы безобидной она ни казалась. Только так и можно выжить между молотом и наковальней. Расслабленности Зона не прощает.

Кого только нет в Зоне отчуждения! Масса опасного зверья, какого не встретишь ни в одном зоопарке, отвратительные мутанты, которых замучаешься убивать, вооруженные до зубов мародеры, искатели приключений всех мастей, – все они составляют неповторимую биосферу этого проклятого места. А еще в Зоне объявляются афганские «духи» – опытные восточные наемники. И тогда начинается охота на человека – самая увлекательная из охот. А потом – охота на охотников.

Или ты будешь с хабаром, или тебя не будет. Или ты скажешь врагу перед тем, как его убить: «Ты хороший воин, мне было трудно и интересно биться с тобой». Или это будет сказано над тобой.

Алексей Колентьев

Радиоактивный ветер

There's nothing you can do for anybody else.
It just runnin' into a burnin' house, where nobody can be saved...
What difference you think can make?...
One single man in all this madness...
There's not some other world, where everything gonna be OK.
There's just this one.

*James Jones. «The Thin Red Line»*¹

1.1

... Путь к блокпосту «Альфы» не осложнился организованным преследованием, как я того ожидал. Группа прикрытия свернула периметр и начала отходить в сторону базы клана наемников, получив, видимо, конкретные инструкции на этот случай. Само собой, меня никто со взрывом не связывал: приказ о пуске ракеты или отдавал сам Эдвардс, или мистер Хиггс взял на себя эту «почетную» миссию. Ситуация, как им казалось, была полностью прозрачной и контролируемой, ведь данные у них почти в кармане, а жадный наемник сейчас получит по заслугам. Выждать будут ровно до того момента, когда расшифруют записи полета истребителя. Эдварде не дурак, обязательно поймет, что флешкарта либо у меня, либо я отдал свою Марине и она везла ему обе флешки. Пока он напряжет резидентуры на местах, пока меня отыщут – я буду уже на базе «Альфы». Далее возможны два варианта: либо попробуют взять заложников из числа семьи, либо попытаются взять тут, в Зоне, лично меня. Второй вариант вероятнее всего, так как возможности в России у миллионера ограничены. Прикинув финансовые риски и вероятность успеха, думаю, меня попытаются взять в Зоне – это быстрее и явно дешевле. Я был готов к обоим вариантам и в любом из них передачу информации амерам не планировал.

Делая короткие интервалы между переходами, моя группа уже на пятые сутки вышла к территории, контролируемой «альфовцами». Я дал команду остановиться, приказал занять круговую оборону в лесопосадке. Потом, послушав эфир, подозвал к себе Василя:

– Слушай, боец, настрой ПДА на связь со своим начальством, пусть пришлют группу сопровождения. Раз мы у вас в гостях, пусть устроят экскурсию. А то лишний шум получиться может. Я же устав знаю: жажнете из всех стволов – и тю-тю, жисть молодая.

Белорус отжал тангенту на передачу. Пробормотав какой-то код, начал созваниваться с блокпостом. Это заняло минут пять, не больше. Затем повернулся ко мне:

– Будет сопроводилово, через полчаса дежурная группа подойдет с востока. Трое. Давно догадался?

– С самого начала знал. Только я вам не враг, да и то, что мы провернули, вашим только на пользу пойдет.

– Верно. Но вот документы... Дай их мне. – Обнаглевший секретчик протянул руку и простоял так, с протянутой рукой, минуты три.

1

Здесь ты ни для кого ничего сделать не можешь.
Это все равно как бежать в горящий дом, где никого уже не спасти.
Так что же меняют твои поступки?...
Один человек посреди всего этого безумия...
Нет у нас другого мира, в котором все будет «зашибись».
Есть только этот.

Джеймс Джонс. «Тонкая красная линия»

Я усмехнулся, и парень невольно начал поднимать автомат. Вытянув обе руки перед собой, я успокаивающе начал отбивку давно заготовленной версии.

– Так я тебе их и отдал. Это – страховка. Миллионер захочет наши бабки снова вернуть в семью, так сказать. Нехорошо получится, если ему это удастся. На данный момент флешкарта – это очень большая головная боль. Встречное предложение, Василь, можно сделать?

Боец опустил АК, недовольно мотнув головой, кивнул: продолжай, мол. Я присел возле ствола засохшего дерева, жестом предлагая сделать Василию то же самое. Он неохотно подчинился. Теперь вроде все успокоилось, разговор приобрел конструктивный характер.

– Смотри: твое начальство непременно хочет получить эти данные. Но что потом? Разработка, думаю, за пределами Зоны вообще невозможна. Сам знаешь, ни один артефакт дольше года за «колючкой» не работает, а унисолы явно сделаны для «внутреннего употребления», так сказать. Следовательно, что бы там ни было на флешке, быстрой выгоды это не принесет. Допускаю, что какие-то выжимки будут, но за это время твоим командирам не раз и не два дадут по шее, а на саму «Альфу» налезут все, кому Эдвардс скажет «фас!». Вы отобьетесь, но группировка, скорее всего, потеряет свои позиции и влияние в Зоне, что гораздо важнее спорных научных изысканий. Начальство твое этого не поймет, поэтому давай так: ты сам видел, как я передал Марине ОБЕ флешки, после чего произошли известные нам события. Это снимет все вопросы к тебе и по официальным каналам дойдет до амеров. Я же никому эти данные не отдам, даже если придется за это сдохнуть: что в Зоне создано, то тут должно и остаться. Нулевой вариант, короче.

Белорус задумался. С одной стороны, у него были четкие инструкции, с другой – он был полевым агентом и действовал больше на свое усмотрение, то есть как самостоятельная фигура. Иначе оба «альфовца» просто героически погибли бы в бою, вместе с Пашей. Тайну нужно было уберечь любой ценой. Но убивать братьев мне не хотелось, да и «Альфа» как оперативная база больше подходила для моих вылазок в Зону, нежели Кордон, насыщенный агентурой всех разведок мира и в придачу информаторами уголовной верхушки Зоны. Чуть поразмыслив, Василь утвердительно кивнул:

– Добро. Верно мыслишь: некоторые двери лучше не открывать. Перебьются отцы-командиры. Знаешь, я здесь уже очень давно, словно всю жизнь только и делал, что ходил по этим заповедным местам. Тут хорошо: нет фальши и люди видны как на ладони... И друзья и враги. Как на войне.

– Довелось поучаствовать? – осторожно поинтересовался я.

Василь кивнул. Добродушная и вместе с тем печальная улыбка осветила круглое, перемазанное маскировочной краской лицо.

– Баграм, восемьдесят второй год. Я вертолетчик, Антон. Ребят вроде тебя кучу на своей «ладушке» у духов из-под носа домой перенес. Вот вроде война была, а на гражданке душно, хоть и стрельбы нет и духи далеко. Вранья много, люди жизни боятся. Почему так?

– Это нормально, просто там, где не стреляют, другая система ценностей. Жизнь продолжается, есть всякие удобства и блага – и люди воспринимают это как должное. Борьба за выживание переходит в иную плоскость: интриги, сплетни, бытовые дразги. А здесь, – я повел рукой вокруг себя, – все возвращается в эпоху, когда главным было не слово, а дело. И цена многих вопросов – это уже не цветные бумажки, а кровь и сама жизнь. Все переходит в плоскость инстинктов, упрощается.

Василь усмехнулся, напряжение постепенно отпускало секретчика. Этот раунд был за мной.

– Ты прям как профессор чешешь, будто и не прапор вовсе.

– Читал много – отец и дед долго библиотеку собирали. Я вроде как из интеллигентной семьи, поэтому и в армии без офицерского звания.

– Это как?

– Настоящий интеллигент хочет понять всё сам. Добраться до первоисточников жизни, не опираясь на авторитеты и не ища легких путей. Блажь конечно, но некоторые вещи лучше

узнавать не из книг. Так я родителям и заявил. Они не препятствовали, хоть и не одобряли мой путь к истине, так сказать.

– Ты ее нашел, ну, истину эту?

– Ну, я же здесь. Значит, нашел.

Мы поднялись, и чувство у меня было такое, что каждый узнал для себя что-то важное, бродившее в подсознании и наконец-то оформившееся в некий осязаемый принцип мироощущения. Норд сообщил, что группа сопровождения уже в зоне прямой видимости. Я дал команду сворачиваться. Следовало пройти к КПП «Альфы» до темноты. Этот район Зоны был плохо изучен, и тут часто видели мозгоедов. Стать марионеткой и сделать такими же своих бойцов я не хотел.

Встреча сопровождающих прошла нормально – это был дежурный наряд засевшего в одном из заглубленных укрытий передового дозора. Они обменялись с Василем парой фраз, старший наряда кивнул мне, и через сорок минут моя группа уже была у знакомого шлагбаума. Казалось, только вчера я прощался тут с Лесником и его непростой дочкой. Василь переговорил с начальником караульной смены, и нас пропустили внутрь охраняемого периметра. Пройдя еще через одни ворота и миновав холмистый участок, весь изрытый воронками от мин, мы вышли на разбитую асфальтированную дорожку, ведущую к комплексу промышленных зданий, на местном жаргоне именуемых «Бар». Тут было три достопримечательности: забегаловка, известная под названием «Приют старателя», совмещающая в себе функции гостиницы и закусочной; штаб-квартира группировки «Альфа», контролирующей всю территорию Промзоны и расположившейся чуть южнее, особняком; и главный аттракцион Зоны отчуждения под говорящим названием «Арена». Насколько я понял, это некий гибрид судилища, гладиаторского ринга и тотализатора, чьи сводки жадно ловят по открытому каналу старатели по всей Зоне, а диски с записями боев расходятся по всему миру, прочно удерживая первые места в рейтингах запретных развлечений.

Миновав ров и еще один блокпост, мы оказались на территории Промзоны. Узкие улочки были полны народа, кто-то спешил уйти отсюда, кто-то возвращался. Вот мимо прошла группа «вольняг» в жутко радиоактивных шмотках – счетчики радиации тревожно затрещали. Вот на территорию базы «Альфы» вошли двое сменившихся с поста снайперов, сидевших где-то у северных ворот, там периметр граничил с Дикой территорией. Стволы держали в руках, я уловил знакомый запах горелого пороха: похоже, кто-то из шляющихся по руинам мародеров или наемников уже никуда сегодня не придет. Правду говорит народная мудрость: не бегай от снайпера – умрешь уставшим. У ворот, ведущих на базу, Василь с братом от нас отделились, мы пожали друг другу руки и разошлись. Несмотря на достигнутое соглашение, я знал, что секретчик свое еще взыщет. По его представлениям, я был его должником, что давало некий бонус на будущее. То, что он заявится ко мне с какой-нибудь мутной просьбой, – просто вопрос времени.

Мы с Кротом, Нордом и Денисом зашли в бар, чем-то неуловимо напоминающий столовую на Кордоне, – только здесь помещение было оборудовано в полуподвале, а комнаты находились вообще где-то внизу, отделенные от общего зала широким зарешеченным тамбуром, где за простой школьной партой сидел охранник. Перед ним стоял монохромный монитор, разделенный на четыре сектора, где просматривались коридоры, ведущие в номера, чуть справа лежал раскрытый потертый журнал регистрации с привязанной к нему длинным шнурком ручкой, а на полу, тоже справа, стоял прислоненный к боку парты АКС-74. Парень лузгал семечки, аккуратно сплевывая шелуху в бумажный кулек, свернутый из какого-то глянцевого журнала с грудастыми полуголыми девчонками.

За широкой барной стойкой, протирая стаканы, стоял брат-близнец Поповича, только без очков. Его зычный, хриплый баритон перекрывал надрывающийся телевизор, где без остановки крутили музыкальные клипы вперемешку с записями боев на Арене. Табачный дым плотным слоем укутывал потолок и серым маревом струился между столиками, создавая в баре по-своему уютную атмосферу. Шутки, брань, ритмы современной музыки –

все это сливалось в общее монотонное жужжание, настраивая на предмет выпить и закусить.

Мы с друзьями заняли свободный столик, расположенный далеко от стойки с телевизором и поэтому совершенно свободный. Подошел худощавый паренек лет четырнадцати в камуфляжных натовских штанах и черной футболке навыпуск, чуть ли не до колен. Надпись на груди красными готическими буквами сообщала всем, кто мог ее прочитать, что парень – бунтарь: «I'm rebel». Кудрявые сальные волосы ниспадали на худые острые плечи, а когда парень поворачивался в профиль, длинный нос его, точно бушприт старинного парусника, точно указывал направление взгляда своего хозяина. Неожиданно живые зеленовато-карие глаза наводили на мысль, что для данного индивида в жизни еще не все потеряно.

– Хай! Чего пить будем? Сразу говорю: пиво только к вечеру завезут. Есть портвейн, вискарь, само собой, – начал перечислять парень чистым, даже звонким, ломающимся голосом.

– И тебе не хворать. Принеси бутылку минералки, пол-литра перцовки. Пожевать чего-нибудь есть?

– Не. Сосиски есть консервированные, картошка фри, ветчина тоже, в банках. У нас в основном чипсы да орешки потребляют. Ну, к пиву то есть. Если пожрать, так это к Люське. Баба такая. Она в бывшем цеху столовку организовала, но там водки не дождешься. Не любит она этого. Вот бродяги пить сюда и ходят. А хавать – это к Люське. Водку с собой не берите – выгонит.

– Знато. А скажи мне, парень, далеко этот рай домашней кухни?

– Сразу как выйдете – соседнее строение. Вход со двора в такой же подвал.

– Спасибо, хлопец. Неси сосиски, хлеба и поллитра перцовки. Лук есть? Тащи его головок шесть. Сала не спрашиваю, вдруг светится? За пять минут обернешься – дам червонец.

– Шас все будет. – «Бунтарь», словно призрак, растворился в дымном мареве.

Спустя ровно пять минут мы ели довольно свежий хлеб, хрустели синим крымским луком, заедая все это немецкими консервированными сосисками. Перцовка была так себе, но не напиваться же мы пришли? Жизнь снова была хороша. Еда, простая и бесхитростная, настраивала на миролюбивый лад. Напряжение последних дней понемногу отступало. Моим друзьям пришла пора определяться. Я предложил каждому высказаться по поводу дальнейших планов.

Крот выразил желание уехать: события последних дней дали ему понять, что я ввязался в большую игру, а у него уже все было в порядке. Кроме того, денег, полученных в результате операции, хватит на грандиозное переоснащение фабрики фейерверков. Но он добавил, что готов приехать, если мои дела совсем поплохееют. Денис долго вертел пустую стопку в руках, но в конце концов тоже решил отправиться домой, не объясняя причин. Это был не страх, и тут ему однозначно понравилось. Думаю, что так всегда бывает с основательными людьми: некоторые события они осмысливают неспешно, а для этого нужно время. Юрис единственный выразил желание остаться:

– Я с тобой, командир. Ты же знаешь: я без настоящего дела не могу. Там, дома, надоело все, душно. А здесь, твоя правда, чувствуешь себя на месте. Я остаюсь.

– Норд, Светлана Витальевна снимет с меня шкуру живьем. Она, если надо, сама сюда приедет, чтобы выволить сына из этого... «райского уголка». Будут проблемы.

– Мама? Нет, командир. Мама умерла два месяца назад.

– Не знал, прости.

– Люди всегда умирают, так заведено. Не будем об этом. Я остаюсь. Я решил.

– Добро. Крот, Денис... – я выудил две заранее заготовленные бумажки с номерами счетов, которые мне прислал Попович, – вот на этих номерных счетах по сто тысяч евро. Они ваши. Снимайте, пользуйтесь. Там же служащий сообщит вам номер телефона, по которому можно будет оставить сообщение для меня. Может, пригодится когда-нибудь. Завтра в четыре ноль-ноль на Кордон отправляется караван с хабаром, всякой технической

рухлядью, требующей ремонта за «колючкой». Караван ведут «альфовцы», пойдете с ними. Попович проводит вас через КПП вояк, как и в первый раз. Удачи, ребята. Иван, был рад снова увидеть тебя, братишка. Денис, ты отлично сработал, на тебя можно положиться. Удачи.

Мы посидели еще немного, потом сняли два двухместных номера, и на последующие восемь часов все вопросы были решены. Отдых для солдата – первое дело. Тот, кто строил эти казематы, был умным человеком: звукоизоляция была полной, ни один писк не доносился снаружи. Сон получился не таким, как всегда, ощущения были сходны с теми, что я уже испытывал раньше, когда мне показывали историю из жизни Сухаря. Все виделось как будто со стороны, цвета словно ушли, все отображалось в коричневато-желтой гамме, где не было места другим цветам и оттенкам. Словно на старых, пожелтевших фотографиях...

«... Человек шел уже третьи сутки. Осколок Обелиска был надежно укрыт в матово-черном тубусе контейнера, который лежал в рюкзаке. Звери как будто бы не замечали бредущего усталого и почти безоружного старателя, словно отделенные от него невидимым барьером. Вот уже восемь дней подряд Сухарь пытался выбраться за „колючку“. Это ему всегда удавалось, но дальше происходило одно и то же: куда бы он ни направился, дорога приводила его снова к дыре в сетчатой ограде периметра. Он менял направления, оставлял метки и раз за разом возвращался в исходную точку. Зона не отпускала его. Но как же быть с просьбой Обелиска? Артефакт хотел, чтобы его частица упокоилась на дне самого глубокого и чистого озера в мире, и это должен был сделать Сухарь. Что же произошло, почему Зона не отпускает?...

Неожиданно он услышал крик, потом хлопки выстрелов и рычание. Стая псевдособов нашла себе легкую добычу. Видимо, какой-то новичок забыл первое правило: сначала осмотришься, потом действуй. Подхватив „калаш“, Сухарь поспешил к месту боя. Через пять минут он был уже за „колючкой“, снова оказавшись на территории Зоны отчуждения. Сил сразу прибавилось, хотя до этого момента он уже подумывал закусить консервами и придавить на массу пару часиков, до того вымотался. Осмотревшись, старатель увидел знакомую картину: пятеро довольно мелких „прикордонных“ псевдособов взяли в полукольцо средних лет плотного невысокого мужика, который отстреливался из неподходящего для этих целей ПММ². Одну тварь новичок подранил, но этого было явно недостаточно: чтобы псевдособы отстали, нужно обеспечить их пищей, то есть убить хотя бы одного пса. Но с ПММ такие фокусы не удаются: мутировавшие псы неплохо переносят девятый миллиметр, поэтому скорее уж они загрызут мужика, а выстрелы станут прощальным салютом над могилкой в виде жухлой местной травы.

Нужно было помочь: Сухарь вскинул АКСУ. Он не понял, как этот автомат оказался у него в руках – это произошло после толчка в спину на Припяти. А ведь он продал „Чебурашку“ еще год тому назад, а его старый верный АКМС, видимо, навсегда остался у саркофага. Впрочем, удивляться было некогда. Старатель плавно выбрал люфт спускового крючка. Две короткие очереди, и вожак стаи, неловко кувыркнувшись через голову, укатился в овраг. Его сородичи, ведомые только чувством голода и страхом перед сильнейшим, тут же бросили трудную добычу и помчались делить еду и драться за освободившуюся вакансию лидера. Новичок опустил пистолет, уже вставший на задержку, и оглянулся. Увидев опустившего автомат Сухаря, он выронил ствол и попятился. Старатель повесил оружие на плечо и вытянул руки в миролюбивом жесте: „Не трону, мол“. Мужик вроде немного успокоился. Завязался разговор.

Мне вдруг стало очевидно, что этот бородатый мужик с ПММ – мой старый знакомый Ник-Ник. Оказывается, он знал не последних людей в Зоне. Любопытно. Зачем-то ведь мне показывают это кино...

² ПММ – пистолет Макарова модернизированный.

Старатель и Ник-Ник отошли за пригорок, снова приблизившись к „колючке“.

– Ты как сюда попал, мужик? Да еще и без оружия почти. Жить надоело?

– Н-нет. – Мой покойный компаньон имел довольно бледный вид, постоянно порываясь задать стрелка. – Бизнес свой хочу открыть. А денег нет совсем. Вот занял у кого мог, подался сюда, может, удача улыбнется.

– Считай, что так оно и случилось. Удача сегодня раздает призы горстями: ты остался жив, а состояние я тебе обеспечу. Но ты должен будешь кое-что сделать для меня. Согласен?

– Ч-чего это...

– Не трясись. Взрослый мужик вроде. Дам я тебе одну вещицу, ее надо отнести и опустить в озеро. Сам-то откуда будешь?

– Я из Н-Новосибирска.

– Хорошо, поедешь на Байкал, откроешь контейнер, кристалл утопишь. Через полгода он сам к тебе вернется. А ты его привезешь сюда. Отдашь Поповичу. Знаешь такого?

– Встречались. Только я не...

– Не торопись... Вот тебе другой контейнер, в нем очень редкие артефакты. Долго их собирал. Тебе там, за колючкой, на полжизни хватит. Сам я уйти пока не могу, дела у меня тут.

Сухарь болезненно скривился – отдавать контейнер мутному типу не хотелось. Но ключ в тубусе пел, что все идет как надо, и старатель чуть успокоился. Поломавшись для проформы, Ник-Ник взял тубус и вместе с контейнером упрятал его в мешок. Старатель вывел его за периметр и, прощаясь, припугнул. Но это и не было нужно. Сухарь уже догадался, в чем заключается волшебная сила его убеждения.

Вернувшись обратно, он скинул рюкзак, сел на пригорке, положив автомат по другую руку. Появился другой человек, тоже хорошо известный мне. Шахов присел рядом с Сухарем, сорвал желтую травинку и засунул кончик стебля в рот.

– Здорово, Сухарь. Чего притих? Страшно стало или...

– Обелиск обманул меня. Я покойник, такой же, как и ты. На черта мне такое счастье?

– А куда тебе идти? Ты всегда был здесь. Что было раньше – уже не вернешь. Ведь не умри ты, снова шарился бы по Зоне, возился со снаряжением, добывал хабар. Ничего не изменилось. Так все и останется.

– Но уйти-то я уже не смогу. Я заперт тут. Понимаешь, ЗАПЕРТ!

– А если уйдешь, то будешь заперт там. – Черный старатель зло махнул рукой себе за спину, в сторону забора. – Но там выбора еще меньше. Люди не любят таких, как мы.

– Это покойников что ли? Так и я не шибко их жалую.

– Дурак. Все ты понял. Нечего людям вроде нас с тобой делать там, в мире. Наше место здесь. – Рэд похлопал ладонью по земле рядом с собой. Трава в том месте тотчас заиндевелила. – И в глубине души ты это понимаешь. Обелиск спас тебя, спасаясь сам. Как умел, конечно. Ты не мертв...

– Но и не жив.

– Кто знает, как оно. Временами я думаю, что быть живым в нашем положении – это лишь вопрос хотения. Насколько сильно пожелаешь, настолько материальным сможешь быть. Я вон даже в „Теремок“ раза два заходил.

– И что?

– И зашибись, как будто бы и не умирал. – Черный старатель весело подмигнул неофиту. – Лучше не стало, но произвольную программу откатал на „отлично“.

– Но выбраться-то отсюда все равно нельзя.

– Хм. Тут такое дело. Обелиск можно будет попросить еще раз, если он сможет – вернет тебя. Но это еще не скоро. Сам понимаешь, сектанты второй раз так сильно не просчитаются. Я уже сейчас ближе чем на пяток километров к Обелиску подойти не могу. Тебя еще раньше корезить начнет. Длина волны излучения Выжигателя изменилась, простой народ уже так быстро не мрет, зато нашего брата просто отбрасывает черт-те знает куда. Возвращаться трудно. Нужно подождать. Когда ключ вернется в Зону, тогда и наступит

момент окончательного расчета. Сейчас все на время затихнет. Потрясет, конечно. Сектанты отступят только тогда, когда поймут, что артефакт утратил цельность. Но это еще не скоро. Камень уснул, Зона будет предоставлена самой себе.

Наша с тобой задача – поддержание баланса сил. Будешь помогать?

Сухарь замолчал, глядя вдаль, где выводок кабанов стремительно догонял пару слепых собак. В отдалении слышались громовые раскаты, в тучах сверкали зарницы. У воздуха был запах приближающегося дождя. Тряхнув головой, Сухарь протянул Рэду руку в знак согласия. Старатели молча поднялись и разошлись в разные стороны, истаяв в воздухе через пару минут».

Я проснулся. Было уже полтретьего утра. Пора было поднимать людей и собираться. Об увиденном я старался не думать. Не люблю сны. И еще больше не люблю всякие загадки. Однако сейчас предстояло заниматься насущными проблемами: с караванщиком надо было основательно перетереть относительно моих бойцов. Крота было жалко отпускать: подрывник с таким талантом рождается раз в сто лет. Денис тоже имел определенные задатки, но у парня была своя дорога. С самого начала я чувствовал, что наши пути скоро разойдутся.

С водилой договорился быстро: хорошо вооруженные и опытные попутчики, да еще с рекомендациями Василя (который оказался не последним человеком в клане), в долгом и опасном пути всегда кстати. Крот живчиком вскинул РД на плечо, подхватил «калаш» на сгиб правой руки и, кивнув мне на прощание, ушел в голову колонны. Денис почему-то не уходил, переминаясь с ноги на ногу. Потом подошел ко мне и сказал:

– Командир, не держи зла, что ухожу.

– С чего бы это мне злиться? Каждый должен был сам решить, куда идти. Наши пути пока расходятся, только и всего.

– Но вы с Нордом остаетесь тут одни, я чувствую – будет что-то серьезное. И вам придется туго.

– Думаю, мы справимся. В Таджикистане я услышал одну народную мудрость: «Где встретишь врага, там найдется и друг». И, что самое любопытное, так оно всегда и выходит. – Я подмигнул все еще хмурому Денису и хлопнул его по плечу: – Пусть там, куда пойдешь ты, найдутся и достойные враги, и верные друзья. Удачи, боец. Прощевай покуда.

Денис кивнул и присоединился к хвосту каравана. Тот уже почти вышел за пределы первого блокпоста. Надеюсь, парень достойно встретит свою судьбу и у него хватит мужества перенести ее сюрпризы с честью...

Мы с Нордом устроились в северной части комплекса, заняв старую водонапорную башню. Там никто не жил из-за близости к Дикой территории, но, похимичив с периметром и поставив пару сюрпризов в дальних (юго-западных и северо-западных) секторах, не прикрытых с расположенного неподалеку аванпоста, проблему неожиданной атаки удалось частично решить.

Я составил примерную карту оборонительного периметра, обозначив минные заграждения, и понес ее на утверждение в особый отдел клана, предварительно уведомив командира дежурной смены аванпоста. Мало ли что: вышлет патруль, а ребята на мои сюрпризы наскочат. Воспринял мое соседство альфовец нормально: лишние глаза на проблемном участке никогда не помешают. Обменялись паролями для экстренной связи на случай прорыва. Он обещал уведомить смену об изменении общей обстановки.

Юрис остался обустройства базу, заметив, что место неплохое. Я же подхватив автомат, отправился к южной части комплекса. Там размещались казармы, тренировочный полигон, штаб и хозяйственные постройки «Альфы». На КПП меня остановили, попросили подождать. Вышел парень с нашивками сержанта и проводил меня за первое кольцо охраны. Я заметил, что штабные ходили в повседневке (камка, берцы и кепи), все было как в родной армии: погоны, эмблема на левом рукаве, группа крови. Не было только кокард на кепи, не знаю почему.

Мы зашли в длинное помещение с узким коридором и парой дверей. В одной меня попросили сдать оружие под расписку. В другой выписали пропуск и повесили гостевую бирку желтого цвета на грудь. Ее хорошо было видно издали, поэтому на поражение никто сразу стрелять не станет, сначала предупредит. Потом сержант указал на трехэтажное строение с высоким крыльцом. Там размещались канцелярия и особый отдел группировки. Меня направили в девятый кабинет, к капитану Таборину, он был кем-то вроде коменданта района.

По пути я отметил отсутствие плаца для шагистики и флагштока. Видимо, «альфовцы» не хотели давать бесплатный ориентир корректировщикам огня соседей в лице вояк и «сичевых». Заметил полигоны, где отдельные группы отрабатывали штурм зданий, форсирование водной преграды, проходили усложненную полосу препятствий на результат. Слышались стрельба, крики инструкторов. Более частая и системная канонада звучала со стрельбища: его мне не было видно, но то, что оно присутствовало, было ясно по ряду характерных признаков.

Войдя в здание комендатуры, как я ее прозвал, предъявил дежурному пропуск и в сопровождении еще одного бойца с «Абаканом» прошел в кабинет к капитану Таборину. Мужик под полтинник, с коротким «ежиком» соломенно-белых волос, серыми пристальными глазами на совершенно круглом, дубленом всеми ветрами лице. Кряжистая, невысокая фигура, мало подходящая для кабинетной работы. На левой стороне груди орденоские планки: два ордена Красной Звезды, медаль «За отвагу», два ордена Боевого Красного Знамени, орден Ленина. М-да... Серьезный мужик, отнесемся с уважением.

Я прошел, представился. Капитан отпустил сопровождающего, тот, отдав честь, вышел. Жестом Таборин пригласил присаживаться. Потом начал говорить, голос у него был тихий, хриплый немного усталый:

– Знаю про тебя все, знаю. Чем планируешь заниматься? А вот это толково! – глянул он на схему минных заграждений. – Мне Анохин доложил, правильно все сделал, прапорщик, правильно. К нам не хочешь пойти? Слышал, ты разведчик, работы много, подключайся. Поставим на довольствие, походишь в рейды с нашими, потом свою группу наберешь. Как предложение?

– Благодарю, товарищ комендант. Но сначала я прошу разрешения осмотреться, узнать обстановку. Само собой, обещаю учитывать интересы вашего отряда во время вылазок в Зону. Если чего увижу необычного, дам знать, если, конечно, рабочую частоту дадите и человека для связи. А пока я тут новичок, никаких обязательств давать не хочется. Преждевременно это. Прошу меня понять правильно, я вам не враг, скорее наоборот.

Таборин задумчиво повертел карандаш в коротких сильных пальцах и, чуть помедлив, кивнул. Потом написал пару строк на листке отрывного календаря, продублировав запись на клочке бумаги:

– Позывной для связи с нами: «Гора четыре», вот частота. Ответит либо Кашин, либо лейтенант Зенкевич. Больше никому не отвечай. Как им тебя называть?

– «Тридцать девятый». А если Кашин ответит, то вспомнит меня, мы встречались пару раз, его голос я узнаю. Если это все, я пойду, товарищ капитан?

– Владимир Семенович. Лучше так зови.

– Хорошо, договорились. Я – Антон. Можно пока без отчества. Пойду я, до свидания.

– Я позвоню на КПП – тебя выпустят, выпишут пропуск постоянный. Заходи, если чего нужно. Ну, а если что-то нужно будет мне, – тут капитан раздвинул губы в улыбке, – я человека пришлю. Добро?

– Договорились.

Мне тонко намекали на то, что я тут как на ладони и что некоторые просьбы придется выполнять в строго обязательном порядке. Но это было ожидаемо и сильно не осложняло моего положения. Независимый статус остался при мне. В случае чего можно будет просто уйти в отрыв. Необходимость в собственной, удаленной от любого влияния базе все острее вставала передо мной по мере того, как местные большие игроки втягивали меня в орбиты

своих интересов. Пожалуй, это и будет основной задачей на первое время. Нужно тут полазить и все исследовать. Времени много, займусь пока изучением карт, поспрашиваю людей, чего тут и как.

Уже почти у выхода с территории отряда меня окликнули. Женщина, примерно моих лет. На ней был такой же камуфляж, как и на всех, только поверх был надет белый халат. Врач или фельдшер. Черные вьющиеся волосы были коротко подстрижены, но это женщину не портило: тонкие линии овального, с чуть тяжеловатым подбородком лица смотрелись очень даже ничего. Фигура, скрытая слегка не по размеру подобранной формой, наводила на мысль о спортзале: легкие и плавные движения при беге говорили о регулярных тренировках. Добежав до меня, женщина затараторила:

– Здравствуйте, Антон! Вы меня не знаете, но я про вас слышала. Мне говорил Василий Гриневич.

– Доброго дня. Не знаю такого. Чем обязан?

– Ну как же: вы же вместе вернулись вчера вечером. – Легкое замешательство, морщинки на гладком лбу. – Он служит здесь при штабе. Они с братом очень хорошо о вас отзываются.

– А-а! Вы говорите про Василя. Да, теперь понятно. Так чем могу помочь?

Женщина сбивчиво рассказала, что три недели тому назад умер парень, который был единственным выжившим из десяти разведчиков, отправленных в поиск. Его нашли в катакомбах на ничейных землях с артефактом на груди, рядом с останками банды каннибалов. Девушка, которая нашла тело, призналась, что помощь вызвал некий старатель, не назвавший имени и не показавший своего лица.

– Что заставляет вас думать, что это был я? Мало ли бродяг ходит по Зоне.

– Нож. Девушка говорила про специальный нож и...

– Мой нож самый обычный, таких много. Но чтобы сэкономить ваше время... Как вас, кстати, зовут?

– Светлана Борейко. Я жена Тимура Алимова, сержанта отдельного поисково-разведывательного отряда «Рысь». Гражданская жена. Тут познакомились. Говорил, что скоро вернется и... – Слез не получилось, женщина сказала все это глухим голосом отчаявшегося и изверившегося человека.

Не знаю почему, но я ответил откровенно:

– То, что я скажу, будет неприятно. Но уж как есть. Вы в состоянии без истерики меня выслушать?

Светлана утвердительно кивнула и как-то вся сжалась.

– Хорошо. Вот то, что я знаю... Я шел по своим делам, прятался в тоннелях от Волны. Чуть заплутал – место было для меня незнакомое. Девчонка эта прибилась еще. Взял с собой. На выходе, в первом горизонте, натолкнулся на банду людоедов. Перебил. Идти-то надо было, не век же по подземельям шариться. Нашел останки нескольких тел и одного прикованного к стене человека. Нашел пару ПДА, один – вашего мужа, другой принадлежал раненому ефрейтору Бахчееву. Помощь оказал, какую мог. Артефакт оставил.

– Это продлило ему жизнь, но спасти все равно не удалось: нужен был вертолет. Военные отказали, ученые из лаборатории X-20 тоже потеряли единственный транспортник. Все было безнадежно. Даже алхимики помочь не сумели.

– Я слышал, тут у вас обитает некий Доктор. Лечит всех, даже безнадежных больных.

– Он отказался помочь: ребята за пару дней до этого подстрелили раненую «плоть», которую болотный Доктор до этого вылечил. «Жизнь за жизнь» – так он сказал.

– Понятно. Ну, в общем, вот то, что я знаю. Останки точно идентифицировать не представлялось возможным, предположить можно все. Ни живым, ни мертвым я вашего Тимура не встречал.

– Тогда, может, вы возьметесь его отыскать? У меня есть план операции и их маршрут. Подробная карта, место последнего радиообмена с базой.

– Прошло порядочное количество времени, следов практически не осталось, а поиск по

косвенным данным может затянуться.

– Я не тороплюсь. – Светлана горько усмехнулась. – Найдите хоть что-нибудь, я очень вас прошу.

Мне все равно нужно было начинать поиски места под ППД, можно будет совместить два дела в одно. Ведь любое дело откуда-то должно начинаться.

– Хорошо. Я начну поиски с завтрашнего дня. От вас мне нужно...

– Я могу заплатить. Но, правда, немного...

– Не перебивайте. От вас мне нужно полное содействие в плане получения информации по маршруту группы вашего мужа. Все данные, что вы сможете достать, – чем больше, тем лучше. Гарантий никаких дать не могу. Только мое слово насчет того, что я действительно буду очень хорошо искать. Меня этому неплохо обучали. По поводу денег – забудьте, этот вопрос мы больше не поднимаем. Хорошо? Вы согласны?

Светлана закивала головой и протянула мне флеш-карту. Я скопировал данные в свой ПДА и вернул ей накопитель.

– Если чего найду – сразу по прибытии сюда дам знать. До свидания, Светлана, мне действительно уже пора идти.

Получив оружие и размышляя о том, как лучше организовать поисково-разведывательный рейд, я не заметил, как вернулся в башню. Юрис отлично постарался: ставни и местами даже окна были водворены на свое прежнее место, в подвале нашлась старая душевая и умывальник с невесть как уцелевшим зеркалом. Тут можно было укрываться от Волны, держать арсенал и кладовую. Жизнь вроде налаживалась.

Уже под вечер, закончив прибираться и разместив вещи, поставив ловушки от незваных гостей, мы сели за довольно крепкий стол, который Норд выменял на десяток патронов у местных бомжеватого вида жителей. Предстояло обсудить, как нам действовать дальше. Юрис тоже был согласен со мной по поводу того, что помочь медичке стоило, не согласен он был только по поводу удаленной базы, у «альфовцев» ему нравилось больше. Мы решили, что идти в поиск нужно мне. Норд еще слабовато разбирался в местных условиях, к тому же мне нужны были объективные данные по общей обстановке на базе «Альфы» и вокруг нее. Предстояло завязать нужные знакомства, наладить снабжение. Самое главное – информация. Вопросы типа «кто?», «где?», и «когда?» могли сильно облегчить нам жизнь. Доверять я мог только Норду, поэтому ясно, кто пойдет, а кто остается.

Экипировался я как обычно, увеличив только размер носимого полезного груза до семидневного объема. Кто его знает, как долго предстоит шариться по местным достопримечательностям. Вышел в четыре часа утра, быстро миновав посты. Поиск следовало начать с заброшенной стоянки «вольняг», где, собственно, и начинался маршрут группы Тимура. Получив сигнал о перестрелке, они выдвинулись к депо довольно поздно: прошло порядка восемнадцати часов.

Пройдя пару мусорных холмов, я вышел на прямую линию с точкой назначения. Тут следовало сменить тактику: согласно последней собранной Нордом в баре информации, стоянка в депо была с тех самых пор заброшена. Никто не останавливался там на ночлег, никто не стремился подмять под себя довольно удобное в стратегическом плане местечко, что очень странно. С другой стороны, про аномалии или опасных зверей тоже ничего слышно не было. А уж кто-кто, но зверье шарится по развалинам всегда.

Местность была насыщена мелкими группами уголовников, которые перехватывали идущих с Янтая и Кордона. В первом случае – чтобы поживиться за счет потрепанных и уставших «вольняг» и более слабо вооруженных, чем они сами, мелких старательских команд. Во втором же случае пожива шла за счет новичков, только выбравшихся в Зону, или журналистов и всякого рода экстремалов, ищущих приключений на свою пятую точку. Караваны больших группировок и сильные отряды старателей бандиты обходили стороной.

Мне тоже попались две довольно грамотно организованные на случайного путника засады: в первом случае я обнаружил движение по флангу и просто затаился, бросив гайку в близко расположенный «прыг-скок», имитировав свое попадание в аномалию. Двое бандитов

прятались у автобусной остановки, а их, видимо, лучший в банде стрелок залег на холме справа. Первые двое сломя голову побежали ко мне, третий оказался умнее и со своего места не поднялся.

Вынув АПБ, я положил с десяти метров обоих искателей чужого добра и резко перекатился вправо, уходя от ответного огня третьего бандита. Парень сделал единственную ошибку: продолжал лупить длинными очередями по тому месту, где меня уже не было, позабыв сменить позицию. К тому же у него был МР-5, и это на разделяющих нас шестидесяти метрах приводило к тому, что пули летели широким веером.

Ползком обогнув холм, на котором залег бандит, я вышел к нему в тыл и занял позицию стрелка. Все как обычно: кожаная куртка, теплые тренировочные штаны, демисезонные кроссовки и довольно высокий радиоактивный фон. Бандиты шляются по Свалке почти без защиты, век их короток, но и простым людям его укоротить они успевают основательно. Как правило, хватает одного выстрела в голову, но, когда имеешь дело с уголовниками, лучше подстраховаться. Они же все ходят обдолбанные, и часто даже физически мертвый урка может на последнем издыхании огрызнуться случайным выстрелом. Поэтому первая пуля пошла в позвоночник и лишь вторую я послал бандиту в голову.

Обыскав трупы, ничего полезного, кроме трех дешевых артефактов, не нашел. Оружие их было в очень скверном состоянии, поэтому побросал тела в многострадальный «прыг-скок» вместе со стволами.

Сложив артефакты в контейнер и запутав след скорее для проформы, нежели по необходимости, я отправился дальше.

Уже начало смеркаться. Я выбрал место в ложбинке между трех небольших холмиков и развел костерок без дыма. Веточки и сухостой давали ровное и чистое оранжевое пламя. Дождя не было уже неделю, поэтому я отказался от сухого горючего как способа побаловать себя чайком. Разогрев банку каши с мясом и запивая крепким, почти черным чаем, я стал прислушиваться. Вроде привычные звуки, ничего особенного, сканер показывал обычную для этого времени суток активность военных патрулей и мелких бандитских групп. Идиллия.

С северо-запада послышались шуршание и нарочито громкие шаги: некто давал о себе знать, видимо решив присесть к огоньку. Расстегнув кобуру, я выложил пистолет, поставив переводчик огня на автоматический огонь. Со стороны приближающегося путника ствол не будет замечен (тень от РД скрывала его), а автомат лежал рядом, на видном месте.

Путник подошел, и в неярком свете костра я разглядел потертый, грязный дождевик с остроконечным капюшоном, стоптанные «кирзачи» и лысую голову. Это был мужик неопределенного возраста: таким можно дать и сорок, и семьдесят лет. На круглой красной физиономии выделялись изумрудно-зеленые глаза. С вертикальным зрачком. Грубые черты лица резко диссонировали с ними, наводя на смутные, нехорошие мысли. Возможно, это слабый мутант, который не может убить жертву издалека и нападает только на спящего или безоружного. Возможно, этот мутант не любит человечину и ему нужно что-то еще. Кусочек сахара, например. Побеседуем – узнаем.

Мутант держал руки на виду, на правой свободно болтался тощий «сидор» из вылинявшего брезента в грязных разводах. Радиоактивный фон был нормальный, хотя в том направлении, откуда гость пришел, виднелись только «светящиеся» холмы всякого хлама. Сделав приглашающий жест, я указал гостю место напротив себя. Кивнув, тот присел, держа котомку на коленях, и сам начал разговор:

– Доброго вечера, солдат. Хорошо, что стрелять не стал. Приморился я сегодня, да и воин из меня никакой. Слышал о тебе.

– И что говорят?

Мутант усмехнулся, повторяя мою собственную «улыбку». В мерцающем свете костра это выглядело для постороннего человека жутковато. Особенно когда я вернул любезность. Со стороны мы практически ничем друг от друга не отличались: будь поблизости кто из вольняг или клановцев, нас с ночным гостем положили бы рядом.

– Умный вопрос. Охотник сказал. Назвал тебя братом, сказал: если что, я сам пойму, почему он так тебя назвал.

– Угощайся. Много нет, но что есть – поделюсь. Раз день был трудный, на пустой желудок разговаривать не резон. Вот каша со свининой, вот заварка. Ешь, пей. Говори.

Мутант благодарно наклонил шишковатую голову и взял открытую банку рисовой каши, затем сыпанул заварки в крышку своего прокопченного армейского котелка, снова поблагодарил, когда я налил ему воды из походной фляги. Потом, не боясь пламени, притулил котелок на обломок кирпича, служивший мне плиткой. Молча ел, потом, когда вода забулжила, высыпал заварку в котелок и накрыл крышкой. Я уже поел, поэтому просто смотрел на огонь, чтобы не смущать гостя излишним вниманием, но и не выпускать его из виду. Наконец мутант заговорил:

– Спасибо за компанию и еду. Охотник был прав: ты другой.

– Могу я узнать твое имя?

– Тут меня люди никак не зовут: больше боятся или взорвать норовят. Ученые как-то поймали, притащили к себе, иголки всякие втыкали. Кормили, правда, знатно: пять раз в день. Но потом решили препарат из меня соорудить. Ну, собрал я манатки да и ушел от них. Смешно было: бегают, суетятся, ищут!.. – Мутант снова улыбнулся, видимо вспоминая переполох в лаборатории, и, отхлебнув чаю, продолжил: – Так вот, профессор Беглов меня Подорожником прозвал. А своего имени я им не говорил – немой прикинулся.

– Я слышал о тебе: просишь у путников еду, а кто не дает – рискует не проснуться.

– Э-эх! – Подорожник даже пристукнул с досадой по коленке. – Так это ж кого: пару бандюков за то, что дали тухлые консервы, а я им честно «ночную звезду» отдал за них! Попробовал – чуть не помер. Догоняю, говорю: нехорошо, ребята, старика обманывать. А они из автомата, да в два ствола... Естественно, осерчал. Быстро-то я не могу бегать, пули от меня тож не отскакивают. Есть вот это только. – Подорожник расстегнул дождевик, и на свет появилась длинная трехсуставчатая рука. – Но это с виду только страшно, а на самом деле жутко болит потом.

– Ты пришел со стороны мусорных холмов, там радиация местами зашкаливает под сотню дневных норм. Как выживаешь там, если не секрет?

Подорожник помешал угли в костерке длинным заостренным пальцем третьей, костяной руки. Задумчиво уставившись в пламя костра, пожал плечами.

– Черт его знает. Ты думаешь, мы все про себя понимаем? Да ни фига подобного! Я, вон, помню себя только лет с десяти, да и то смутно: мир этот чужой для многих наших. Но никто толком не помнит, как и почему мы здесь. Вон побратим твой да родичи его – те с самого начала все знают. Только это запретная тема у них – никому не говорят.

– А мозгоеды?

Подорожник зло сплюнул в сторону, и глаза его словно осветились изнутри недобрым светом.

– Мозгоеды тоже многое знают. Только говорить ни с кем не будут. Больные уроды потому что. Из-за них люди охотятся на остальных наших, стреляют во все, что движется, даже если не мешает. Берегись их, парень, человека запутать и мозги выжечь – это их любимое развлечение и заодно лакомство. Они особо и не едят простую пищу. Так – для проформы только...

Мы сидели еще долго. Подорожник помог мне разобраться в карте местности, дорисовав (довольно профессионально) некоторые участки болот за Янтарем. Я демонстративно убрал автомат и вложил АПБ в кобуру. Оценив мой жест правильно, мутант спрятал костяшку и, порывшись в мешке, достал из его недр редкий трансмут – «Лукерьины бусы». В знак доверия я сразу вложил артефакт в кармашек на поясе. Сил через пару минут ощутимо прибавилось: трансмут не имел известных побочных явлений и за «колючкой» стоил пару сотен тысяч евро, если не больше.

Перед тем как улечься спать, я задал последний вопрос:

– Примерно месяц с небольшим тому назад на Депо была громкая перестрелка. Не

припоминаешь?

– Помню, конечно: чужие это были, семеро, говорили непонятно, совсем тут такого языка не слышал. Лупанули по воротам из гранатометов, и тех, кто пытался выскочить, положили. Потом порезали всем головы и мин понаставили. Сейчас даже псы безглазые туда не суются. Чуют железки пакостные и не суются. Я тож не хожу – жизнь-то одна.

– Куда пошли эти чужие, случайно не заметил?

– Пошли в сторону болот, точнее не скажу. «Альфовцы» потом приходили, один подорвался на растяжке, встали лагерем, ждали подмогу. Потом собрались... Вроде по следу пошли.

– Понятно, спасибо. Ну, время позднее, спать давай.

– А не боишься меня?... Вроде как я во сне убиваю. – Подорожник хитро прищурился, вопрос был задан полушутя, но чувствовалось, что от моего ответа зависит что-то важное, лично для него. Убить он меня бы не смог, даже если бы попытался, это было очевидно.

Я ответил максимально искренне:

– Нет. Ты не страшный. Хорошо глупости говорить. Это ты, может, радиациихватишь и готов сутками зажигать без отдыха. Мне сон требуется. Отбой, короче.

Я нарочито небрежно повернулся спиной к костру, положив между огнем и собой довольно увесистый кусок бетона, чтобы во сне не скатиться к пламени. Отодвинулся в тень. Стало тихо. Потом Подорожник зашуршал котомкой и... захрапел.

Спал я, как обычно без сновидений, фокусы местных чародеев меня больше не беспокоили. Встав, я обнаружил, что Подорожник ушел, оставив клочок бумаги, придавленный осколком кирпича к камню, возле которого мутант сидел ночью. Неожиданно ровным и четким почерком при помощи грифельного карандаша было выведено следующее: «Спасибо за ночлег и интересный разговор. Если буду нужен, оставь записку на заброшенной автобусной остановке, возле заставы „альфовцев“. В южном углу есть ниша, там гильза автоматная. Чем смогу, помогу. Тихон добро помнит. Прощай, Тридцать девятый».

Записку я уничтожил, когда кипятил чай и разогревал кашу. Популярность в «узких кругах» стремительно росла. Это имело как свои положительные, так и кучу отрицательных сторон. Мутанты становились ценным независимым источником информации и не менее ценными помощниками в осуществлении ряда «острых» акций. Другое дело, что было непонятно, какие цели они преследуют, чего хотят от меня и насколько их сведения могут быть объективными. С людьми и проще и сложнее одновременно: прикинь их шкурный интерес, личные пристрастия – и уже практически знаешь, откуда ждать подлянки или, наоборот, помощи и поддержки. Мутанты же непредсказуемы.

Через сорок минут я уже был возле Депо. Вобразившись на насыпь над заваленным железнодорожным тоннелем, я внимательно осмотрел периметр сортировочного узла. Общая картина подтверждала рассказ Тихона Подорожника. Вот кучка гильз от РПК, вот два тубуса от «мух». Зверья действительно поблизости не наблюдалось, лишь в паре сотен метров восточнее тусовались слепые собаки, растаскивая какую-то падаль.

Осмотр внутреннего двора подтвердил мои худшие подозрения: характерный почерк духов. Все говорило о том, что это опытные восточные наемники. Разведчик «Альфы» подорвался на «дурке» (обычная оборонительная граната, замаскированная куском выбитого асфальта или щебенки, – жертва задевает кусок, придавливающий предохранительный рычаг, и «мокрый» гостинец рвет все в клочья). Дешево и сердито. Были тут и заминированные уже «подсохшие» трупы без голов, и заманчивый рюкзак с полуразвязанной горловиной. Короче, классика жанра. Я насчитал в общей сложности десять растяжек на гранатах, пять «ведьмочек» и четыре старомодные, но убойные закладки на основе «помогаек»³. Духи порезвились вовсю.

³ ПОМ-2М – противопехотно-осколочная мина. Корпус цилиндрический, литой, чугунный. В настоящее время мина не производится, но с вооружения не снята.

У дальнего правого угла, видимо, допрашивали пленных, привязывая их к свисающим со стропил цепям. Взяли только двоих, но изгалялись по полной программе. Потом собрали трофеи и ушли. След запорошили грамотно, да и дожди со временем стерли почти все хорошие «указки»⁴. Но те, что остались, подтверждали слова мутанта про пункт назначения духовской группы.

Вызвав карту местности на экран ПДА, я прикинул, куда они могли тут идти. Естественно, что им нужно было место для постоянного лагеря, желательно труднодоступное. Подходящей была группа островов к западу от Янтара, в заболоченной низине. Тихон довольно точно указал гати и тропы. Острова были идеальным местом для базы. В случае чего там можно успешно обороняться и без проблем выйти оттуда за «колючку», узких мест для прорыва хоть отбавляй. А вот блокирующая группировка будет ограничена в маневре, вынужденная распылять силы по заболоченной, плохо проходимой местности, позволяя противнику легко обходить заслоны и прорываться в северо-восточном и юго-западном направлениях. А там уже Мертвый город, катакомбы, и ищи их, сколько влезет.

Сверив выявленное направление с маршрутом группы Тимура, я понял, что разведчики быстро встали на след и продвигались в верном направлении. Нужно было идти за ними. Обозначив на карте примерную схему ловушек, я вышел на связь по резервному каналу с Кашиным и переслал ему схему с указаниями типа закладок и примерным их описанием. Добавив на словах, как их лучше будет снимать. Настоятельно рекомендовал сделать это как можно скорее – в Депо удобно укрываться от Волны, а неопытный старатель, привыкший к подлянкам чисто аномального характера, станет легкой жертвой подлянки человеческой. Кашин вяло отговорился дежурным: «Как будет время – пошлю группу».

Плюнув на поиски, пришлось еще десять часов до темноты возиться с минами. Зеленой краской, которую нашел в конторке диспетчера, я обозначил безопасные зоны. Намалевал на воротах предупреждение. Краска была какого-то ядовито-«кислотного» оттенка, и буквы были хорошо видны в сумерках. Только чудом удалось не измазаться в колере. Сделал длинный привал, удобно устроившись на старом диване в технической яме у правой стены. Утром следующего дня вышел и уничтожил мины, снятые ранее. Духовские гостинцы себе брать не стал – эти знатные выдумщики могли запросто похимичить и с нутром ВУ. Вышло громко, но тут такое повсеместно, и обратить на себя внимание я не боялся: если духи услышат, подумают на свой гостинец, если кто-то еще, скорее всего проигнорирует.

Сверясь с маршрутом, я понял ошибку «альфовцев»: духи оставили тыловой заслон, который еще трое суток находился в отрыве от основных сил отходящей ДРГ⁵. Услышав взрыв и приметив возню «альфовцев» на месте боя, духи отправили гонца с известием, чтобы не быть обнаруженными по радиообмену. Даже сейчас примятая трава и пара одноразовых шприцов показывали место, где духовский заслон обретался. Когда же «альфовцы» встали на след, моджахеды пошли за ними, маскируя радиообмен декодером смены радиочастот. Если не злоупотреблять – действенная мера. Еще сутки ничего кардинально не менялось. Но дальнейший ход событий был уже ясен. «Альфовцы» шли в засаду, расставленную духами, к тому же их грамотно обошли по правому флангу и с тыла.

К вечеру третьего дня я вышел на место боя. «Альфовцы» даже не смогли толком развернуться для обороны. Все заняло минуты полторы. Пятерых убили сразу, троих взяли в плен уже ранеными. Видимо, одного взяли совсем плохим, потому что по ошметкам на корявой березе и характерно примятой траве я понял, что чей-то труп сбросили в аномалию,

⁴ «Указка» – жаргонный охотничий термин, обозначает сломанные ветки, примятую и поврежденную растительность, могущую местом слома указать примерное направление движения добычи.

⁵ ДРГ – диверсионно-разведывательная группа.

дабы скрыть следы. А вот потом стало твориться нечто странное: духи шли обычным порядком, иногда останавливаясь, чтобы выслать разведку и проверить тылы (ох, кисло будет тому, кого пошлют этот гадюшник чистить), но потом разом начали палить во все стороны и друг в друга. Очень весело. Затем, побросав трупы в аномалии и собрав оружие, трое духов, бросив обоих пленников, направились прямо в топь. Один за другим, да ровно так, словно... Ой елки-моталки!

И тут же я ощутил накатывающую тошноту. Глаза застилал туман, тело стало ватным, движения замедлились. Ни духи, ни я не заметили мозгоеда. Мутант устроился где-то неподалеку и развлекался с прохожими на всю катушку.

Про этих, скорее всего разумных, обитателей Зоны было известно очень мало. Их следует обходить дальней дорогой и, если попался этой твари на глаза, бежать как можно дальше. Огнестрельное оружие мутант отведет, не даст прицелиться. Гранату бы кинуть, но пока мутным взором оглядишь все вокруг, он уже подберется поближе и выжжет мозги напрочь.

Самый главный враг человека, попавшего в экстремальную ситуацию, – это панический страх смерти. Нужно суметь взять эмоции под контроль и смотреть на ситуацию как бы со стороны. Страх превратится из врага в верного союзника, обостряя чувства и рефлексы.

Мутант ударил, только когда я вошел в некую зону, где его дар зацепил меня практически краешком. Я знал, что на такой дистанции мозгоед вынужден сохранять неподвижность, чтобы уберечься от ответного нападения. Собрав последние силы и крепко сжимая автомат, я стал отступать, шаг за шагом. Пять метров... Тошнота все еще держалась, но ломота в висках и туман в голове понемногу отступали. Десять метров... Пятнадцать... Все!

Послышался еле различимый разочарованный вздох. Упустив добычу, мутант совершил смертельную для себя ошибку – подал голос. Я выпустил две короткие очереди на звук. Крик боли, всплеск воды, и все стихло. Давящего чувства больше не было. Но потом с новой силой накатил волна дурноты, сопровождаемая дикой мигренью. Не убил... Черт! Я его не убил...

Мозгоед медленно выбрался из трясины, куда только что свалился, срезанный моей, видимо второй, очередью. Это был гуманоид ростом чуть ниже среднего человеческого. Непропорционально большая голова, полное отсутствие шеи, узкие плечи. Красная, покрытая струпьями кожа голого торса блестела от стекающей на землю болотной жижи. Из простреленного плеча капала кровь, но скоро рана затянулась. Регенерация тканей была просто ураганной. Мутант был в неопределенного цвета шароварах из грубой брезентовой ткани и стоптанных ботинках, видимо снятых с очередной жертвы.

Боль накатывала волнами, буквально поджаривая мозг, заставляя мысли путаться. Паника плескалась где-то на самом дне подсознания. Только не потерять нить... Только не утратить контроль над телом... Нож... Нужно подпустить тварь как можно ближе. Лишь бы хватило сил. Черт, как же больно!..

Сделав усилие, я перекатился на живот и незаметно вынул верный клинок. Спрятал его от взгляда мозгоеда, зажав обратным хватом. Затем снова крутанул на спину.

– Мои-йй! – прошипел мутант, обнажив в оскале редкие треугольные зубы. – Заббе-е-ру!

Зрение у меня стало отказывать, поэтому движения мутанта разбились на отдельные, рваные фрагменты. Вот он вылез на тропу, вот вразвалочку приближается ко мне. Двадцать метров... Тварь уже рядом: сквозь грохот собственного сердца и шум прилившей к голове крови слышу, как вода чавкает в его ботинках, озвучивая каждый шаг. Десять метров... Запах болота перебивается вонью от мутанта... Пять метров... Мутант встал, наслаждаясь мучениями жертвы.

– Кри-и-и-чч-и! – снова прошипела тварь. – Быст-р-р-оо уми-и-и-рать!

Разозлившись, что жертва умирает молча, мозгоед приблизился вплотную к моему

лицу. У него были белесо-серые глаза, маленький, вдавленный внутрь курносый шнобель и безгубый слюнявый рот. Смрада я уже почти не чувствовал, сконцентрировавшись только на ударе. Нужно попасть в глаз... Клинок достанет мозг через незащищенную глазницу. Больших усилий такой удар не требует.

– Кр... Ахх-а!..

Удар. Мутант завалился влево и замер. Боль сразу отступила, оставив привкус крови во рту. Тошнота все еще осталась. В глазах прояснилось, но ненадолго. Видимо, мозги теперь совсем набекрень будут какое-то время.

Активировал аптечку. Инъектор вколол в бедро, боль и тошнота отступили, но слабость осталась. Поднявшись на ноги, высвободил нож, вынул АПБ и проконтролировал мутанта в голову. Потом отрезал мозгоеду башку. Положил на тропу и, примерившись, наподдал по ней ногой. Она утонула метрах в десяти от тропы, булькнув на прощание.

Проверив оружие и собрав пожитки, я направился прочь от болота. Выбрался на сухой участок, поросший низким, но довольно густым кустарником. Осмотревшись и поняв, что со всех сторон мое убежище скрыто зарослями болотного багульника, я позволил себе час отдыха. Просто сидел и тупо пялился вдаль, где только что чуть не расстался с жизнью.

Нужно было продолжить поиски. Подавив болезненные ощущения, осмотрев и дозарядив оба ствола, я уже через полчаса быстрой ходьбы оказался на месте. После меня сюда никто не заглядывал. Видимо, даже земная живность была в курсе, кто нашел себе пристанище в этих местах, и обходила болота стороной. Спихнув труп мозгоеды в «спираль», я принялся рассматривать следы пленников. Им повезло больше, чем духам: путы не дали совершить экскурсию в трясину, а занятость мозгоеды предоставила возможность пересидеть опасное время. Перетерев веревки и, видимо, подобрав кое-что из снаряжения, «альфовцы» направились на юго-восток, надеясь проскочить между ничейными территориями возле Мертвого города и спорными землями, в районы Военных складов, к одному из аванпостов своей группировки.

Их взяли на привале, через двое суток, когда, измотанные и оголодавшие, разведчики уснули. Зная, как духи умеют обрабатывать тех, кому не посчастливилось припасти на такой крайний случай гранату, я не стал удивляться. На сей раз это были знакомые мне любители человечины, приметившие путников еще за пару километров до места ночевки и шедшие параллельным курсом.

Проследив путь банды до колодца, ведущего в подземные катакомбы, я сделал пометку на карте и стал готовиться к спуску под землю. Кто-то другой, возможно, закончил бы поиски уже тут, когда картина прояснилась настолько, что уже можно было смело возвращаться и рассказать женщине, что никакой надежды нет. Шансы найти даже мертвое тело были исчезающе малы, говоря по правде, их не было вовсе. Но есть такая штука совесть, и она-то мне диктовала пройти этот путь до того коллектора, где до сих пор гниют останки Тимура и еще, возможно, трех-пяти жертв каннибалов.

Сырости в тоннелях почти не наблюдалось, каннибалы оставляли корявые рисунки «мертвой головы» на поворотах, позволяя без особого труда находить дорогу к их бывшему логову. Два раза наткнулся на довольно хитро расставленные растяжки, но больше никого не встретил. Даже соседей-мясоедов по территории – хропунов нигде не было видно. Кто-то из разведчиков или сам был серьезно ранен, или успел-таки попортить шкуру одному из людоедов. На бетоне четко отпечатывался протектор правого ботинка в крови. Рану никто не удосужился перевязать. Поэтому через каждые два-три метра я находил знакомый «автограф».

Надежда, вопреки здравому смыслу и опыту, еще теплившаяся где-то глубоко в сердце, угасла. Опыт диктовал только один непреложный постулат: на войне возможно все. Люди, считавшиеся пропавшими без вести, неожиданно возвращались после долгих скитаний по тылам неприятеля, а те, кто отправлялся в абсолютно безопасную поездку в тыл, подрывались на фугасе, заложенном местными подростками за тысячу фальшивых долларов. Иногда даже точный расчет не спасет от рокового стечения обстоятельств. Но на сей раз все

было иначе – чуда не произошло.

Выбравшись на поверхность, я снова взял курс на болота, огибая Мертвый город с северо-запада. Было необычно тихо: стрельбу слышал только пару раз, зверья не встретил вовсе. Однако через два часа с минутами острое чувство опасности заставило присесть, неподвижно замерев. На удалении ста метров, в том же, что и я, направлении шла группа из пяти человек. Заметил я их не сразу, сначала почувствовал некую враждебную настороженность, исходящую с их стороны. Чуйка сработала. Вынув монокуляр, стал всматриваться с целью обнаружить принадлежность этих туристов.

На них были простые старательские комбезы с нашитыми поверх ленточками ткани осенних расцветок. «Лохматый» камуфляж скрадывал силуэты фигур, не давая их разглядеть с первого раза. Выдавало людей только быстрое, размеренно-осторожное движение. По характеру экипировки я определил, что имею дело не со старателями, вышедшими за хабаром. Легкие трехдневные РД, укороченные немецкие G-36C⁶ с навинченными «тихарями», снайпер с фашистской же «магазинкой» MSG⁷. Все это было довольно серьезно и дорого. Пристроившись в тыл к «фирмачам», прошел с ними около двух часов. По характеру перемещений стало ясно, что группа идет поисковой спиралью. И идет туда же, куда и я. Только вот предмет поисков у них был другой. Я выяснял судьбу долговских разведчиков, а этих модников интересовали покойные духи.

Следопыты из этих интуристов были аховые. Судя по их маневрам, след они потеряли еще на болоте, не обратив внимания на свидетельства недавнего моего спора «за жизнь» с мозгоедом. Раз они теперь здесь (от места боя около семнадцати километров), значит, просто тыкаются на удачу. Нужно за ними походить. Духи, гниющие теперь в болоте, явно не все поперлись тогда резать «неверных» на Сортировке. Семь человек – это скорее была разведка, авангард. Все говорило в пользу моей ранней версии по поводу лагеря на болотах. Местная икона в лице Доктора обреталась где-то в юго-восточной части, среди вообще непроходимых топей, куда не каждый знает дорогу. А вот северо-западный квадрат был совсем в тему. Я бы и сам так поступил, если бы возникла необходимость заводить базу.

Вечерело, и поисковая партия, поменяв направление, заспешила именно в северо-западный угол болот. Пару раз они проверялись, высылая разведчиков назад и вперед, но меня не обнаружили. Застолбив сухой участок, поисковики остановились на ночлег. Судя по обрывкам негромких разговоров, это были наемники: язык преобладал английский, пару раз слышался испанский. В караул выписали невысокого бойца со снайперкой. Все фирмачи отнеслись к экипировке серьезно: помимо «тихарей», каждый имел ПНВ-монокуляр, какие стоят на вооружении амеровских морпехов (неплохая штука, когда нужно одновременно рассмотреть что-либо в сумерках и вести прицельный огонь).

Снайпер побродил вокруг лагеря, проверил растяжки с «сигналками». Покрутил головой и выбрал себе позицию на склоне холма, откуда все вероятные подходы к лагерю хорошо просматривались. Случись кому напасть, или хотя бы приблизиться метров на сто – сто пятьдесят, их быстро обнаружат. Тому, кто пойдет впереди, точно не жить. MSG – серьезное оружие даже в руках среднего стрелка. Немцы, как обычно, хорошо постарались.

Я лежал в десяти шагах от часового, оборудовав себе укрытие под гнилой корягой. Трогать интуристов смысла не было. Они сейчас являются пропуском на духовскую базу. Если это те, о ком я думаю, значит, периметр оборудован очень серьезно и наемников остановят где-то на полпути к лагерю. Чужих внутрь никто не позовет, но все зависит от того, насколько духи уверены в своих силах: сменят ли позиции секретов, изменят ли схемы минзагов и сигнальных заграждений. Если все серьезно, то поход за наемниками мне ничего

⁶ G-36C – укороченный вариант ШВ, для сил специальных операций. Легкое, компактное и надежное оружие.

⁷ НК MSG-90A1 – адаптированная для армейских условий германская СВ.

особенного не даст: в случае штурма все равно придется идти как в первый раз.

Через три часа и две смены постов наемники поднялись и стали менять место ночевки. Ух, блин, хитрецы хреновы! Грамотно работают. Выбрав место восточнее гряды островков, ведущих в глубь трясины, интуисты облюбовали сухой участок и разбили лагерь там.

Прошло еще около часа, и стало светать. Не зажигая огня, используя редкие в этих местах химические грелки, наемники закусили, избегая пить свой любимый кофе, запах которого мгновенно оповестил бы всех в округе, что рядом туристы. Зачет, ребята, твердая «пятерка» по маскировке.

После пятичасового перехода старший группы, бывший еще и самым высоким из наемников, поднял руку, сжав пальцы в кулак, дав сигнал рассредоточиться и занять круговую оборону. Сканер пискнул, зафиксировав кодированный радиообмен с источником в глубине болот. Но гораздо южнее, чем я предполагал. Это лишний раз говорило о профессионализме духовского командира. Тот не стал связываться с наемниками со своей базы, выбрал удаленное от лагеря место и послал всего лишь одного связного.

Затаившись в сорока метрах от места встречи, я стал прикидывать примерный план действий. Логичнее всего будет пропустить наемников обратно, а самому пойти за связным. Захват связника даст необходимую информацию и в случае чего пройдет для меня без последствий.

Минут через сорок с севера появился человек. Дух был в традиционном уже старательском комбезе, но более продвинутой модели: где-то умудрился разжиться СКАДами девятой модели. Разгрузка и шлем были другими: шлем легкий, из полимеров, а разгрузка модульная, походная. Все в принципе грамотно. Вооружен посланец моджахедов был военной модификацией LR300⁸ – дорогое и, как практически все амеровское, капризное оружие. Лицо скрывала зеленая армейская маска, и определить расовую принадлежность гонца не представлялось возможным. Разговор длился недолго и проходил внешне в спокойной манере: оба кивали, гонец в такт размахивал руками. Его не удовлетворил отчет наемника о результатах поисков. Они еще немного поговорили, затем гонец развернулся и не торопясь отправился тем же путем, что и пришел сюда. Наемники остались ждать, я же медлить не имел права. Дух скоро войдет в контролируемую своими зону, и там провернуть операцию по захвату будет сложнее.

Двигаясь с предельной осторожностью, я обогнул стоянку наемников по левому флангу и вышел чуть впереди по торной тропе, по которой должен был пойти гонец. Выбрав сухой участок метров в десять, затаился. Прошло минут пятнадцать, дух, видимо, проверялся, но со своими на связь не выходил – стерегся. Снять опытного диверса без шума – задача почти нереальная. Но нервы есть у всех: в спокойной обстановке человек расслабляется, ему трудно сохранять полную концентрацию постоянно. Это видно по ряду внешних признаков. Один из них – противник перестает сечь фишку (оглядываться по секторам). Я напал с левой стороны, пропустив духа чуть вперед. Удар по шее прикладом автомата вызвал сильнейший болевой шок, вторым ударом я отправил духа в легкий нокаут. Моему появлению он удивиться не успел: шлем сужает боковое зрение, не дает слышать тихие звуки, а выбранное для засады место вообще позволило двигаться бесшумно.

Стащил гонца в кусты. Обыскал его, выдернув из гнезда ПДА. Стал обладателем массивного, как мачете, ножа упомянутого выше чуда амеровского военпрома, амеровской же «беретты» М9, четырех РГОшек. Связав духу руки, снял с него правый ботинок и, вынув из разгрузки сломанный винтик, положил его на дно берца, потом надел и снова зашнуровал. Заткнул пленнику рот и, предварительно сняв маску, дал по морде, для бодрости. Лицо оказалось бледным, заросшим недельной курчавившейся щетиной, узкое, с горбатым носом и полными губами, белки глаз желтые. Наркот или печень посажена. Не сообразив, что

⁸ LR300ML – современная американская ШВ, отличается несколько иной конструкцией газоотводного механизма. Складной рамочный приклад (складывается влево, повышая компактность оружия).

связан, гонец вскочил на ноги и, замычав, повалился обратно на землю.

– По-русски понимаешь? – задал я вопрос. – Если так, кивни головой, тайн я пока никаких не выпрашиваю. Так как оно?

Дух утвердительно закивал головой, мыча и дико таращась на мою скрытую маской физиономию. «Паутинка» отлично маскировала лицо. Дух не мог долго смотреть на постоянно меняющуюся окраску ткани – у него кружилась голова, мысли путались.

– Отлично, приятель. Теперь слушай: ты мне не нужен, прогуляешься со мной на окраину Могильника, и я тебя отпущу. Кто ты и сколько вас тут, меня не интересует. Ваши дела меня не касаются. Согласен прогуляться? Если нет, хлопну тебя прямо тут и положу в рот кусок сала. В рай свой точно не попадешь, так и будешь тут обретаться. Ну?

Гонец снова утвердительно закивал. Пустив пленника впереди себя, я взял курс на выход из болот. На Янтарь идти было далековато и опасно: в последнее время там видели пару мозгоедов, да и хропуны в тех местах многочисленнее и умнее своих тоннельных собратьев. С грузом там делать нечего. А вот найти уютный подвал и побеседовать с духом по душам – это можно и в Мертвом городе, который многие зовут Могильником.

Гонец почти не останавливался, но прихрамывал ощутимо и о подлянках не помышлял. Подлая бандитская натура подсказывала ему, что я – обычный напуганный лох, который не хочет связываться с сильным противником и просто бежит. Он уже представлял себе, как возглавит операцию по моей поимке и лично отрежет мне уши. Не будем расстраивать человека, пусть думает о приятном.

С короткими остановками мы добрались до восточной окраины Могильника. Все это время я внимательно слушал эфир. Гонца дважды вызывали на связь. Все оказалось хуже, чем я предполагал: говорили на афганском диалекте дари. Духи были не просто матерыми волками, а еще и очень серьезными противниками, именно в диверсионной войне. Если они не повелись на мою подлянку, тогда по моему следу уже идет человек пять опытных головорезов из числа горцев, воюющих чуть ли не с семилетнего возраста. Нужно будет лучше спрятаться и поплотнее расспросить пленника. Мой план строился на том, что товарищи гонца обвинят в его пропаже наемников и сначала погонятся за ними или пустят две параллельные группы. Но их не так много, и поэтому за мной пошлют человека два-три. Наемники завяжут с духами бой, может, даже отобьются, но время будет упущено и мне удастся проскочить незамеченным. Пока звуков боя слышно не было. Возможно, командир наемников заложил петлю и мотает духов в надежде оторваться, не принимая боя. Признаков того, что за мной тоже кто-то идет, пока не наблюдалось, но это ничего не значило: афганские духи – очень вредный народ.

Когда начало смеркаться, мы вышли на окраину Могильника. Слишком часто в последнее время приходится бывать в этом «гостеприимном» месте. Оглядевшись, я понял, что для моих нужд подойдет первый этаж хрущевки. Судя по широким витринам, тут раньше был какой-то магазин. Загнав пленника внутрь и тщательно осмотрев помещение, я вскрыл старую, обитую железом дверь в подсобное помещение, имевшее вентиляцию и, как я позже выяснил, запасный выход.

Подсобка была пуста, что бы там ни хранилось – теперь все вывезли. Остался только колченогий расколотый стул и куча ящиков из-под молочной тары из фигурного алюминиевого профиля. Пора было начинать беседу. Дав моджахеду еще раз по морде, что выключило его на пару минут, я перебрался через стропила под довольно высоким потолком веревку и подвесил духа так, как раньше поступил с секретчиком на Кордоне. Срезал с духа верхнюю одежду, оставив только трусы. Тот дернулся, очнувшись.

– Наши планы изменились, уважаемый. Твои друзья очень хотят со мной поговорить. Поэтому, скорее всего, уже идут сюда. – Дух ухмыльнулся и пробормотал что-то на своем языке. – Но ты сильно не радуйся – сало по-прежнему у меня есть. Кроме того, я разрублю тебя на части, чтобы после смерти ты не смог добраться до райских куш. Выколю глаза и отрежу язык. Тебе нечего будет сказать, и ты ничего не сможешь увидеть. Рай окончательно будет потерян для тебя, приятель.

Весь монолог был тщательно отработан: духи не боятся пыток, смерти и издевательств. Ну, само собой, не все. Но я понял, что имею дело с упертым, потому как более слабый противник уже напустил бы лужу на пол. Их с детства учат терпеть боль и мучения ради лучшей, загробной жизни. Пообещав расчлененку, я наглухо перекрыл ему дорогу в рай. Логика у духов в этом случае проста: Аллах дарует моим соплеменникам победу, а мне следует позаботиться о себе – Бог не осудит правоверного, заботящегося о спасении души, а его товарищи или отобьются, или станут шахидами. У каждого своя судьба, и воин сделал все, что мог. Попытается, конечно, навести на мины, но тут у меня был припасен еще один фокус. Порывшись в РД гонца, я прихватил с собой карманное издание Корана. В отличие от наших доморощенных ревнителей ислама, афганцы не вытирают задницу страницами этой священной книги, а используют ее по назначению. То есть молятся, читают суры, берегут и никогда с ней не расстаются.

– Вот священная книга Пророка Мухаммада. Я – неверный, но чту и уважаю чужую веру, как заповедал мне мой Господь и как велит тебе твой Бог. Клянусь, что прочитаю над тобой последнюю молитву и похороню тебя достойно, если ты честно и правдиво ответишь на мои вопросы. Поклянешься ли ты на Коране, что не обманешь меня и расскажешь все, что я хочу знать?

Дух задумался. Клятва неверному священной силы не имеет, и если бы я предложил ему просто сказать: «клянись», он, не раздумывая, начал бы врать. Другое дело – клятва на священной книге. Тут мусульманин дает обещание не мне, а своему Богу. Его он нарушать, тем более перед смертью, не имеет права, клятвопреступление – смертный грех. Это в христианстве все поистерлось и прощение можно вымолить. Ислам, как более молодая религия, таких вещей однозначно не допускает – если клятва принесена по всем правилам, правоверный ее обязан выполнить. Пообещал же я гонцу не так уж и мало. Райские кущи были уже совсем рядом. Чуть помедлив, дух согласился и заговорил.

Их было тридцать человек, пятнадцать из которых моджахеды из отряда Анвара Халида, остальные – этнические чечены и узбеки из Турции. Сам Халид решил наладить свой канал торговли всякими местными диковинами, меняя все это на героин, который уже завезли в количестве чуть ли не двухсот килограммов. Далее шла обычная байда: торговля людьми, рэкет, заказные убийства и прочие фокусы. Минных заграждений на их пути не оказалось – растяжки и противопехотные мины на болоте малоэффективны. Местность патрулировали четыре пары бойцов, и еще шестеро сидели в секретах, прикрывая опасные направления.

О пропавшей группе, подрядившейся за определенную долю в территориях убрать некоего Шалыгу, предводителя «вольняг» с Сортировки, вместе с его людьми, гонец ничего сказать не мог. Халид нанял группу местных парней, знающих территорию, но они ничего не обнаружили. На вопрос, кто же заказал «вольняг», дух только помотал головой: таких подробностей он не знал. Уточнив некоторые детали, я развязал пленника, дал ему сотворить молитву и пристрелил. Потом завернув гонца в обрывки его одежды и прочитав молитву (в конце Корана основные молитвы были написаны русскими буквами). На рассвете я вынес духа из подвала и закопал в небольшом садике с чахлыми деревьями.

Послушав эфир, убедился, что путь на восток свободен. Задачу свою я так и не выполнил, место для базы пока не нашел. То, что обещал жене погибшего разведчика, в расчет не принималось – это делалось попутно. А вот про духов, обосновавшихся на болоте, следовало рассказать Кашину или коменданту. Местные бандюки просто ангелами покажутся против афганцев. И если дать им освоиться, то потом уже кипятком не вышпаришь: будут лезть в Зону снова и снова, пока местный мирок не превратится в какой-нибудь филиал Чечни. Это никак не годилось, от духов нужно было как можно быстрее избавляться. Что предпримут местные кланы, сказать трудно: объединиться и совместно уничтожить моджахедов – самое правильное, но встанет вопрос о командовании, и тут все пойдет вразнос. Ликвидировать духов можно было силами небольшого отряда, зачистив лагерь и представив все как аномальную активность, тогда духи за «колючкой» решат, что

лучше наживаться на перепродаже хабара с безопасного расстояния, и точно в Зону больше не полезут.

Размышляя так, я вышел из предместий Могильника и взял направление на северо-восток, в обход Дикой территории, к внутреннему блокпосту «Альфы». Маршрут проходил по пустошам, образовавшимся в результате второй так называемой Большой Волны. Тут не осталось никаких построек и, кроме кустарника на холмистой равнине, ничего не росло. Растительность была грязно-бурого оттенка. Говорят, раньше здесь было небольшое хозяйство, лесопосадки. Но все это куда-то исчезло, как будто и не было вовсе.

Низкие облака вновь разразились далекими громовыми раскатами, на востоке вспыхивали зарницы. Заморосил мелкий, почти ласковый дождик, который я почти полюбил и воспринимал как добрый в дороге знак.

Неожиданно стало беспокоить чувство тревоги, какое бывало у меня только перед артподготовкой и не раз выручало в смысле побыстрее всех найти укрытие. Резкий нарастающий свист был не похож ни на звук летящего снаряда, ни пули, ни тем более на визг мины. Инстинкт заставил кинуться ничком на землю и перекатиться вправо. Свист достиг неимоверной высоты звучания и финишировал громким хлопком. Метрах в тридцати, судя по эху. Выждав пару мгновений, я осторожно приподнялся на колено, держа автомат наготове. Кустарник скрывал меня почти по плечи, маскировка, переливаясь, сообщала окружающим, кто мог бы увидеть, что я некий холмик с неправильными очертаниями.

В том месте, где предположительно хлопнуло, образовалась дыра. Но не в земле, а... в воздухе. Пространство было искажено, напоминая нечто вроде прозрачного водяного зеркала овальной формы с оплывшими краями. Зеркало висело в полутора метрах над землей, становясь то серебристо-стальным, то почти прозрачным, бесцветным. Самое близкое сравнение – лужа воды, только парящая над землей.

Артефактом этот сгусток «не-пойми-чего» не был. Объект был плоским, двухмерным. Поскольку он находился как бы вполоборота ко мне, было видно, что это нечто вроде окна. Передо мной было легендарное явление Зоны – пространственный портал. Куда он вел и как тут появился – не суть важно. Интересно было другое – что вывалится оттуда или что зайдет в него. Я принял решение обождать. Кто его знает, что сулит мне это явление, одно я знал точно: это «ж-ж» неспроста. Наш, советский, Винни-Пух был почетным талисманом моего взвода. Неунывающий медвежонок имел дельные заготовки на все случаи жизни, чем очень импонировал моим бойцам.

Медленно, чтобы не привлекать внимания, я стал отступать в сторону двух холмов, правее и выше того места, где находился теперь. Наконец, по прошествии двадцати долгих минут, спасительное укрытие было достигнуто: убрав автомат, я достал монокуляр и включил сканер радиочастот – тишина, аномальный фон не изменился. Радиации тоже было не более, чем за час до того. «Зеркало» закончило менять цвет и стало туманно-серым. Постепенно туман рассеялся, и я увидел в глубине пространственной дыры точно такую же равнину и серое небо, по которому плыли низкие тучи. Минут пять ничего не происходило, и я уже подумывал, что не худо будет убраться отсюда как можно дальше и забыть о происшествии, как вдруг по ту сторону засверкали молнии, поднялся сильный ветер. Резкая боль пронзила все тело, детектор, пискнув, замолчал, и ПДА отключился. Чья-то агрессивная воля шарилась у меня в мозгах, встречала неведомый барьер, откатывалась назад и возвращалась снова и снова. «Моллюск» на поясе сильно нагрелся и стал, как раскаленный уголь, жечь кожу сквозь многослойную защиту и одежду. Руки, как ни странно, не дрожали, зрение оставалось ясным.

Через силу подняв монокуляр, я увидел причину моих мучений. Сквозь портал было видно существо... Гуманоид. Метров четырех ростом, массивное крепкое тело. С сиренево-бурой кожей, тумбообразными ногами, трехпалыми мощными руками, свисающими до колен. Мощный торс, покрытый складками жира. Шея почти не просматривалась. У рта и на груди шевелятся пучки щупалец с присосками, носа и ушей нет вовсе, а глаза красные, без век и зрачков, и смотрят как бы во все стороны, хотя существо

ими не двигает и не вращает головой, больше похожей на плоскую башню танка, только без орудия.

Существо попыталось сделать шаг за барьер, не прекращая попыток пробиться в какое-то место в моем мозгу. Чувствуя, что слабею, я стал отползать под прикрытие холмов. Неожиданно снова засвистело, но хлопка не случилось. Давление исчезло. Выждав пару минут, я с трудом поднялся и осторожно выполз из-за склона холма. Портал исчез. На его месте осталось только выжженное пятно на земле в форме овала диаметром полтора на полтора метра. Что бы это ни было, прорваться в наш мир оно не смогло.

Я вынул «моллюска» и осмотрел его: артефакт медленно остывал, приобретая свой обычный цвет. Аптечка снова впрыснула стимулятор, я перехватил автомат поудобнее и стал на предельно возможной скорости уходить от места событий. Кто его знает, что может еще случиться. Надвигалась гроза – дождь прекратился, но запах озона давал понять, что скоро польет снова, да еще под звуки громовых раскатов.

Аптечку пришлось отключить: после всего, что случилось за последние несколько дней (нападение мозгоеда и этот невиданный никем ранее новый мутант), моим мозгам досталось на полную катушку. Мигрени вообще не прекращались, автоинъектор впрыскивал стимуляторы и обезболивающее слишком интенсивно. Кончится это тем, что на базу я уже не вернусь: надорванный моторчик просто забастует, и я стану кормом для местной живности. Нужно было найти место для долговременного привала. В случаях вроде моего помогает сон и немного жрачки.

Оставаться на открытом месте было бы неразумно, поэтому, вызвав на экран ПДА карту местности, я стал искать что-нибудь подходящее, типа пещеры или заброшенной хаты. Чуть в стороне от намеченного маршрута я увидел пару полуразвалившихся бревенчатых домов, видимо хутор. Нет ни дорог, ни подведенной линии электропередачи. Вполне годится, чтобы отдохнуть пару часов.

Понадобилось полчаса, чтобы выйти к развалинам хутора на расстояние прямой видимости. С северо-востока и с южной стороны постройки подпирали редкие лесопосадки, их от домов отделяло метров пятьдесят холмистой равнины, поросшей низким кустарником. В остальном местность была открытая и хорошо просматривалась. Понаблюдав еще минут двадцать, я решил остановиться в крайнем справа от меня домишке, где крыша была почти целая, – если я зажгу огонь, его не будет видно с открытого места. Чтобы меня обнаружить, потребуется обойти развалину с восточной стороны, где имеется окно, которое я собирался прикрыть куском сорванного ветром с крыши кровельного железа.

Зайдя в дом и осмотревшись, я сделал вывод, что тут никого не было довольно долгое время: я заметил следы мелких животных типа кошек и птичий помет, но следов крупных хищников и человека не наблюдалось.

По-хорошему, следовало организовать наблюдательные посты в лесополосах, но я был один, поэтому поставил четыре растяжки в направлениях возможного нападения, правда, в непосредственной близости от укрытия: если кто пойдет мимо и зацепит сторожок, совершенно не нужно, чтобы он заглянул ко мне на ужин. Пусть себе идет дальше. Но вот если путник решит подойти поближе, то его ждут неприятности. У меня же оставался отход в сторону второго дома и возможность уйти на юг, туда, где кустарник был особенно густым и высоким, почти метровой высоты. Добраться скрытно до лесопосадок в случае форс-мажора будет нетрудно.

Усталость и головная боль сделали свое дело: как только я запихал в себя полбанки тушенки и стакан очень сладкого чаю, сон навалился на меня с неотвратимостью борца-супертяжа. Чуткости слуха я не утратил, но вот подойди сейчас кто со злонамеренным умыслом – быстро оказать сопротивления я бы не смог. Все, на что хватило сил, это сесть таким образом, чтобы был виден вход в хату – через узкое окно, так как дверь я завалил всякой рухлядью и припорошил пылью и вырванным кустарником (типа заросло все тут – нет никого).

Сновидения меня, как всегда, не мучили, проспал часов шесть – семь с половиной.

Тревожно заверещал таймер: время Волны приближалось. Укрываться в подполе деревянной развалюхи было глупо, поэтому, преодолевая остаточные явления ментальной атаки странного существа, поднялся и взял направление на базу «Альфы».

До начала Волны оставалось не более десяти часов. По моим прикидкам, до ближайшего ЗНП⁹ «альфовцев» было около суток пути быстрым шагом. Следовало снова искать место, где можно будет пересидеть. По карте получалось, что в пяти километрах к северу имелся вход в сервисный тоннель. Но пометка говорила о повышенной опасности. В сносках я не нашел ничего о том, какого рода сюрпризы таятся в подземелье, но выбора особого не было. Через сорок минут я достиг точки, указанной на карте. Вход был, но не классический стакан колодца, а скорее дыра в земле. В разные стороны торчали куски арматуры, на бетонном дне скопилась в довольно большую лужу дождевая вода.

Привязав трос на один хитрый узелок, спустился. Коридор тоннеля резко уходил вниз под углом градусов в шестьдесят, освещение отсутствовало. Пока опасности не ощущалось, просто было понятно, что этот выход был доступен всем подряд, что не есть хорошо. Набросив ПНВ и взяв автомат поудобнее (приклад на сгибе локтя правой руки, предохранитель снят, ладонь левой руки легко прихватывает цевье, оружие смотрит стволом вниз, обращено вперед, по курсу движения), медленно продвигаюсь вперед. Лужи на полу, обрывки кабелей на стенах, выбитые светильники. Какой-то бытовой мусор разбросан вокруг – такое впечатление, что вот уже лет пять сюда никто не заглядывал. Отсутствие крыс не настораживало. Эти твари обожают влагу и тепло, предпочитая нижние горизонты такого рода сооружений. Дверь, ведущая на первый уровень, сорвана с петель и валяется в левом дальнем углу бытовки. Шкафчики для одежды, когда-то стоявшие вдоль правой стены прямоугольного помещения, тоже смяты в один большой ком рваного железа. И это не последствие взрыва: на стенах нет следов гари и осколочных отметин, только следы чьих-то острых массивных когтей. Их глубокие борозды тянутся до самой железной лестницы, ведущей на первый ярус тоннелей. Судя по отметинам, лап было две, а когтей – по четыре на каждой конечности. Рост существа был около полутора метров, тип передвижения – скорее прямоходящий, не очень быстрый. Вес должен был достигать не менее трехсот килограммов.

Кто это был, меня особо не волновало: существо таких размеров трудно не заметить, поэтому, если оно все еще здесь, что сомнительно, к встрече можно успеть подготовиться. В любом случае ничего подобного в энциклопедии не нашлось. Старатель, поставивший отметку об опасности тоннеля, скорее всего не стал рисковать. Рассмотрел отметины на стенах и выбрал более удобную дорогу. Раз так долго сюда никто не навещался, то ему все поверили на слово. Как обычно и бывает, открытие предстояло совершить по необходимости, а не по призванию. Где бы теперь ни находилось данное существо, тем же путем, что и вошло, оно больше не пользовалось. Тут только два варианта: либо я встречу его по дороге, либо зверюга уже давно где-нибудь на другом конце Зоны.

Меж тем дорога привела меня к развилке: тоннель разделился на три ветки, одна из которых была закрыта прямоугольной железной дверью, чуть помятой моим массивным предшественником, но устоявшей. Взламывать ее смысла не было, кто его знает, что за ней. Детектор молчал, вредные излучения и аномальная активность были в пределах нормы. Короче, я выбрал правый рукав тоннеля, как более заглубленный. Судя по тому, что через десяток метров дорога шла под уклон, этот путь будет оптимальным. Во время Волны лучше держаться от поверхности как можно дальше. Через час пути тоннель расширился настолько, что в обе его стороны могло проехать по грузовику вроде ГАЗ-66. На стенах появился конденсат, температура ощутимо снизилась. На водовод это было не похоже, больше напоминало подземные сооружения, которые мне в свое время приходилось охранять. На территории бывшего Советского Союза есть несколько подземных городов, заглубленных на несколько километров. Такое сооружение может существовать автономно довольно долгое

⁹ ЗНП – заглубленный наблюдательный пункт.

время, а уж путешествовать там можно месяцами.

Легкая тошнота подступила к горлу – Волна началась, но на этой глубине практически не ощущалось ее влияния. Сверившись с маршрутизатором, я свернул к обочине подземной дороги и, отыскав нишу метров в пять шириной и высотой полтора метра, при этом довольно глубокую, расстелил коврик и развел огонь. По пути мне попался кусок листового железа, изъеденного ржавчиной, непонятно как тут очутившегося. Накрыв огонек таблеток сухого спирта железякой, исключил возможность видеть такой хороший ориентир с точки, не закрываемой моим корпусом. Разогрев тушенку и заварив чай, позволил себе чуть задуматься: Волна продлится еще как минимум часа два, потом еще столько же все вокруг будет приходить в норму, всплески радиации и других, менее неизученных излучений утихнут, и только тогда можно будет выбираться наружу.

Торопиться было некуда: б/к я не израсходовал даже на треть, еды хватит еще на трое суток, а если урезать рацион, то, может, и на шесть. Благодаря «моллюску» недостатка в чистой воде я не испытывал, что даже при отсутствии еды давало мне еще трое суток. Время на исследование этого сооружения у меня было, по истечении контрольного срока я просто дам сигнал Норду, что задерживаюсь. Иначе Юрис кинется на выручку и может не рассчитать своих сил: Зону я все-таки знал лучше него, хоть и не намного.

Покемарив часа два, двинулся дальше. Редкие светильники давали островки желтого, тусклого света, поэтому идти в полной темноте не пришлось. Тревожное ощущение возникло, когда был пройден бетонный пандус, ведущий к запертым бронированным створкам ворот, видимо, это был какой-то грузовой терминал. Поднявшись ко входу и убедившись, что пройти внутрь нет никакой возможности, я продолжил путь, отметив на карте точку и сделав зарубку вернуться сюда со взрывчаткой.

Вот тут-то и появилось ощущение слежки: тяжелый, враждебный взгляд, казалось, исходил со всех сторон, но стоило завертеть головой, как ощущения смещались за спину. Очевидно, тварь, оставившая отметины на двери, была не единственным обитателем данного места. То, что это был мой приятель снестриженными ногтями, я исключил сразу: ощущение было такое, как будто меня преследует рысь. Этот быстрый и осторожный зверь всегда нападает сверху, подгадывая момент, когда жертва запаникует и утратит осторожность. Тот, кто выбрал меня в качестве главного блюда на обед, поступил точно так же: охотник притаился наверху, цепляясь за перекрытия или удерживаясь на потолке иным способом. Нападет он уже скоро – воздух буквально источал эманации голода и злобы, совершенно мне непонятной: да, я чужак, но нахожусь здесь транзитом; гораздо разумнее выждать, когда уйду, и не обнаруживать себя, нежели нападать с неизвестным результатом. Поведение существа не поддавалось анализу, но если хочет напасть – пусть попробует.

Игра в «гляделки» продолжалась еще минут десять, потом справа сверху донесся еле уловимый шорох, и этого оказалось достаточно. Две короткие очереди, посланные в том направлении из моего верного «ковруши», попали кому-то в очень чувствительное место: шипение, а затем пронзительный вой стали ответом на мое «приветствие». Я добавил. Снова шипение, вой, а затем шлепок завершили поединок.

Сменив магазин, я стал осторожно приближаться к тому месту, куда упал мой противник. Существо лежало грудой изломанных костей в луже черной крови. Это было нечто напоминающее человека, только с чешуйчатой, переливающейся в свете фонаря кожей, тонкой длинной шеей, оканчивающейся треугольной, плоской, как у змеи, головой. Мелкие зубы в два ряда, черные, мертвые глаза, закрытые пленкой, как у рептилий. Конечности оканчивались пятипалыми когтистыми руками с присосками на внутренней стороне ладоней. Видимо, этот мутант был ядовит, поэтому и выжидал момента, чтобы напасть сзади, парализовать или убить жертву ядом. Очередью существу распорол правый бок и прострелило навывлет голову, поэтому все закончилось так быстро.

Отрубив мутанту голову и конечности, я продолжил путь по тоннелю, который теперь поворачивал на юго-восток.

Это существо не выглядело как одинокий охотник. Скорее его повадки походили на

поведение часового, охраняющего территорию стаи. Если это так, то стоило повернуть обратно: стая может быть сколь угодно многочисленной, и одному мне с ними точно не совладать.

Дав себе обещание, что, пройдя за поворот и осмотревшись, тотчас же поверну назад, я прошел еще метров сто. И не зря: тоннель дальше обрывался, потолок и стены были обрушены с помощью инженерных зарядов, а вентиляционные шахты замурованы, поэтому воздух был таким спертым. Тут же обнаружилась и причина обвала: на полу метрах в пятидесяти от меня лежал обглоданный скелет того самого существа, когти которого оставили отметины на стене тоннеля и железной двери. Массивный костяк и длинные передние лапы не оставляли сомнений, что это было то самое существо. При полутораметровом росте мутант имел мощный скелет и длинные клыки в пасти, открывавшейся почти на девяносто градусов.

Сняв и это чудо природы на портативную камеру, я внимательно осмотрел помещение. По правую руку от меня еще один невысокий пандус тянулся к уже виденной мною в начале тоннеля бронированной двери. Эту тоже пытались вскрыть когтями. Но старые следы говорили скорее о панике гиганта, нежели о желании выковырять из-за двери вкусных человечков. Осмотрев костяк еще раз, я понял следующее: мутанта гнали родственники существа, убитого мною чуть раньше. Скорее всего, отравив или парализовав жертву, змеевидные твари просто ждали, когда гигант не сможет двигаться, а потом сожрали его живьем (характер расположения костей говорил именно об этом, мелкие зубы ящеров не смогли бы так проворачивать солидные мослы загнанного зверя). Следовало уходить, так как по следам было ясно, что время от времени ящеры все еще заходят сюда, они включили тоннель в границы своей охотничьей территории.

Развернувшись, я двинулся в обратную сторону. Кто бы ни сделал этот тоннель и какие бы тайны ни хранились за заблокированной дверью, разгадывать их в одиночку было слишком рискованно. Для тайн еще будет время, и сюда стоило вернуться – чуйка меня еще никогда не подводила. Слежки за собой я больше не чувствовал, кроме того, было понятно, что гиганта, чей скелет лежал сейчас глубоко под землей, просто загнали туда, выследив еще на поверхности. Ящеры были амфибиями и жили или на болотах, или в затопленных ответвлениях найденного мною странного сооружения.

На поверхности была ночь. Волна оставила на память о себе парудохлых птиц и несколько вновь появившихся аномалий. Сменив направление и отойдя от входа в тоннель метров на двести, я разбил лагерь и перекусил. Через два часа, которые ушли на осмотр оружия и сон, я снова был на ногах и, направившись в обход засеченной рейдгруппы «сичевых», взял направление на базу «Альфы».

1.2

Путь занял еще сутки, за это время ничего существенного не произошло. Миновав блокпосты, я вошел на территорию, прилегающую к Бару. Старая водонапорная башня, ставшая мне и Норду временной базой, просто преобразилась. Появились тяжелые ставни из листовой стали, двери были заменены, и теперь без направленного заряда их не собьешь. Крыша обзавелась невесть откуда взятой металлочерепицей. Башня теперь напоминала рыцарский донжон. Солидное и основательное строение получилось.

Юрис был предупрежден и поэтому не удивился моему появлению. Обменявшись обычными в таких случаях приветствиями, каждый занялся своим делом. Я скинул комбез и прибрал оружие, после чего отправился в подвал принять душ. Вода бежала со слабым напором, но была горячей. Мыслей никаких в голове не было, я чувствовал только невероятную усталость. Ну и, конечно, то и дело вспоминал о предстоящем разговоре с вдовой Тимура, крайне неприятном. Женщина скорее всего уже смирилась с потерей, но надежда на чудо наверняка еще теплилась. А я эту искорку погашу...

Потом был сон, черный и глубокий, как когда-то в детстве. Помню только, что рядом

мама, и за хлипкой дверью в нашу старую квартирку на пятом этаже кирпичной пятиэтажки никого нет. Завтра выходной день и в школу идти не надо.

Стены башни были достаточно толстыми и не пропускали шума снаружи. Мерно тикали настенные «ходики», которые Юрис, любитель всякого антикварного хлама, выменял пару дней назад на комплект для чистки оружия, выигранный хитрым латышом в покер у местных «вольняг». Норд обладал даром изображать тупого простака – легкую поживу для шулеров, но после нескольких драк в баре и разорения известного в узких кругах каталы¹⁰ Вальки Штирко с хитрым латышом больше никто не садился за карты. Ходики были в виде совы с бегающими вправо-влево глазами и удивительно мягким боем.

Поднявшись и посмотрев на часы, я понял, что проспал почти сутки – дань походной жизни и непростому рейду. Поднявшись на второй этаж, где у нас получилось нечто вроде гостиной, я застал Юриса за составлением карты Зоны с учетом моего последнего рейда. Получалось, что Норд тоже не сидел сложа руки. Я поинтересовался:

– Как оно тебе здесь, Юрис?

Латыш скупо улыбнулся, отложив распечатанную карту, испещренную пометками и, сделанными его аккуратным убористым почерком, новыми зарисовками.

– Нормально, командир. Люди тут разные, много романтиков, мутного народа тоже хватает, но вот дураков гораздо меньше, чем там – в мире. Очень похоже на то, что было на войне. Все очень знакомо.

– Будет тебе и настоящая война, брат. Духи объявились на болотах.

Мой снайпер сразу сделал стойку, и в глазах его засветился нехороший огонек.

– Сколько?

– Нам с тобой хватит: численность до взвода, тяжелого вооружения нет, только «границы»¹¹ да снайперки. Но духи тертые: костяк банды – моджахеды, а те, кто на подхвате, тоже имеют серьезный боевой опыт. Все отлично вооружены и экипированы. К тому же их позиция для войсковой операции неуязвима. Они уйдут и снова появятся, и будет как обычно. Кошки-мышки. У местных нет шансов: в открытом бою ничего не выйдет, потому что духи от него уклонятся, а в партизанщине местные будут друг другу только мешать. В результате духи укрепятся и встанут на ноги. Будет кисло.

– Не согласен: «Альфа» может противопоставить духам пятьдесят обученных бойцов, и это только рейдовики. Я встречался с ними, Антон, это хорошие бойцы.

– Да. Но это если давить духов сейчас, да и то сомневаюсь, что местные смогут тихо выйти на позиции и положить группы прикрытия и секреты. После того как ты уволился, появилось много чего интересного в этом плане, и болотные духи эти приемчики знают. За местных не поручусь. Слишком они стали полагаться на технику, она-то их и погубит.

– Нужно рассказать Кашину. Сейчас рассказать, командир. – Юрис привстал от возбуждения, что с ним бывало крайне редко, даже акцент чуть прорезался.

Я успокаивающе поднял руку:

– Присядь, боец. Я уже думал над этим. Информацию твоим любимым «альфовцам» я, конечно, предоставляю. Поговорю с комендантом, дам знать и Кашину, если он захочет меня слушать. Но тут нужно действовать самим. Соберем группу человек из двенадцати, потренируемся недели две и пойдем навестим моджахедов. Пойдем тихо и разберемся с ними тихо, а потом пусть местные «безопасники» делают, что хотят. – Я вопросительно глянул на Юриса, тот утвердительно кивнул – Приветы из прошлого нам тут ни к чему. Лады?

– Да, командир, я согласен. Но Кашину нужно сказать... убедить его.

– У-xxx. – Вдох и выдох, спокойнее, Антон. – Скажем так, брат, я попытаюсь. Устроит?

¹⁰ Катала – профессиональный игрок, шулер.

¹¹ «Граник» – противотанковый гранатомет, жаргонное выражение.

– Да.

Посидев еще немного, я отправился собираться. Нужно было навестить жену Тимура и отметить у коменданта района. Надев комбез (после того как обнаружил духов на болоте, доверия к местной охране стало процентов на пятьдесят меньше обычного) и взяв автомат, вышел из башни.

Низкие облака и накрапывающий мелкий дождик давали понять, что сейчас никак не меньше семи вечера. Тусклый осенний свет пробивался сквозь подушку сизых туч, окрашивая все вокруг в грифельные полутона. Кому-то такая погода покажется унылой и депрессивной, меня же она, наоборот, успокаивала ввиду предстоящей нервной беседы с вдовой разведчика.

Пройти на территорию базы с пропуском, выписанным мне комендантом в прошлый мой визит, было гораздо проще, нежели без него. Автомат и АПБ все же забрали, но особой волокиты не было. Светлана уже ждала меня вместе с сержантом, выделенным мне в сопровождение. Докторша что-то сказала ему, и боец, козырнув, ушел в караулку.

– Я сказала, что сама вас провожу к коменданту. Меня тут многие слушаются. Штопаю их чуть ли не каждый день. Пойдемте в санчасть, там сейчас никого нет.

Мы пошли по дорожке, ведущей мимо здания комендатуры в западную часть комплекса. Санчасть располагалась тоже в подвале, что поделаешь: Волна могла не оставить раненым и неходящим большим шансов на спасение. В Зоне необходимость поменяла все местами, теперь подсобные помещения были наверху, а собственно жилье всегда зарывалось в землю как можно глубже.

Кабинет Светланы был совмещен со смотровой комнатой и имел стандартный для медучреждений белый окрас. Мы сели за стол, женщина выставила нехитрую закуску и шкалик водки. Простой русской водки, которой я не видел здесь со дня своего приезда в Зону.

В разговорах вроде предстоящего есть только один виноватый – это гонец, принесший дурную весть. Мне уже приходилось общаться с родственниками погибших сослуживцев, и каждый раз мысль в голове только одна: лучше умереть самому, чем смотреть в незрячие от горя глаза матери, жены, бабушки или сестры. Мужики как-то менее эмоциональны, хотя случалось и так, что вызывал неотложку и отпаивал до ее приезда корвалолом падавших замертво отцов и братьев. Женское горе в десятки раз сильнее, потому что они расстаются с большим, нежели мужчины. После таких «сеансов» спасало только стрельбище, где я сжигал сотни патронов, изводя организм предельными нагрузками. Ходившие со мной работники местных военкоматов провожали меня только до подъезда, предпочитая напиваться на лавочке вдали от эпицентра чужого горя. Я их не виню. Повторяю: лучше десять раз умереть самой лютой смертью, чем заглянуть в пустые от горя женские глаза. Горжусь лишь тем, что ни разу не пришлось отчитываться перед родственниками моих бойцов. Мои все вернулись домой.

По мере того как я рассказывал, глаза Светланы приобретали уже знакомый мне вид отрешенности и отчаяния. Судорожно схватив бутылку, она разлила водку по пятидесятиграммовым стаканчикам и в один глоток осушил свой, даже не поморщившись. Затем, опустив глаза, молча посидела минут пять. И тогда я сказал то, что обычно говорю в таких случаях:

– Мучений не было, Света. Тимур не дался мясоедам в руки, его смерть была безболезненной. Он умер как воин: в бою и с оружием в руках. Теперь его надо оплакать и похоронить. Помни его живым.

Женщина, казалось, меня не слушала. Но я знал, что она ловила каждое мое слово. Потом она порывисто вскочила и убежала в дальний угол помещения, уткнулась в него лицом и зарыдала. Тяжелый и протяжный бабий вой эхом отозвался в сердце, в каждой клеточке мозга. Тимур не был моим бойцом, но, согласившись помочь в поисках, я принял на себя и часть ответственности за него. Осознание того, что все мясоеды мертвы, ценностью не обладало: сама по себе смерть врага для женщины, потерявшей близкого человека, –

слабое утешение.

То, что Светлана заплакала, было хорошим признаком. Горе переходило в следующую стадию, когда психика уже принимает потерю, стараясь смириться с ней. Нужно, чтобы некоторое время кто-то был с женщиной рядом, моя же миссия была завершена. Очень кстати появилась пожилая женщина лет под шестьдесят в белом халате, повседневно с майорскими звездами на погонах и знаками отличия медслужбы, проглядывавшими сквозь ткань удивительно белого медицинского одеяния.

Кивнув мне (видимо, тут уже все были в курсе моей роли) со значением: «уходи, мол», женщина-майор приобняла Светлану за плечи и увела ее в смотровую.

Я вышел из санчасти и направился в сторону комендатуры. Тут меня окликнули. Майор Кашин собственной персоной вприпрыжку бежал ко мне, придерживая рукой сбивающееся от ветра кепи, отчего головной убор стал похож на плоский блин весьма неаппетитного вида. Я остановился, решив дождаться, когда майор добежит до меня. Тот перешел на начальственный шаг, поправил кепи и первым протянул мне руку:

– Здоров, старшой. Спасибо, кстати, за мины. Мои саперы говорят, почти нечего было после тебя делать. Грамотно снял гостинцы.

– Да ешьте на здоровье. Поздно спохватились, ведь знали, что мин там понатыкано, боец ваш нарвался тож. Чего сразу саперов не оставили или «отвалилось – не болит»?

Кашин потемнел лицом, но, вспомнив, что я вроде как вольная птица и не совсем бесполезный человек, ответил без чинов:

– Да у меня грамотных минеров всего трое! Трое, Антон. А мины ставят каждый день. Уголовники, наемники и мародеры на Дикой территории минируют подходы к своим тайникам, просто направления поганят растяжками и минами, чтобы «вольняги» подрывались и можно было хабар, как грибы, подбирать. А погибло еще десять человек, и все это за полгода...

Кашин вынул пачку «Петра I» и, выплевывая зубами сигарету, жадно прикурил от умело зажженной о ноготь большого пальца левой руки спички. Окутавшись облаком пахучего дыма, чуть сбавил тон и продолжил:

– Знал я про мины эти. Разослали по открытому каналу предупреждение, ворота хотели заварить вечером того же дня. Но тут столько шуму было: «сичевые» сразу по трем направлениям полезли. Пока отбились, пока пленных обменяли, вот время и ушло. А тут ты нарисовался...

– И все за вас сделал...

– Да иди ты начисто! Чего снова пришел? Или денег хочешь за доброе дело? – Видимо, я снова улыбнулся, потому что Кашин невольно опустил руку к поясной кобуре. – Ты чего?...

– Нет, товарищ майор, все нормально. А деньги мне не нужны. Просто, согласно договоренности с комендантом, я пришел проинформировать вас об общей остановке в районе, где я побывал. Думаю, вам будет интересно.

Кашин удивленно пожал плечами и кивнул, указывая дорогу в отдельно стоящий одноэтажный домик в шесть окон. У входа с обеих сторон были сложены бетонные блоки и стояло по пулемету. Стрелковые позиции брали сектора перед зданием и все подступы под прицел, исключая возможность подхода штурмовых групп на дистанцию прямого выстрела. Службу несли шестеро бойцов в броне. Красная табличка с золотыми буквами сообщала, что это особый отдел отряда «Альфа». Майору отдали честь, меня снова обыскали.

Кабинет Кашина располагался в конце коридора, таблички на двери не было. Обычная казенная обстановка – стол, шкаф, металлический сейф возле стола справа от входа и пара стульев. Кивнув на довольно крепкий еще стул, майор уселся напротив и, казалось, весь обратился в слух.

Рассказав обо всем, что произошло со мной в последнем рейде и, естественно, умолчав о встрече с мутантом Тихоном, я ожидал любой реакции, кроме последовавшей. Кашин вскочил и начал ходить из угла в угол, меряя кабинет широкими, не соответствующими его

малому росту шагами, двигаясь по диагонали и постоянно затягиваясь уже третьей по счету сигаретой. Правда, у этой он еще и оторвал фильтр, что характерно для людей, привыкших к более крепким сортам курева.

– Пойми, Васильев, не было у меня возможности вторую группу посылать. Контрики¹² наши вообще ничего не нарыли по засаде на Сортировке. Выслать еще людей, которых и так мало, – не видел смысла.

– Ну вот теперь вам все известно, так в чем же дело? – Вопрос я задал риторический, видно было, что майор уже принял решение, и оно не то, которого ожидает Норд, но вполне точно предсказано мной ранее.

– А в том, что придется договариваться с «Січью» о совместной операции, и это в том случае, если они согласятся.

– Думаю, что согласятся: появление сильного и в перспективе многочисленного противника их тоже не обрадует. Только вот я уже говорил, что крупномасштабная операция имеет слишком много уязвимых моментов. Будет громко, но малоэффективно. В идеале накрыть бы этот островок минометным огнем, но лагерь хорошо замаскирован и корректировщикам почти невозможно работать. Секреты и патрули грамотно стоят, засекут и поднимут тревогу.

– А ты знаешь, прапорщик, что и мины тут не всегда взрываются? Если подлянка на земле поставлена – все нормально, но вот со снарядами и минами чуть больше пятидесяти миллиметров начинаются проблемы. Могут вообще не сработать или исчезнуть в процессе полета. Короче, с закрытых позиций огонь невозможен. Есть у меня штук двадцать «подносов»¹³, да толку от них мало: когда сработают, когда нет. Мы же в Зоне, а здесь физические законы действуют избирательно и человеческая логика не работает.

– Но, помнится, «січевые» используют минометы, я сам слышал, как они из них УР сектантов обрабатывали.

– Так то старье, еще с войны осталось. Наштамповали в свое время да на склад и положили. Но штука паршивая – пятидесятый миллиметр даже толком не поцарапает сектантскую городьбу. Это они для проформы стреляли – вдруг поможет? Слышал, что им кто-то поставил партию «Вампиров»¹⁴, вот с их-то помощью они УР и взломали, да и то не полностью. За первой линией их встретили пристрелянные по секторам КПВ¹⁵, вот они и откатились. Зачем полезли теперь, знаю, – майор с некоторой долей превосходства глянул в мою сторону, – но это так, к слову пришлось. Короче, минометы тут не помогут. Вспугнут только. За сведения спасибо, будем думать.

– Только не очень долго. Времени у вас почти нет: духи уже наладили контакты с мелкими торговцами, местным криминалом в лице смотрящего. Торят тропы по проводу караванов из глубины Зоны, налаживают бизнес по торговле рабами и наркотой. Когда они освоятся и придавят какой-нибудь из слабых кланов, будет уже совсем поздно. Завалят сначала вас, потом пощиплют «Січь», но до конца ее давить не станут: у «січевых» слишком серьезное прикрытие. Наемники связываться с духами не захотят, просто свалят туда, где не так горячо. Несогласных моджахеды быстро возьмут на ножи. Алхимиков обложат данью,

¹² «Контрик» – сотрудник военной контрразведки, жаргонное выражение.

¹³ Имеется в виду ротный 82-миллиметровый миномет 2Б14-1, получивший свое название из-за характерной формы круглой штампованной опорной плиты.

¹⁴ РПГ-29 «Вампир» – ручной противотанковый гранатомет нового поколения с tandemным б/п, позволяющим уничтожать инженерно-оборонительные позиции укрепрайонов.

¹⁵ КПВ – крупнокалиберный пулемет Владимирова образца 1944 года. С середины 60-х годов не выпускается, однако до сих пор имеется в резерве хранения на складах РАВ.

поставят свою охрану. Что касается ученых... тут возможны варианты, но контроль будет и за ними. Вам пощады не будет точно: «шурави»¹⁶ вырежут под корень.

– С чего ты взял, что только мелкие торговцы у духов на связи?

– Тут все просто: к эксклюзиву типа вашей «паутинки» духи доступа не имеют. Оружие и снаряжение для Зоны есть, но оно от вояк или свое. Артефакты они не используют, я спрашивал у пленного. Пользуются меднаборами тех же военных. Значит, завязки только вне Зоны, через мелких оптовиков. Да и не станут они обращаться ни к Поповичу, ни к Одесситу, слишком велик риск раскрыть себя.

– Понятно, постараюсь договориться с «Січью», посылать своих пока рискованно.

– Ничего не даст ваша «расческа»¹⁷. Информация может уйти к духам, и потом уж точно будет кисло. Кроме того, вы не сможете наладить полного взаимодействия с «січевыми»: пока будете тянуть одеяло каждый на себя, моджахеды просочатся мелкими группами сквозь ваши порядки и уйдут. И на этот раз все будет иначе, теперь они будут готовы, и вам не поздоровится. Воевать с духами ваши ребята не смогут: партизанщина – не ваш образ жизни. До некоторых пор вас выручит знание местности и условий, но это ненадолго. Духи очень быстро учатся, и их сюда может прийти очень и очень много. Найдете где-нибудь за пару месяцев человек пятьсот подготовленных волкодавов, знающих местность и умеющих воевать с афганцами, – может, и продержитесь еще некоторое время. Если нет, то довольно быстро Бар сменит хозяина.

– А ты меня не пугай. Не факт, что операция не даст результата. Мы можем сколько угодно драться по мелочам между собой, но, когда «січевые» поймут, против кого мы идем, взаимодействие будет таким, как надо.

– Если только лидеры «Січи» не решат объединиться с духами против вас. А это вполне шоколадный вариант для них. Им уничтожение не грозит – это-то «січевые» сразу дадут духам понять.

– Васильев, я устал от тебя. За предупреждение спасибо, но мы уж как-нибудь сами разберемся, что и с кем нам предпринимать. Более не задерживаю. – Лицо майора окаменело. Он ясно дал понять, что разговор окончен. Когда человек в чем-то сильно уверен, разубедить его бесполезно, я и не стал больше тратить свое время.

– Разрешите идти, товарищ майор?

– Иди уже, иди. Не задерживаю.

Выйдя из здания особого отдела, я направился в комендатуру. Но на полпути меня окликнул Василь. Местный «Штирлиц» был в комбезе разведчиков «Альфы», напоминавшем мой, только чуть-чуть с другим рисунком на бронежилете. Секретчик улыбался, и получалось это у него так, будто я его потерянный брат, которого он очень долго искал и обрел наконец после долгих лет разлуки. Видимо, так их учат в закрытых школах – вот сейчас он улыбнется, а мгновением позже всадит в тебя очередь из автомата. Но такие фокусы нас распознавать учили, поэтому меня этому супермену не провести. Если потянется за оружием или просто о нем подумает, я успею первым, тут даже сомнений быть не может. Думаю, что на сей раз улыбки он мне расточал на предмет выудить некоторые подробности последнего рейда или взыскать должок за предыдущий.

Распространяя вокруг себя флюиды радушия, Василь как-то незаметно увлек меня к КПП, а потом мы оказались в «Приюте старателя»: он за кружкой пива и горькой соленых орешков, я просто сидел «на сухую», пива или чего покрепче совершенно не хотелось.

Наконец, закончив нарезать круги вокруг да около, секретчик стал расспрашивать про рейд. Народу вокруг не наблюдалось, в столь ранний час большинство посетителей либо еще

¹⁶ «Шурави» – «советские», прозвище советских солдат в ДРА.

¹⁷ «Расческа» – масштабная войсковая операция, облава с использованием крупного войскового соединения (сленг военных разведчиков).

спали, либо уже разбрелись по своим делам. Осторожно, опуская ряд подробностей, я изложил особисту все то, что до этого говорил Кашину. Василь, в отличие от майора, слушал внимательно, задавал уточняющие вопросы, стараясь пробить меня на предмет дальнейших действий. Но я был к этому готов, посему не дал секретчику повода к размышлению. Поняв, что лучше всего играть в открытую, Василь поинтересовался:

– И что же они, по-твоему, могут предпринять уже тут, в глубине охраняемой территории? Шансов пробиться внутрь практически никаких.

– Есть шансы, и очень неплохие. Смотри сам: под видом не вызывающих подозрений «вольняг», мелких торговцев и просто транзитных путешественников они накопят в разных концах внутреннего периметра группы по пять-шесть человек. Оборудуют схроны с оружием и в нужный момент перебьют дежурные наряды на блокпостах и мобильные патрули. Прорвут периметр внутренней охраны базы и уничтожат средства связи и управления. После этого войдет та группа, что будет дожидаться с внутренней стороны первого кольца обороны, тоже скопившаяся под разными предлогами в узловых точках, – она нападет на дежурную смену внешнего блока уже после того, как диверсанты просигналят, что связь отключена.

– Ловко. – Василь даже слегка поежился, до того убедительный и реально выполнимый план я ему обрисовал. – Практически мы беззащитны: «вольняги» откажутся сдавать оружие на внутреннем «блоке» – зверье периодически шныряет там и сям, места у нас тут беспокойные... Разоружение всех прибывающих отпадает... – Он задумчиво разгрыз пару зерен арахиса и сделал длинный глоток из кружки. – И что же будет потом?

– Очаговая оборона у вас организована грамотно, но вот внешние блокпосты ориентированы только на внешнее нападение: стрелковых точек, обращенных в тыл, просто нет. Уцелевших изолируют в зданиях, потом уничтожат или возьмут измором. Ваши соседи, «сичевые», думаю, даже помогут. Я уже молчу про кланы мародеров и наемников: издыхающего льва будут грызть все шакалы. Потом, финита – отрезанные яйца и головы по всей территории базы.

– Весело. – Секретчик мрачно цедил пиво, которого осталось совсем на доньшке. – Можешь подсказать меры противодействия?

– А чего тут мудрить: надо духов прихлопнуть уже сейчас, пока они не проторили сюда дорожку...

– А кроме этого? – Особист скривился, как от зубной боли. – Пойми, Антон, я не всемогущ, приказывать Кашину не могу.

– Тогда наладить пропускную систему. Брать всех вновь прибывших нейтралов и подходящих под описанный тип легендирования (торговцы, мелкие новые группировки, одиночки), завести служебных собак, натаскать их на поиски тайников с оружием и взрывчатки, бессистемно и неожиданно проводить рейды прочесывания по территории. Перестроить укрепления таким образом, чтобы все они могли долгое время держать оборону в изоляции. Проводить инструктаж и учения с личным составом, разработав соответствующий сценарий. Запустить дублирующий передатчик, вынеся его в отдельное строение. Приблизительно так.

– Ну, учения – это хорошо, но вот людей в канцелярию как добыть? Куча народу ведь приходит... Ладно, это частности. Спасибо тебе, прапорщик, я у тебя в долгу.

– Это я запомню, Василь, будь уверен.

Посидев еще немного, мы разошлись каждый по своим делам. Василь припустил рысью в сторону КПП, я же пошел к выходу. И замер как вкопанный: в бар зашла молчаливая компания старателей в одинаковых комбезах с нашитой на них бахромой маскирующей ткани. Узнал я их сразу – это были те самые наемники, с которыми я столкнулся на болотах. Но на этом сюрпризы не закончились: командир «диких гусей» был мне хорошо известен еще по моей прошлой жизни. Это был Якоб Зан, из бывших восточногерманских немцев. Он долгое время выполнял какие-то мутные поручения в одной части, к которой я был временно прикомандирован. Зан был отличным рукопашником и

виртуозно владел ножом. В спарринге мы вечно «убивали» друг друга одновременно, победы так никто и не добился. «Мальком»¹⁸ я владел гораздо лучше – Зан долго и упорно постигал методику работы с МСЛ, но, овладев базовой техникой, дальше не пошел. Потом судьба нас развела, и больше мы не сталкивались.

Дождавшись, когда его парни рассядутся у дальней стены, а сам Якоб подойдет к стойке бара, я решил обнаружить себя. Подойдя к немцу с левого плеча, хлопнул его по правому, громко сказав:

– Гитлер капут!

Реакция у немца была отменной: наши движения были синхронны. Он попытался провести удар в сердце локтем левой руки, а я, уйдя с траектории, обозначил удар в кадык. Затем увел в сторону ладонь, сложенную в «клюв» и нацеленную в одну пакостную точку на моей физиономии. Достигни такой удар цели, жить мне бы осталось секунды две.

– Спокойно, геноссе Зан. Это всего лишь я. – Разорвав захват, отошел на пару метров и пронаблюдал, как на узком обветренном лице знакомого проступает узнавание.

Черные глаза засветились радостью. Якоб сграбастал меня в охапку и приподнял несколько раз над полом.

– Wassiljew, du der alte Waldteufel!¹⁹ – Он перешел на русский, которым отлично владел: – Как ты попал сюда – не спрашиваю. Рад встрече, камрад.

– И я рад, Якоб. И тоже не удивлен, что битый ландскнехт вроде тебя попал именно сюда. Помню твой извечный позывной, он как девиз для всех нас: «Sturmvogel»²⁰. Мы всегда там, где буря.

– И, как эта птица, всегда умираем в полете... – Якоб достал фляжку, налил в колпачок себе и опрокинул обжигающую влагу в рот.

Потом выпил и я. Коньяк был армянский, очень редкой сейчас марки «Двин». Немец пил либо темное пиво, либо позволял себе глоток коньяка, но только этого сорта. И делился им лишь с друзьями. Я удостоился такой чести вторично. Первый раз это было в одной горной республике, когда я и мои бойцы вытаскивали из ловушки горного ущелья самого Якоба и неизвестного мне афганца по приказу аж самого командира бригады. Полковник Сидоренко чуть ли не упрашивал разыскать немца и его спутника в лабиринте пророка Джумы, туда духи из одного горного племени загнали Зана и его напарника. Нашли мы их через сутки, погасив по ходу дела группу духов, уже вставшую на след немца и его товарища по несчастью. Как говорится, ищешь дичь – поищи охотников. Выйти чисто не получилось: духи прознали о стычке и объявили тотальную облаву. Нас четверо суток гоняли по горным тропам, пока не приперли к обрыву на пяточке каменистой горной земли. Оттесняя нас все ближе и ближе к пропасти, они хотели взять кого-нибудь из нас живьем.

Моджахеды волнами накатывали на изрытый пулями и осколками пяточек каменистой земли, где мы закрепились. Что поделаешь, горы для нас только горы, а духи тут дома. Пулемет давно заклинило, гранат осталось только две, ранены были все. Я дал приказ спускаться по отвесному склону – метрах в семидесяти внизу была тропа, которую духи еще не перекрыли.

Остался на пяточке только я... Духи, поняв, что добыча уходит, начали ураганный обстрел из всех стволов. Случился обвал. Меня завалило... Выбрался, недели три шарился по горам, пока не вышел к нашей погранзаставе. Потом долго валялся по госпиталям и

¹⁸ «Малек» – малая саперная лопата; шанцевый инструмент, входящий в экипировку бойцов пехотных подразделений РА. Может использоваться в качестве холодного оружия. Существует комплекс боевой работы с МСЛ.

¹⁹ Васильев, старый ты лесной чертяка! – нем.

²⁰ Буревестник – нем.

заполнял всякие бумажки насчет того, что я действительно жив. Немец тогда сильно помог, подтвердив мой рассказ. Ребята тоже старались, но потом верный человек сказал, что именно рапорт Зана сыграл решающую роль. Наши пути разошлись, дружбы особой не возникло, но осталось ощущение, что этот человек надежен и в случае чего можно если не помочь друг другу, то как минимум разойтись краями без жертв.

На сегодняшний момент меня интересовала роль Зана в операциях духов. Насколько сильно он с ними завязан и не войдут ли наши с ним интересы в конфликт. Времени прошло достаточно, и кто знает, чем сейчас немец зарабатывает на жизнь. Наемников на территорию «Альфы» не пускают, значит, Зан имеет свой базовый лагерь, а людей у него гораздо больше шести: десяток-полтора, я думаю. Пятеро пришли с ним, а остальные остались «на хозяйстве», так сказать. Пятнадцать опытных диверсов – это серьезная сила. Но переиграть их было возможно: специфика подготовки и ее направленность имеют у них серьезный перекос в сторону чисто контрразведывательных, оперативных методов работы. Поэтому в боевой подготовке наличествуют бреши, и случись нам столкнуться в поле, мы с Нордом вдвоем сможем если не уйти от группы Зана «вчистую», то уж дорого продать свои жизни, сделав охоту за нами делом очень убыточным. Но лучше, если такого варианта не будет даже в проекте.

Тем временем Якоб изложил краткую версию своего появления в Зоне:

– После того случая, ну...

– Я помню, как не помнить. Орден-то дали какой или просто не посадили?

Зан поморщился, видимо, вспомнил что-то не очень приятное, связанное с той давней историей.

– Нет, служил дальше. Орден получил уже года через два, когда увольнялся в запас. Поехал на малую родину, в Волгоград. Родственники в большинстве своем уехали в Германию. Меня пока не выпускали, как носителя гостайны. Потом добился, уехал.

– И как там? Пиво вкуснее, а раки больше?

Немец не улыбнулся, наоборот, на лицо его набежала тень, и без того тонкие губы сжались в нить. Глаза нехорошо сверкнули.

– Нет, Антон. Я уехал из ГДР очень давно, еще в восемьдесят девятом. Все думали, что после объединения что-то изменится к лучшему. Но, кроме пособий и новых стеклопакетов в старых домах, ничего не появилось. Зато многое исчезло: работа, уважение. Сама служба в войсках ГДР стала преступлением. Нет, вслух, конечно, этого никто не говорил, но с работой стало совсем туго. Я пытался организовать детективное бюро – отказали в лицензии, потом спортзал – снова отказ и жуткие проблемы с арендой помещений... И тогда...

– Банк грабанул в Дрездене, году в девяносто девятом. Верно смекаю?

Лицо Якоба вытянулось, но он быстро взял себя в руки.

– Не понимаю, о чем ты говоришь.

– Ну, раз не понимаешь, значит, я обознался. Хотя работа была ювелирная, и сделал ее тот, кто точно знал тактику работы GSG-9²¹ и как поладить с этими парнями. Чистая работа, как на учениях: ни единой зацепки для следствия. Да и купюрами крупного достоинства никто после не сорил, раз местные полиция не отрапортовали о задержании и раскрытии. Значит, ты тут теперь. И к кому прислонился?

– Сам по себе. Подтянул коллег по старой работе. – Якоб усмехнулся и сделал движение подбородком в сторону столика, где его команда уже расписала партию в покер под пиво и бутерброды. – Выполняем заказы на поиск и спасение. Последний раз неудачно: пропала группа старателей на болотах. Шли от заброшенной стоянки на сортировочном узле. Заказчик слишком поздно ко мне обратился, по следам уже было ничего не отыскать. Недельку ходили кругами... Часть денег пришлось вернуть.

²¹ GSG-9 – группа по силовому противодействию терроризму. Создана после неудачного штурма силами полиции ФРГ самолета с заложниками во время Олимпийских игр в Мюнхене в 1969 г. На сегодняшний момент одна из лучших антитеррористических групп в мире.

– Ты какой валютой гонорар брал?

– Долларами, разумеется. Местные фантики мне доверия не внушают, кроме того, есть тема перебраться в Сомали. Зовет полковник Чеботарев, может, помнишь такого из особого отдела дивизии?

– Помню, конечно. Нормальный мужик. Так вот о деньгах. Ты с кем договаривался о работе?

Якоб насторожился: слишком уж деликатные вопросы я задавал и намек на мою осведомленность был очень прозрачен. Медленно и с расстановкой немец поинтересовался:

– Что ты знаешь?

– Это духи, Якоб, наши старые знакомые духи. Скорее всего, с тобой расплатились именно фантиками. Ты же знаешь привычку наших заклятых друзей рисовать бумажки, очень напоминающие настоящие деньги. Думаю, что там фальшивые не все, а только треть или четверть: полное фуфло они сейчас толкать не решатся. Их пока не так много, и афишировать свое присутствие наши гости еще не готовы. Ты проверь шуршики-то, проверь.

Поднявшись со стула, немец извинился и вышел из бара, на ходу вынимая ПДА.

Я вдруг почувствовал жажду и заказал кружку темного пива, о наличии которого сообщал тетрадный листок в клеточку, исписанный корявым, но понятным почерком, пришпиленный к стойке, где рядами стояли пачки сигарет, имевшихся в продаже на данный момент. На проверку купюр уйдет какое-то время. Подделки не могут быть плохого качества, но думаю, что при внимательном осмотре это выяснится.

Кружка опустела уже на треть, когда Якоб вернулся в бар и уселся на стул рядом со мной, приглашая всем своим видом поделиться знаниями.

– Готов слушать! – Немец кивнул, и вид его при этом был не из веселых. Понимал, какой счет ему могут предъявить его же собственные люди за подставу, хоть и невольную. В нашем опасном ремесле мелочей не бывает. Поэтому спрашивают серьезно и по-взрослому за все одинаково.

– Тогда принимай: тебя наняли духи из банды Анвара Халида. Его люди разгромили стоянку старателей-«вольняг» на Сортировке, потом постреляли разведывательно-поисковую группу «альфовцев» уже на болотах, после чего их всех прибрал мозгоед. И думаю, тебе повезло, что вы их не нашли: мозгоед там давно сидел, позабавился бы и с вами.

Информация была новостью для немца, это было видно по тому, что он не выказал изумления, а скорее постарался скрыть чувства, охватывавшие его по мере того, как я говорил. Значит, заказ получил через посредника, к которому обратились духи. Именно поэтому гонец был в маске, и скорее всего по этой причине послали духа из Турции. Это не вызывало очевидных параллелей. Фальшивки должны быть высокого качества, раз Зан не обнаружил подвоха тут же, на месте.

– Если не секрет, Якоб, сколько фантиков было в колоде?

– Двенадцать тысяч. – Немец только чуть заметно побледнел, уже полностью обретя контроль над нахлынувшими эмоциями. – Разные номера одной серии, но есть характерный дефект при печати цифры «8» – она заваливается чуть вправо. И еще пара мелочей, но для банковского спеца где-нибудь во Франкфурте этого будет достаточно. Не поленились, сволочи, – перемешали купюры... Высокое качество, хорошая бумага. Определили бы не скоро...

– Ну... Страшного-то ничего не произошло: ты предупрежден, деньги еще на руки своим деятелям не выдавал. Раздай аванс из заначки, а эти я у тебя выкуплю из расчета один к одному при условии, что это останется нашей маленькой тайной.

Вы когда-нибудь видели охотничьего пса? Но не спаниеля, а серьезного, натасканного на человека. Добермана, например? Эта порода генетически предрасположена именно к охоте на человека. Умный и правильно обученный пес бросится бесшумно, не издав ни звука. А уж по следу будет идти, пока не настигнет или не умрет. Или не последует команда «фу». Против обычного зверя доберманы бесполезны, но если добыча – человек, лучше собаки не найдешь.

Зан напоминал сейчас именно добермана, идущего по следу: эмоции исчезли, включился инстинкт охотника, уже готовящего место на стене под новое чучело. Как скоро оно там появится, вопрос времени, но пустовать оно точно не будет, в этом можно было не сомневаться.

– Антон, зачем тебе фальшивки, я не спрашиваю...

– И правильно делаешь – не отвечу. Ты же знаешь, я запасливый. Кроме того, возможно, ты решишь присоединиться к одному мероприятию, которое я планирую в недалеком будущем. Риск минимальный, я почти все уже рассчитал.

– Хочешь пощипать духов?

– Нет. Уничтожить. Другой вариант меня не устраивает.

– Я подумаю. Когда ты хочешь получить фантики и мой ответ?

– В течение этой недели я буду здесь. Давай условимся, что каждый день в... – я глянул на часы, – в девятнадцать тридцать по местному времени я буду ждать или тебя, или твоего человека, пусть он назовет твой радиопозывной – так мы узнаем друг друга.

– Хорошо, договорились. Теперь буду осторожнее с контрактами, а после нашего дела, наверное, переберусь в Сомали. Там все проще.

– Везде есть свои сложности, камрад. Но раз тянет к неграм и малярийным болотам – доброго пути. Только замечу, что духи пришли сюда не пустыми. Для тебя будет возможность завязать.

– Всегда поражался, как тебе удастся знать все про всех.

– Это старая русская магия, обитает она в пятой точке организма. Западный человек не поймет, а вам, немцам, вообще лучше не пробовать.

– И почему же?

– Это заразно: кто научится – сразу становится русским и в компанию приличных европейских господ его уже не пускают.

Якоб заржал, качая головой, направился к столику своих парней, уже по третьему разу перераспределивших весь гонорар за месяц вперед. Покер – чудная игра, где все строится на интуиции. Расчет тут не главное: любой план может полететь к чертям, если нет чувства ситуации или закралось хоть малейшее сомнение в последовательности действий. Некоторые называют шахматы королевой логики. Но в этой игре скрыт самый главный порок: конечное число вариантов, ведущих к победе. Проще говоря, все можно предусмотреть и неожиданных ситуаций вообще не может возникнуть из-за жестких правил, ограничивающих возможности игроков некими определенными рамками. Покер ближе всего подходит к жизненным реалиям из-за одного волшебного приема, имя которому – блеф. Даже если на руках одна паршивая пара, всегда можно заставить противника предположить, что в его комбинацию закралась ошибка и у тебя есть некое преимущество. Как и в жизни, блеф дает возможность склонить чашу весов в твою пользу, когда шансы на выигрыш ничтожны, исчезающе малы...

Я вышел наружу и не торопясь направился домой. Пусть временный, но сейчас у меня есть свой дом. Место, куда можно прийти, отгородиться ото всех и стряхнуть с себя часть напряжения.

Норд был в гостинной и чистил недавно приобретенную им снайперку. Как раз сейчас он снимал набалдашник массивной мушки и надевал на ствол непривычно тонкую трубу ПБС, которая скрыла весь ствол до самой оконечности деревянного цевья и после поворота, едва слышно щелкнув, встала на место. Присмотревшись, я узнал оружие. Это была новая модификация «моськи» под названием ОЦ-48К²². При всей моей неприязни к «буллпап»-компоновке нужно было признать, что конкретно этому стволу уготовано большое будущее: винтовка была приемистой, относительно легкой и при небольшой длине позволяла

²² СВ ОЦ-48К (карабин) – снайперская целевая винтовка для сил СпН и разведподразделений ВДВ, на базе винтовки Мосина.

доставать человека в броне на расстоянии не менее пятисот метров с гарантированным результатом. Где Юрис раздобыл это чудо, оставалось загадкой, но, когда он навесил на нее амеровский семикратный «Леопольд», оружие приобрело очень многообещающий вид.

Увидев меня, Норд заулыбался, кивая на свою новую игрушку:

– Почти даром обошлась. Завтра буду пристреливать. Отличная машинка, командир, никогда не думал, что смогу из обыкновенной «трехлинейки» сделать нечто подобное.

– Странный «тихарь»²³, таких видеть еще не доводилось.

– Местная разработка. Из чего делают, точно сказать не могу, но практически не сбивает баланса и использует какой-то иной принцип. Звука и вспышки просто нет. Говорят, последняя разработка алхимиков.

– Весь гонорар, поди, ухлопал на него?

– Нет, – Юрис чуть смутился, – всего десять тысяч рублей отдал.

– Даром практически. Ну да, если вещь хорошая, нужно узнать на предмет...

– В оружейном ящике посмотри, там и для тебя припасено.

Ехидно улыбаясь, Норд перемазанным в мастике большим пальцем правой руки указал на шкаф у себя за спиной. Сюрпризом был точно такой же ПБС, только предназначенный для автомата, точнее, для моего «ковруши». Усталости как не бывало, сразу принялся за работу. Компенсатор пришлось снять, новый девайс устанавливался вместо него. Разумно и чуть снижает вес оружия. Конструктор поработал на славу: крепление полностью совместимо с креплением ДТК²⁴, и с обеих сторон имелись четыре ряда отверстий, призванных оный заменить. Длина ствола чуть увеличилась, но это было не критично по сравнению с привычным армейским вариантом ПБС. Тот удлинил бы ствол еще сантиметров на десять как минимум. Новый девайс почти неслышно щелкнул, подтверждая, что крепеж осуществлен верно. Как я и предполагал, баланс был в норме, вес глушителя почти не ощущался.

Правильно поняв мое желание, Юрис подхватил винтовку и пошел к лестнице.

– Пойдем к соседям на блок, командир. Рембаза как на ладони видна: можно будет опробовать покупки.

Что тут скажешь: разрядка после встречи со Светланой была просто необходима, да и творчество местных умельцев тоже требовало оценки. Нужно отметить, что подобное устройство уже стояло у меня на АПБ и никаких нареканий не вызывало. Но одно дело – уже устаревший пистолет, и совсем иное – автомат, только-только запущенный в серийное производство. Нагрузки не те, да и требования выше, так как автомат – основное оружие в бою.

Я сразу ощутил на себе последствия доверительной беседы с Василем. Нас не просто окликнули: теперь в тыл был повернут РПК и добавлена пара блоков, защищающих позиции поста с тыла. На сердце потеплело: значит, не зря говорил, послушались. Теперь, случись что, погибнет гораздо меньше бойцов. А может быть, и все отсидятся...

Уладив формальности, мы договорились о проведении силами нашей группы небольшой разведки боем. Командир «блока» сообщил, что в полукилометре наблюдается активный радиообмен между двумя небольшими группами мародеров и зажатыми на грузовом терминале железнодорожного узла «вольнягами». Последних «приняли» на выходе из тоннеля, ведущего на Янтарь, и загнали в заброшенный склад. Среди «вольняг» было двое опытных старателей-одиночек. Только благодаря им группа (ориентировочно состоящая из пяти человек) заняла круговую оборону и пока держалась. «Альфовцы» выслали дежурную группу «отбойщиков», так как подобные ситуации случаются постоянно, но на галерее

²³ Тихарь – жаргонное название прибора бешумно-беспламенной стрельбы.

²⁴ ДТК – дульный тормоз-компенсатор. Устройство, предназначенное для частичного рассеивания эффекта отдачи и частичного же рассеяния вспышки выстрела. Неотъемлемая часть автомата или ПП.

бывшего заводоуправления засела группа стрелков из какой-то новой группировки наемников. С большими потерями бойцы «Альфы» были вынуждены отойти: двоих раненых и одного убитого было вполне достаточно для принятия такого решения. Мы подошли к карте, расстеленной на снарядном ящике в палатке командира блокпоста. Хмурый парень лет двадцати с шевроном за ранение и погонами лейтенанта хмуро тыкал в испещренную значками карту района:

– Да глухо все, Антон Константиныч, – (парня звали Сергеем, и он с самого начала проникся ко мне непонятным для меня по своей мотивации уважением), – в лоб их не взять, подходы все простреливаются. Там пулемет и пара снайперов да человек пять автоматчиков. Пробовали уже. Кроме того, радиоактивных пятен и живцов штук шесть в округе. Не пройти там. Задымление не помогает – наскочим на аномалии, да и растяжки там везде. А дым быстро рассеивается. Минометы, сами знаете, эффекта не дают. Да и галерея капитально построена: чтобы порушить, сосредоточенные заряды нужны...

– Давай не будем впадать в отчаяние, лейтенант. Раз в лобовую не получается, попробуем в обход взять: вот, смотри, на северо-западе колодец канализационный...

– Там тварь какая-то обитает, к нам не лезет, но внутрь не пройти. Человек шесть уже зажевала. Чем только ни пробовали выкурить – не помогает. И так силен, падла, – людям головы проламывает. Одному руки-ноги пооборвал.

– А куда коммуникации из того коллектора ведут?

– В западное крыло заводоуправления и сборочный цех. Чего тут собирали, не знаю, но помещение большое. Крыша до сих пор целая, а станки растащили, само собой. Там заминировано все: мы ставим и эти, – Сергей смачно сплюнул в сторону, – свои самodelки накрутили. Даже если в цех пройти, наверняка пристреляно все. А начнешь метаться, подрыв – и привет семье.

Похоже, что положение не из легких, но в пятистах метрах дальше идет бой, «вольняг» просто порежут на лоскуты, и вряд ли это будет быстрый процесс. Канализация оставалась единственным путем, который вел к победе. Наемники уверены в своей неуязвимости и не ожидают сюрпризов с этой стороны. Стоит рискнуть. Я повернулся к Юрису:

– Норд, залезь на крышу, прижми этих козлов, как ты умеешь.

Так, теперь лейтенант.

– Сергей, мне нужна твоя помощь.

– Да не вопрос, Антон Константиныч, что от меня нужно?

– Пошуметь. Пока Норд работает, ты со своими бойцами постреливай по галерее и цехам. Не нужно, чтобы противник понял, что работает снайпер. Ваша стрельба будет как фон для моего бойца, да и бандиты успокоятся. Ожидаемые действия противника – это своего рода успокоительное. И вот еще что. Есть связь с «вольнягами»?

– Да, командир группы некто Слон. Личность вообще-то известная – давно ходит на Янтарь и другие гиблые места знает как свой задний двор.

– Добро, давай частоту. Их скорее всего слушают, но попробовать надо.

– Не уверен: Слон парень тертый, даже мимо нас иногда на спор проходил с песнями в эфире, а мы не слышали.

– Но ведь в этот раз его приняли, верно?

– Ларчик просто открывался – он людей новых в Зону повел, вот из них кто-то про маршрут и сболтнул. А мест прохода через Янтарь не так много.

– Ладно, давай крути свою шарманку. Время дорого.

«Альфовцы» были неплохо оснащены: у ребят на «блоке» был «Акведук»²⁵, который отлично себя показывал в полевых условиях. Надежная и неприхотливая система. Сначала лейтенант сам заговорил с «вольнягами», потом протянул трубку мне. Сразу стало ясно, что

²⁵ Р-168Е «Акведук» – комплекс связи КВ-УКВ, поступивший на вооружение в ВС РФ в начале XXI века на смену устаревшим системам.

группе Слона приходится туго: связь была хорошей, поэтому четко прослушивалась окружающая обстановка на складе. Бандиты не экономили боеприпасов: слышались длинные заливыстые очереди из пяти LR300, тьяканье двух «ремингтонов» бандитских снайперов и диссонансом вклинивался родной «Печенег»²⁶. Им отвечали два АКМ да пара пистолетов (что-то импортное, что я не мог идентифицировать на слух). Все было очень плохо: судя по интенсивности перестрелки, бандитов удерживало только наличие у обоих обладателей АКМ «подствольников», да меткость бьющих короткими очередями стрелков. Но скоро соотношение сил изменится: «вольняг» задавят массированным огнем пулемета и под прикрытием огня средств поддержки подойдут на бросок гранаты. Дальше все быстро закончится...

– Здравия желаю, Слон. Как долго продержаться сможешь?

– С кем я говорю? – Голос «вольняги» был спокоен, что внушало определенный оптимизм. – Лейтенант, кого ты мне там дал?

– Я просто проходил мимо, зовусь Антоном. Ты про меня не слышал, я человек в Зоне новый.

– Ты, что ли, Светкиного мужика искать уходил?

Тесен мир, никуда не денешься.

– Я.

– Слышал о тебе немного... – В ухо ударил звук короткой автоматной очереди, видимо, Слон параллельно давал «диким гусям» прикурить. – Слышал, говорю, только хорошее. Недолго продержимся: скоро еще какой-то мутный народ подтянется. На Янтаре мы от них оторвались, без боя обошлось. Но на хвост они нам присели крепко, договорятся с Ефремом или нет, но сначала нас задавят совместно, факт.

– Ефрем – это, я так понимаю, твой главный оппонент? – Снова две короткие очереди, звук заменяемого магазина, голодный лязг затвора.

– Он, родимый. Вроде цыган (ударение Слон сделал на первом слоге, получилось очень по-домашнему, так у нас говорили в отдаленных деревнях), но кто их тут поймет: перемешалось все.

– Ясно. Сам-то откуда будешь?

– Хе. Да вроде земляки мы с тобой, с Братска я. Слышу, говор знакомый.

– Земляки почти. Потери есть?

– Два «трехсотых», но тяжелых пока нет. Что дальше будет, пока неясно: моих пассажиров живьем сначала взять хотели, но теперь озверели совсем, думаю, положить нас всех хотят.

– Продержись сорок минут, земля. Больше не прошу. Дай мне эти сорок минут. Сможешь?...

Некоторое время Слон молчал, слышалась только стрельба, и чпокнул взрыв: кто-то закинул ВОГу. Потом Слон заговорил:

– Много это... Но постараюсь. Слышь, брат... Если положат нас, верни паскудам должок, а я с того света за тебя Боженку попрошу, чтобы сразу в тамошний дисбат не списывал, договорились?

– Они умрут. Очень медленно. Обещаю. Но ты так дешево не отделаешься – с тебя сегодня простава. Отобьемся, держись. Я иду. Отбой.

– За мной не заржавеет. Хоть залейся ей, так представлюсь. Жду тебя, земля. Отбой.

Передав трубку Сергею, я поставил Юрису задачу вести беспокоящий огонь и по возможности вывести из строя пару-тройку стрелков. Потом взял у лейтенанта две «зорьки»²⁷ и стал готовиться к спуску в канализацию. Момент с неизвестным мутантом

²⁶ «Печенег» – единый ручной пулемет нового поколения.

²⁷ Имеется в виду светозвуковую гранату «Заря-2». Предназначена для оказания светозвукового воздействия.

сильно смущал: кто бы он ни был, шансы прижмуриться были довольно существенные. Но соваться в мешанину из аномалий и в полностью простреливаемое пространство внутреннего двора заводууправления тоже резона не было. Вот теперь-то и пригодится штурмовая экипировка, добытая с таким трудом. СКАД-10 – вполне подходящий прикид для подобных операций. Перед выходом в первый рейд я походил в нем и опробовал. Для дальних путешествий данный БЗК подходил мало: слишком уж тяжел и мембраны динамиков на шлеме могут выйти из строя в условиях повышенной влажности. Но для коротких штурмовых операций это самое оно: усиленная бронезащита по классу V, доработанный цифровой ноктовизор, продвинутая система вентиляции, антибликовое покрытие лицевого щитка и возможность подключения стрелкового комплекса нового поколения. Последняя примочка была без надобности, тем более что запись боя я вести не собирался и соответствующих прибуд для подключения тоже не имел.

Облачиться в комбез было делом десяти минут. Взял стандартный б/к и две гранаты, помимо «зорок», плюс всякие полезные мелочи, как обычно. Проверил связь и еще раз предупредил лейтенанта, чтобы по моему сигналу выдвигал отбойную группу к складу, где прижали Слона и его людей. Оставалось двадцать минут. На сорок минут я не рассчитывал: вряд ли в рейд Слон припас столько патронов, чтобы отбиваться от подобных нападений. Поход за хабаром был рассчитан на то, чтобы в крайнем случае уйти, не ввязываясь в серьезную перестрелку. Если мне не удастся правильно разобраться со стрелками на галерее в течение десяти минут, считай, все зря – Слона и его людей можно смело списывать.

Сложив приклад автомата, чтобы сократить длину оружия для боя в узком пространстве тоннеля, и включив ноктовизор в пассивный режим, я начал осторожно пробираться по тоннелю теплотрассы, ведущей на северо-запад, к сборочному цеху, а точнее, на первый этаж, где располагались сервисные выходы в здание цеха. Наушники шлема исправно доносили до меня отдельные шумы боя на поверхности, а ноктовизор отображал все в довольно приятном для глаз сиреневом колере.

Первый труп я обнаружил метров через десять после того, как свернул в боковой штрек, ведущий в нужную мне сторону. Это был «вольняга» с разmozженной головой. Оружие и припасы отсутствовали: тот, кто это сделал, унес все с собой, основательно порывшись в карманах и тощем рюкзаке жертвы. Орудием убийства послужил кусок металлического профиля, запущенного в голову бедолаге с невероятной силой. Нападение было внезапным, жертва не успела ни разу выстрелить: гильз не было, следов рикошета от пуль тоже. Труп был месячной давности, поэтому была надежда, что неизвестное существо меня пропустит или уже давно ушло отсюда.

Вторая находка обнаружилась еще через пятьдесят метров: трупов было два, причем более свежих – недельной давности. Они пришли с противоположной стороны тоннеля и были убиты одним метровым обрезком арматуры. Некто пропустил их вперед и с невероятной силой запустил штырь как копье. Импровизированное копье обоим пробило головы, люди умерли мгновенно. Не спасли их даже легкие полимерные шлемы – прошило насквозь. Судя по нашивкам, старатели принадлежали к сообществу клана наемников. Они были неплохо вооружены: я заметил натовские разгрузки, добротные БЗК, рейдовая оснастка которых позволяла долго действовать автономно, без ущерба для мобильности. Некто выпотрошил их рюкзаки, забрав практически все, кроме б/к и фляг с водой. Странно, что патроны не взял... Не уверен, что убийца хотел трофеями воспользоваться, на мародерство тоже мало походило. Потом я обнаружил следы крови и на стенах росчерки рикошетов. Видимо, это была та попытка, о которой мне говорил лейтенант: сунулись, потеряли как минимум двоих, отошли к «блоку» и больше сюда не совались. Все не легли, потому что нашли трупы наемников и были настороже. Но поле боя все равно осталось за противником.

Сзади послышался шорох. Я мгновенно присел и крутанулся назад, полоснув короткой очередью на звук. Новый «тихарь» оказался выше всяких похвал: звук выстрела полностью сливался с клацаньем затвора автомата. Вспышка в свете ноктовизора была еле различима, значит, для невооруженного глаза будет практически незаметна.

Противник прятался у меня за спиной – видимо, в проломленной трубе теплотрассы, действовал по уже отработанной схеме: пропустив меня вперед, стал выжидать удобного момента для нападения. Но кусок трубы с зазубренными краями, который он выбрал по случаю (голову просто бы отделило от туловища – армированная манжета СКАДа на такое не рассчитана), был чуть присыпан щебнем, что и спасло мне жизнь. Две бронебойные пули одна за другой попали существу в голову.

Это был мутант метрового роста, кряжистый, с короткими ручками и практически без шеи. По описанию больше всего походил на существо, которое местные зовут домовый. Эти невысокие гуманоиды живут только в подземных коммуникациях, группами по две-три особи, обладая манией стаскивать наиболее понравившиеся им предметы в гнездо. Агрессивные, но удивительно трусливые создания, домовые обладают мощными паранормальными способностями. Используя в качестве оружия нападения телекинез, могут кидать предметы, в десятки раз превышающие их вес, на довольно большие расстояния. Но промзона – это слишком близко к людям. Что заставило этих существ прийти сюда, непонятно. Времени на зачистку логова мутантов не оставалось, поэтому, пожертвовав одной РГО и сплетя растяжку таким образом, чтобы обойти ее было невозможно, двинулся дальше.

Прошло двадцать минут из отпущенного мне срока, когда я выбрался на поверхность в прямоугольной подсобке сборочного цеха, узкой и основательно захлавленной. На люк была выставлена растяжка – видимо, это сделали те двое наемников, трупы которых я обнаружил в тоннеле. Снять ее и бросить запал в колодец было делом трех секунд. Снимать гостинцы на три такта учишься довольно быстро, если на кону жизнь и здоровье.

Ноктовизор я не выключал, просто сменил режим интенсивности, позволяющий видеть в сумерках без распадаения картинки на цветовые фрагменты. В цеху было довольно темно. На галерею можно было пройти сквозь захлавленное помещение цеха, но это было слишком очевидно. И скорее всего путь заминирован. Я заметил лестницу, ведущую к навесной ажурной галерее, тянувшейся вдоль верхней трети помещения цеха и ведущей в «скворечник» когда-то застекленного кабинета главного инженера. В самом кабинете никого не было, но вот на галерее справа примостился снайпер в знакомой мне броне наемников с пятнами искажающего камуфляжа типа «город». Парень расположился с комфортом, примостившись на тарном ящичке, разложил на подоконнике дополнительный б/к и всякую снедь. Сейчас он закусывал, жевал хлеб и прихлебывал нечто из металлической кружки. Запахов из-под щитка было не уловить, но вряд ли это было что-то с градусом.

Я мог снять этого гаврика уже с того места, где стоял. Тихо разложив приклад «ковруши», стал выцеливать голову стрелка. Вдруг его голова дернулась, и он, выронив еду, опрокинулся и скатился с ящика на пол. Норд, его работа. То, что снайпер замолчал, поймут очень быстро. Поэтому, не мешкая ни секунды, я закинул автомат за спину и, расстегнув кобуру с АПБ (автомат вскинуть не успею, но пистоль достану – к гадалке не ходи), начал разматывать трос с кошкой на конце. Накинул кошку на двутавровую балку, идущую через весь цех и служившую раньше средством транспортировки громоздких узлов двигателей, которые тут собирали. Затем подтянулся и, оттолкнувшись от опорной несущей стены, перепрыгнул на третью ступеньку металлической лестницы, ведущей к «скворечнику». В десять шагов я преодолел расстояние до мертвеца. Пуля точно вошла в левый глаз и вынесла кусок затылочной кости и мозгов величиной с чайное блюдце. Все-таки «моська» еще очень даже ничего, если правильно доработать. Послышался запрос по радиации, торчавшей из кармашка на левом плече разгрузки покойника. Некто вызывал, прося пошарить в правофланговом секторе на предмет проверки, не засел ли там снайпер «альфовцев». Значит, скоро придут проверить.

В гости следовало ожидать одного-двух человек, учитывая, что снимать больше людей при ограниченном составе группы просто опасно. Проверив, не будет ли видно мое существенно увеличенное комбезом тело из-за угла «скворечника», взял автомат на уровень шеи, стволом вверх, и стал дожидаться гостей. Тут следует отметить, что часто новичка

могут почувствовать именно в момент ожидания в засаде. Неопытный человек ЖДЕТ, концентрируя внимание на самом моменте: «Вот сейчас противник появится, вот сейчас он придет». В подобных ситуациях «громко» думать тоже очень вредно для здоровья. Я же просто растворился в окружающей обстановке: нервы, тикающий таймер, возможное опоздание по срокам – все это ушло, уступив место пустоте и отрешенности. Противника я почувствовал еще загодя: это был один человек, который осторожно двигался по коридору в полуприседе. Удар прикладом настиг «проверяющего» в тот момент, когда он утиным шагом миновал мой темный угол, сосредоточившись на трупe своего товарища. Шлема у бедолаги не было, поэтому с ударом я чуть переборщил, но клиент остался жив и скоро очухается. Стреножив его, как связывают баранов, и подрезав правую ягодичную мышцу, чтобы быстро не бегал, я двинулся к цели своего путешествия на галерею, где, по моим прикидкам, остались еще четверо.

Проход между цехом и галереей был проделан вручную: некто проломил стену, сделав достаточно широкий проем. Я дождался, когда наемники снова открыли огонь, и прыгнул на пол небольшого квадратного помещения, из которого наверх к собственно галере вел один пролет деревянной лестницы, явно принесенной откуда-то еще. Было у меня одно полезное приспособление – хромированная деталь от какого-то агрегата, подобранная в Могильнике (похожа на зеркальце, только чуть искажает перспективу). Комната, куда я попал, была предназначена для неких хозяйственных нужд. Уровень пола, по сравнению с галереей, был почти в метр. Устроившись справа в углу и выставив зеркальце в проем прохода галереи, я изучил позиции стрелков. Наемники располагались через каждые три метра в выложенных из кирпича и мешков с песком стрелковых ячейках, перекрывая части секторов друг друга, что создавало непреодолимое препятствие для штурмующих. Галерея давала прекрасный обзор внутреннего двора с десятиметровой высоты, исключая возможность скрытного выдвижения штурмующих на расстояние эффективного огня из автомата или броска гранаты, даже из подствольника попасть будет трудно – граната рванет снаружи, застрянет в плетении металлоконструкций перекрытия галереи. Оружие это не очень точное. Есть, конечно, способ, но для этого нужен человек с СВУ, а ему на выстрел подойти не дадут. Позиция – супер, но ошибку наемники все же допустили: канализационный тоннель нужно было подорвать, а не мутить растяжки. Нет непреодолимых минных полей – это давно известно.

Я закинул сначала «зарю», следом пошла РГО. Нападения противник не ожидал, но мог иметь средства защиты от нелетальных видов вооружения, поэтому страховка была не лишней. Получилось не слишком громко – стены взяли на себя основной звуковой удар. Перекинув переводчик огня «ковруши» на огонь свободной очередью, я встал в полный рост и поднялся по ступенькам на галерею. У группы Слона почти не оставалось времени: в общей сложности я возился уже целых двадцать семь минут. Все наемники были мертвы: разрыв оборонительной гранаты вкупе с эффектом ослепления и дезориентации, вызванным светозвуковой гранатой, не позволил им верно оценить ситуацию. «Дикие гуси» замечались в панике и легли почти мгновенно. Проверив каждого выстрелом в голову, вышел на связь со Слоном. Он сразу ответил.

– Держись, земля, почти сняли мы твою проблему. Дай мне еще пяток-другой минут, сможешь?

Заливистые очереди пулемета и амеровских трещоток становились все сильнее. «Калашки» отвечали все реже. Голос Слона был тих и спокоен:

- Держусь. Обходят справа, скоро выйдут на бросок, тогда хана. Помни, что обещал.
- Я скоро, брат, держись.

Вызвал Норда, латыш отозвался не сразу, видимо, говорил с кем-то из «альфовцев». Мой напарник пользовался среди снайперов отряда заслуженным уважением и всегда делился опытом, если кто просил.

– Как общая обстановка, Юрис? Видишь тех, кто Слона обошел? Ориентир – наблюдательная вышка справа десять. От твоей позиции семь.

– Дождь идет, командир. Не могу гарантировать попадание.
– Меняй позицию, будь готов по моему сигналу перебраться на галерею, я почти закончил, сейчас пришло гонца.
– Добро. Связи – отбой.

«Послать гонца» я обещал не зря – стреноженный наемник будет идеальным проводником через минное поле. Размышляя над выгодами данной позиции на галерее, я понял смысл появления здесь этой группы наемников. Их основной узел обороны располагался на юго-западе промзоны, недалеко от железнодорожной развязки, где скопилось много брошенных составов и была масса сервисных тоннелей и подземных коммуникаций. Простреливать все по секторам наемники могли лишь частично, путей обхода для небольших групп старателей хватало. А вот галерея и цеха – узкое место, где можно спокойно поджидать идущих с Янтая и с окрестностей Припяти, где россыпи артефактов попадались гораздо чаще. Сектанты, конечно, прореживали ряды желающих «поднять реальный хабар», но это был допустимый фактор риска, на который многие соглашались почти не раздумывая. А тут некие серьезные ребята перекрыли единственный нормальный проход к рынку сбыта и нормальной стоянке. Все вынуждены будут платить...

Возвращаясь к мотивации пленника, следует сказать, что желание жить у таких людей особенно обострено: рискующий за деньги человек уже пошел на сделку с совестью и, кроме собственной шкуры, его мало что беспокоит. «Альфовцы», конечно попинают-попинают, а после отработки могут отпустить. Другое дело – «вольняги» или военные, отстреливающие наемников с особым остервенением. Я решил дать пленнику шанс пожить еще часа два, ровно столько ему оставалось, учитывая способ, которым он был связан. В позвоночнике и поясничном отделе уже возникли необратимые процессы, ведущие к параличу нижних конечностей и смерти в течение двух часов плюс-минус минут двадцать. Но он об этом знать не мог: внешне способ выглядит совершенно обычно, есть только пара малозаметных нюансов.

Развязав пленнику ноги, я обрисовал ему ситуацию: если он побежит (очень быстро бежит) к посту «Альфы» и проведет отбойную команду через свои минные порядки, то гарантированно будет жить. Если нет, я живьем сниму с него кожу, причем очень интересным способом, начальную фазу которого я быстро показал на трупе его бывшего подельника. «Дикий гусь» быстро согласился, выразив искреннее желание к сотрудничеству.

Потом мы спустились вниз, и он, прихрамывая и прижимая рукой рану на заднице, побрел замысловатым зигзагом к позициям «альфовцев». Я вызвал Юриса:

– Видишь гонца?
– Да, командир. Я запомню, как он идет. Пристрелить его потом?
– Нет, я ему «барана» показал, сам скоро сдохнет. Скажи лейтенанту, пусть рысью собирает отбойщиков. Осталось пять минут.
– Сделаю, командир. Отбой связи.

... Группа выдвинулась к моей позиции. Но времени почти не оставалось, я пошел вперед, благо проход на территорию грузового терминала был только один. С левой стороны, почти у самого входа, лежал на боку старый контейнер, внутренности которого были припорошены палой листвой и всяким мусором. Угол кирпичной арки прикрывал меня с правой стороны, и если кто-то сидит на вышке, что была обозначена на плане, то засекут меня, только если я высунусь, не подумав. Между зданием заводоуправления и аркой был узкий проход, заканчивающийся глухой стеной высотой метров шесть. Времени совсем не осталось, но если я умру, тогда уж точно никому помочь не смогу. Еще пять минут ушло на преодоление стены и выход в мертвую зону обзорной вышки.

Маневр оказался правильным: как я и предполагал, снайпер сидел на вышке и периодически сек фишку в направлении входа под галереей. Но основной задачей у него было прикрывать двух автоматчиков, что готовились к рывку в сторону полуразрушенного и уже начавшего гореть склада. Крыши у последнего убежища группы Слона уже не было, левый дальний угол весело горел. Автоматчики держали левый фланг, штурм со стороны

вышки был обречен на успех: из-за рухнувших ворот кто-то изредка постреливал из пистолета. Но снайпер не давал стрелку свободы маневра, постоянно пресекая попытки сменить позицию и увидеть готовящихся к рывку штурмовиков.

Мешкать я не стал: штурмовикам прилетела «зорька», больше, чтобы отвлечь, нежели помешать, — толку от нее почти нету на открытом пространстве, да еще и днем. Ну а снайперу достались в корпус две или три пули. Винтовку он выронил, ствол звонко ударился о растрескавшийся асфальт внизу. Штурмовики выдали по две залиvistые очереди из своих «трехсоток», одного все же ослепило чуток, парень часто моргал и тер глаза сквозь черную матерчатую маску. Второй вычислил направление броска, но выстрелить уже не успел: я запяtnал его «тройкой» в грудь и голову. Ослепшего я добивал уже на ходу, как вдруг два ощутимых толчка в область пресса отбросили меня на два шага назад. На ногах я удержался, но ощущения были ниже среднего. ПНВ я выключил еще на галерее, перед зачисткой, но щиток не поднимал, поэтому и проворонил третьего снайпера, сидевшего слишком далеко, в районе второго терминала, на северо-западе промзоны. Выручил добротный броник и частично артефакт, потому как по ощущениям боеприпас был целевой. Перекатом я ушел из его сектора под прикрытие здания, когда в меня пошли еще две пули от защитника склада с пистолетом. Тьфу ты, пропасть! Врываться в склад нельзя: автоматчик просто перенесет огонь на меня, и вряд ли артефакт или новомодная броня уберет меня от тяжелой автоматной пули калибра 7,62 мм.

Спрятавшись за углом, я вызвал Слона. Ответа не было. Да и работал только один АКМ. Опоздал!.. Заскакиваю в дверной проем и бью прикладом в живот растерявшегося чудика в оранжевом ОЗК «Эколог». Тот, выронив пистолет, падает на колени и наверняка воет, хотя за стеклом шлема не слышно. Рывком поднимаю щиток с лица и, укpывшись за каким-то железным ящиком, ору на весь склад;

— Сло-о-о-он! Это я, Антон. Не стреляй!..

Сквозь дым и блики пожарища ко мне, ковыляя, приближается высокий мужик в потрепанном старательском комбезе без нашивок. На груди комбез распахнут, его распирает пропитанный кровью индивидуальный пакет, пуля не прошла навывлет, но легкое явно не задето, иначе ходить мужик уже не смог бы. Желтые грязные волосы, русая борода, открытое и простое лицо с ястребиным профилем, задубевшее, прокопченное. И пронзительные серые глаза под кустистыми бровями.

— Пришел все-таки. А кавалерия где? — сказал Слон и рухнул на пол.

— Идут уже.

Я оттащил раненого в угол, где он сидел до этого, и прислонил его к стене. Даже раненый, старатель выбрал удачную позицию, откуда просматривалась дверь на склад. Причина, по которой он не выстрелил, была очевидна: патронов в рожке АКМ было всего три. Видимо, он хотел подпустить меня поближе. Слон снова открыл глаза:

— Зацепило меня. Снайпер. Сука... Андрон! Сюда иди, подмога пришла. — Это он позвал кого-то в глубине склада, где перестрелка почти стихла. Скорее всего, противник перегруппировывался, чтобы начать новую атаку.

С верхнего штабеля уставленных уступом ящиков, заполнявших склад, спрыгнул парень лет двадцати пяти. У него был такой же АКМ, как и у Слона, но разгрузка и комбез были натовские, добротные. А торс прикрывал броник с «фартуком». Шлем-«сфера» в камуфляжном матерчатом чехле, чуть сдвинут на затылок, открывая такие же, как и у Слона, соломенные, коротко стриженные волосы.

— Это мой сын, Андрон. Да не смущайся ты! — цыкнул он на парня. — Рано я женился... как паспорт получил... — Слова давались раненому с трудом, сказывалась большая кровопотеря. — Скоро подмога подойдет или опять самим биться?

— Узнаем сейчас. — Я вызвал Юриса: — Норд, где отбойщики? Справа все чисто, но ненадолго. Скоро снова начнут обходить. Давайте быстрее.

— Уже близко, командир. Оставь нам пару тушканчиков. Через десять минут подойдем.

— Там «кукушка» слева двадцать, ориентир — вышка. Меткий, гад. Пошли ему

открытку. Как ствол, нормально пристрелял?

– Хорошая машинка, командир. Вижу твоего обидчика... Ну держитесь там, засветка по координатам есть. Ждите. Идем.

– Вот видишь, а ты говоришь: «Сами».

Андрон просветил по поводу общей обстановки. Против нас воевали две группы общей численностью до пятнадцати стволов. Пять снайперов, один пулеметчик, остальные кто с чем, но народ битый. Сначала пасли на Янтаре, но Слон почуял слежку и увел группу в отрыв. Тут-то и подоспел «комитет по встрече», но Слон снова увел сына и троих мутных чудиков, пришедших из-за «колючки» за каким-то лядом в Зону, прямо из-под носа у засады. Ученые посулили нехилые деньги, да и тот, кого я боднул прикладом, обещал помочь Слону с лечением больной матери, оставшейся в Братске.

– Пришли сюда, – рассказывал парень неторопливо, во многом копируя манеру отца. – Потом засели. Одного из чудиков сразу цепануло в ногу, на себе тащил. Второй поймал пулю уже здесь, в плечо. Зарастет. Вон, слева, на верхотуре сидит, притих чего-то. Этот вот. – Андрон показал стволом автомата на поднявшегося с пола и подошедшего к нам чудика в оранжевом комбезе. – Везучий оказался, только от тебя и схлопотал. Не боец, конечно. Но везучий.

– Ладно, пошли наверх, сейчас снова полезут. А ты, – я обратился к ученому, – сиди возле раненого, смотри в оба. Чуть чего, сразу стреляй. Если не крикнут, что от Норда пришли. Понял все или как?

Чудик поднял руку в знак того, что все, мол, ясно и уселся рядом с полулежавшим у стены Слоном. Поднявшись по ящикам, мы присели у дыр, служивших амбразурами. Обстановка была не ахти: правый фланг перекрывали вагоны составов, местами перевернутые и раскуроченные, по левому флангу заводские строения, высотой метров двадцать, тянулись почти на километр в сторону Янтара. Что тут было раньше, даже не припомню. Но вести огонь и менять позиции было откуда. По фронту была основная база наемников, которые облюбовали какое-то недостроенное здание, торчавшее скелетом бетонных конструкций, между которыми можно было поставить хоть безоткатное орудие. Всего опасных направлений было пять, и вот с них-то нас и будут давить. Со штурмовиками можно еще поспорить, но не с пулеметом, чья позиция была именно по центру, между двух бетонных блоков, примерно на трехметровой высоте, чуть дальше, чем на полные четыреста метров. Кисло. Прижмут огнем и закидают гранатами. Сзади слышались два пистолетных выстрела. Я обернулся и увидел, как в проеме исчезла фигура с автоматом. Норд молчал, значит, это была вторая партия штурмовиков.

– Иди вниз, Андрон, я тут побуду. Помоги профессору и отцу. Будем отбиваться. Где третий пассажир?

Третий ученый был мертв: два пулевых отверстия в шлеме, и оба навывлет. Видимо, в горячке боя никто не обратил на это внимания. На ногах остались только два с половиной бойца. Везение нашего бойкого ученого могло очень быстро ему изменить. Внезапно я услышал тонкое, на грани слышимости, шипение... Я быстро скатился вниз, все же успев крикнуть: «Ложись!». Два взрыва ухнули под крышей склада один за другим. Нас обстреляли из гранатомета. Выстрелы были рассчитаны на поражение «брони», поэтому осколков было не много. Но северная стена рассыпалась, а нас закидало обломками. Дальнейшее напоминало набор отдельных кадров: вот в проем лезут сразу трое наемников – я успеваю положить одного, а потом в спину меня как будто кто-то ударяет кувалдой. Выронив автомат, я падаю ничком. Рефлексы спасают – успеваю выхватить АПБ и, перекатившись, всаживаю две пули в стоящего на верхнем ярусе штабеля наемника в боевом экзоскелете. Расстояние менее десяти метров, но пули с визгом рикошетируют... Помогает Андрон, и наемник валится вниз, получив очередь из АКМ...

Откатываюсь вправо и нащупываю свой автомат. Снова взрыв, но уже с тыла: подошла отбойная команда. Расклад меняется, наемники дрогнули и отступают, но это не паническое бегство, сказывается опыт: они, грамотно прикрывая друг друга, отходят в сторону своей

базы, под прикрытие пулемета.

Встаю и, поднявшись на второй ярус штабеля, выцеливаю сначала одного, потом еще двоих отступающих. Через мгновение меня трясет за плечо Норд. Бой закончился. Отбойщики не преследовали наемников. Наш «везунчик» был жив, словив только пулю в правое плечо и осколок наступательной гранаты в бедро. Слон был весь белый от кровопотери, на лице его уже проступила предсмертная желтизна. Может, и не выживет... Писец снова показал мне свой лик, смерть опять прошла рядом. Мне вспомнилась присказка: «Поле битвы осталось за нами, но веселых песен никто из нас не пел».

Дай бог, чтобы Слон и этот везучий пассажир выжили. Я подхватил автомат, опустил щиток шлема. Нужно было быстро убираться отсюда. Когда мы проходили под аркой галереи, там уже копошились «альфовцы» с «блока», устанавливая сосредоточенные заряды. Сложный участок решили убрать.

Теперь нужно было спасать тех, кого еще можно было спасти: «везунчика» ранило не опасно. «Пятерка» проделала в его плече аккуратную дырку, а коллаген, вброшенный медблоком ОЗК, заблокировал рану и не дал ему истечь кровью. Со Слоном было труднее: его самодельный комбез напоминал решето, был изодран осколками и, кроме ранения в грудь, имелось еще два проникающих осколочных в правую ногу и нижнюю треть брюшины. Да и крови он потерял много, шансы на выживание были минимальны.

«Альфа» не принимал в свой госпиталь всех подряд, лечили только своих или особо тяжелых из гражданских. Если это понятие применимо к увешанным оружием мужикам, шляющимся по радиоактивному клочку земли и истребляющим друг друга разными интересными способами. В нашем случае ученым заинтересовался особый отдел группировки, а Слон, уже сильно напоминавший покойника, перешел в категорию «тяжелых» и поэтому почти сразу отъехал в «разделочную». Судя по тому, что я видел, на базе был развернут мобильный госпиталь на три операционных и двадцать мест стационара. Возможно, старателя еще можно будет спасти.

К КПП вышло двое – Василь и Светлана. Первый, едва кивнув нам с Юрисом, сразу же увел сына Слона с собой, а девушка подошла к нам и, тревожно всматриваясь мне в лицо, завела разговор:

– Здравствуйте, Антон. Вы опять там, где стрельба. Не ранены, помощь не нужна?

– И вам здоровья желаю. Нет, благодарю, со мной и напарником все нормально. Единственная просьба: проследите, чтобы раненый старатель получил хороший уход, если выживет.

По лицу девушки пробежала тень беспокойства, затем она снова взглянула мне в глаза, кивнула и заторопилась в госпиталь.

Юрис посмотрел ей вслед и вопросительно глянул на меня. Отрицательно мотнув головой на его немой вопрос: «У тебя что-то с ней было?» – я махнул рукой в сторону нашей башни и отправился в подвал – принять душ и немного передохнуть после напряженного утра.

Оружие я почистил и осмотрел сразу по прибытии. А вот починку комбеза оставил на более поздний час. БЗК отлично выдержал испытание, остановив три пули. Одну «семерку», ощутимо скользнувшую по правому наплечнику, можно считать за полноценное попадание: если бы не конструкция накладки, пуля пробила бы мне плечо и раздробила кость. Наплечник был деформирован, но движений не стеснял, заменить или выправить – решим позже. Гораздо серьезнее все выглядело со спины: я поймал две амеровские ТУСки²⁸ – «пятерки» в район верхнего отдела позвоночника и под левую лопатку. Словил я их с близкого расстояния, поэтому получилось некрасиво: верхняя и средняя пластины и кевларовая проложка комбеза были подпорчены основательно. Пластины чуть вогнулись внутрь, мешая нормальным движениям, если нужно согнуться-разогнуться, а кевлар просто

²⁸ ТУС – пули с термоупрочненным сердечником.

топорщился. Но задачу свою комбез выполнил, и идти в нем на очередной пробег было можно. Теперь еще мастера нужно искать...

Вода бежала со средним напором, но была горячей, как никогда, – к низенькому, крашенному в зеленый цвет неровному потолку поднимались клубы пара. В такие моменты возникает странное чувство опустошенности, потому что все, что мог, ты уже сделал и теперь за работу берется время. Кому положено умереть, тот умрет. А кто вылезет из холодной тьмы небытия обратно в этот мир, откроет глаза и... Как я и говорил раньше, нужно благодарить судьбу за то, что имеешь. Если остался жив и ничего не оторвало, а тушка попорчена не шибко критично для продолжения прежних занятий – жить можно. Некоторых давит страх оказаться в подобной переделке снова, и они начинают заливать его всем, что горит. Не выход, но понимаю таких. Стержень хрустнул, надломился... А кто-то, вот как я, к примеру, просто идет в душ, а потом засыпает без сновидений в гамаке, подвешенном на глубине десяти метров меж двух толстых подвальных стен.

Проснулся я через два часа оттого, что почувствовал, как кто-то спускается по лестнице. Норд, увидев, что разбудил, остановился на полпути.

– Там давешний паренек из бара, не помню, как зовут его. Просит встречи. Пустить?

– Пусти, конечно. Только води в подсобку – нефиг ему осматриваться в чужом доме. Послушаем, чего от нас хочет тот, кто его прислал.

Латыш кивнул и снова поднялся наверх. Приведя себя в порядок, я отправился следом. Визит «посланца богов», как пить дать, был обусловлен появившейся у меня в узких кругах репутацией. Чего от меня хотят на этот раз, предположить было нетрудно: профиль работ тут узкий, следовательно, кто-то кому-то мешает жить. А может, снова потерялся кто...

Парень был в том же прикиде, только на этот раз патлатую башку венчала шапка-душегубка, вывернутая в причудливую конструкцию, напоминающую печную трубу. Смотрелось это забавно, учитывая и без того далеко не средний рост тинейджера и его природную худобу. Парень стоял у стены, кивая в такт музыке, лившейся ему прямо в мозги из двух каплевидных наушников, наглухо забитых в его скрытые «клоконами» уши. Увидев меня, Бунтарь кивнул, изобразив приветственный жест чуть приподнятой правой рукой и вынул наушники из ушей.

– Хай! – сказал он. – Там, в баре, человек от алхимиков хочет тебя видеть. Это срочно. Пойдем, я провожу, в задние комнаты посетителей не пускают, без меня тебе... – Парень оценивающе посмотрел на меня. – Короче, чтобы приват был полный, лучше со мной пошли. Идешь?

Обычно таким способом зазывают в засаду, чтобы без проблем и на своей территории разобраться с неугодным человеком. А может, и правда хотят поговорить? Чуйка молчала, поэтому я кивнул:

– На улице подожди, через пять минут выйду. Тебя звать-то как?

– А я сам прихожу. Ладно, у входа буду. Душно тут у вас. – Бунтарь двинулся к выходу, неожиданно мягко притворил за собой тяжелую створку ворот.

Юрис вопросительно глянул на меня:

– Ты снова становишься знаменит, командир. Я слышал, что алхимики – серьезный и закрытый клан. Прячут свои лица, с болот не вылазят, торгуют только через посредников. Пару раз «січевые» и наемники вместе с бандитами пытались их подмять, но ничего у них не вышло. Назад мало кто вернулся, в баре рассказывают всякие нелепицы про ручные аномалии и натасканных на людей химер. «Вільна Січ» до сих пор трансмуты через третьи руки закупает, а бандиты с наемниками вообще на болота не суются. Что им от тебя понадобилось, а?

– Сходим да узнаем. Засады не чую, может, и впрямь нужно чего. Только что с нас возьмешь, Юрис? Скорее всего, работа по специальности.

– Один пойдешь?

– Нет, конечно. Как выйду, не упускай меня из вида. Жди где-нибудь неподалеку. В бар не ходи – если засада, постараются заблокировать, там это проще. Вынь потом бармена на

разговор, если сам не выберусь. Лады?

– Все понял.

– Тогда пошли собираться.

– Один вопрос, командир. Можно?

– Валяй.

– Чего это бабы к тебе в очередь становятся? Вроде и внешность у тебя не так чтобы очень, да и обращенье – мое почтение. А вот уже и тут какую-то нашел, даже завидно.

Ну что на это скажешь? Сколько себя помню, все, начиная с соседки по парте в школе и заканчивая бывшей женой, старались ко мне прислониться в поисках поддержки. Далее все было так: в школе меня захватывал спорт, после сдачи нормативов на КМС²⁹ по боксу пошли соревнования на областном уровне, и девушки сильно на меня обижались за невнимание. Бокс, рукопашный бой, пулевая стрельба и спортивное ориентирование в местном отделении ДОСААФ³⁰ забирали все свободное время. Девчонкам, конечно, это было не по душе: женщины же собственники, каких поискать. Поэтому прочные отношения ни с кем не складывались. Долше всех продержалась жена, но конкуренции с трудными бытовыми условиями и моей службой не выдержала и она. А вот ни к чему не обязывающие интрижки – это да, сколько угодно.

Женщины обычно ко мне тянулись. Ну, само собой, были всякие переживания, драки у подъездов очередной «единственной и неповторимой» с группами поклонников и с отдельными, отвергнутыми ради меня менее удачливыми соперниками. Только все это проходило как бы стороной; главным для меня было увлечение всем, что касалось боя, всем, что позволяло довести ум и тело до предела их возможностей в желании переиграть, победить противника. Любого. Всегда и везде.

Так что ловеласом меня назвать сложно. Скорее подходит слово фанат, или трудоголик, но это касается службы и увлечения спортом. Правда, позже пришло понимание, что спорт – это нечто вроде трамплина. Несмотря на серьезный накал страстей, спортивная борьба все-таки немного не то: удар фиксируется, любые травмы, как правило, случайны. Армия дала мне больше всего в плане науки побеждать. Спорт уступил место настоящему бою за жизнь, где самые высокие ставки. Что тут поделаешь: сложилось как сложилось...

– Что тебе ответить, старик, это талант такой. С этим надо родиться, а на развитие уходят долгие годы. Вот постареешь – поймешь.

– Да ну тебя! Я же серьезно спросил. Помнишь ту инструкторшу-психологиню, что учила нас методикам сопротивления допросу? Так весь взвод был уверен, что у вас с ней вообще дело до свадьбы дойдет...

– Юрис, я уже был женат...

– Ну так вроде с Ириной у вас не сложилось?...

– Это она ушла. Что я, на цепь должен был ее сажать, когда к таджикам пошли? Ушла. Ей сейчас лучше, чем было со мной. Мы оба совершили ошибку, но теперь я больше так не сделаю – баста. Хорошо уже о постороннем. По плану все понятно?

– Да. – Латыш сразу стал собранным и спокойным, пацанство отступило, как это всегда бывает.

Эмиссар алхимиков назначил встречу в «Приюте старателя», но не в первом общем зале, а в задних комнатах, куда посторонним хода нет. Явиться предлагалось без оружия и только одному. Гарантацией опять же была репутация алхимиков. Этот клан, как уже говорилось, поставлял местным группировкам трансмуты. То есть артефакты, полученные путем смешивания в агрессивных средах, обычных природных, или, как их зовут иначе,

²⁹ КМС – кандидат в мастера спорта, спортивный норматив.

³⁰ ДОСААФ – Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту. Военно-спортивная организация, ныне не существующая.

элементарных. Полученные гибриды были весьма различны по своим свойствам, чаще выгодно отличались от своих естественных сородичей, превосходя их по качеству.

Другое дело, что занятие это было очень опасным: до сих пор ходили слухи о «спирали». Эта аномалия возникла в ходе одного неудачного опыта алхимиков и получилась из обычной «карусели». Теперь это была дыра в земле метров пятьдесят в диаметре, где почва совершенно изменила свои свойства, превратившись в постоянно вращающуюся против часовой стрелки массу, засасывающую в себя все и всех, кто подходил на расстояние пятнадцати метров. Находилось это чудо всегда в одном и том же месте – на севере границы Ржавого леса и дачной пятикилометровой зоны, на окраине Мертвого города. Что хотели получить алхимики, так и осталось неизвестным. Сколько их там сгинуло, тем более никто не считал.

Точное местонахождение их штаб-квартиры тоже не было известно: товарообмен осуществлялся всегда на нейтральной территории и всегда в разных местах. Тех же, кто пытался устроить засаду на посредников или «внешних сотрудников», по терминологии самих же алхимиков, ждали санкции и медленная смерть. Получая барыши, сравнимые, наверное, только с бюджетом небольшой европейской страны, алхимики не стеснялись «заказать» обидчика, щедро оплачивая подобного рода контракты. Ходит много легенд про старателя по прозвищу Лич. Этот наемник после выполнения пары сложных заказов на устранение обидчиков клана ушел на покой и проживал на собственном острове в Тихом океане.

Я заранее знал содержание нашей беседы с «внешним сотрудником». Скорее всего, слава обо мне дошла и до этого закрытого сообщества. Наверняка предложат кого-нибудь пришить к сатину красными нитками. Но все портило неприятное ощущение, что приглашение было с секретом. Высококласного исполнителя можно ведь найти и среди своих, уже проверенных людей. А подробности моей биографии в Зоне должны подсказать алхимикам, что двойную игру я сразу распознаю. Но отказаться было бы еще более недальновидным поступком. Любое предложение от столь закрытого клана – это уже информация. Однозначно я больше узнаю, поговорив с посредником, нежели игнорируя встречу.

В бар я попал через задний ход, располагавшийся метрах в двадцати от самого строения. Бунтарь проводил меня только до внешнего поста охраны, кивнул главному охраннику Боре Лузге и, воткнув в уши свою «музыку» и качая в такт ритму головой, удалился. У заднего хода меня уже ждал один из охранников заведения, имени которого я не знал, но помнил парня в лицо как одного из личных телохранителей бармена. Оружия он не скрывал. Демонстративно держа свою пижонскую М4А2 стволом вверх у правого плеча, второй рукой указал мне на дверь. Охрана у местного барыги была не на высоте. Разоружить такого бравого вояку и удавить ремешком от его же собственного ружьишка – раз плюнуть, и даже не в полный рот. Поза охранника выглядела эффектно и угрожающе, но при нападении оставляла ему мало шансов успеть выстрелить первым и сманеврировать. Я прошел еще два пункта охраны, где сдал АПБ, предусмотрительно скрыв нож в клапане рукава (карман под такой способ ношения НР у меня был еще на службе, тут я тоже перешел клапан левого рукава комбеза в ручную, замаскировав продолговатость толстым швом). Его не обнаружили, даже просканировав портативным детектором, поэтому козырь на случай непредвиденных обстоятельств у меня оставался. Летом было бы сложнее, так что фактор везения присутствовал, но когда в Зоне наступает лето?...

Наконец меня ввели в помещение с низким потолком, без окон. Одиноко светила лампочка ватт на сто в гнущем жестяном абажуре на длинном проводе. У дальней стены стоял стол, за ним, нахохлившись, сидел человек в мешковатом дождевике с надвинутым на глаза капюшоном. Больше никого в комнате не было, напротив стола стоял табурет. Охранники остались за массивной стальной дверью. Повисло долгое, в минуту длиной, молчание, затем из-под капюшона раздался негромкий приятный барион:

– Добрый вечер, Тридцать девятый! Мы слышали о тебе от друзей и решили

познакомиться лично. Мы – алхимики. В моем лице ты имеешь дело с Советом хранителей. Мы приветствуем тебя как равного, тебе нечего здесь опасаться. У нас к тебе есть предложение и просьба. Готов ли ты выслушать?

– Да. – Я прошел к столу, взял табурет и поставил его таким образом, чтобы видеть все пространство комнаты и в случае угрозы использовать посредника как щит.

– Наши друзья были правы: ты тот, кто может помочь. – В голосе посредника послышались довольные интонации. – Чего хочешь ты, нам уже известно. Поэтому мы скажем, что беспокоит нас, а ты решишь, что попросить взамен. Это устроит тебя, Тридцать девятый, старший прапорщик Васильев Антон Константинович?

– Более чем. Я слушаю вас внимательно и рад оказанной мне чести. – Я вежливо наклонил голову, не отрывая взгляда от фигуры в плаще.

Издав еле слышный вздох, посредник чуть откинулся на стуле назад и продолжил:

– Мы знаем, что ты недавно искал человека на болотах и нашел не только то, за чем отправлялся. Это так?

– Все верно.

– То, что я расскажу тебе сейчас, должно остаться скрытым от всех. Даже твой друг с холодным взглядом змеи не должен знать всего.

– Неприемлемо. Я так понимаю, мне придется снова отправиться в путешествие. А к превратностям любого пути я привык готовиться сам и готовить тех, кто идет со мной.

– Но Павел ведь не знал, что ты используешь его как приманку. – Посредник поднял ладонь левой руки в пресекающем возражения жесте – Знаю. Это был враг, но если ты согласишься, компромисс неизбежен. Друзей придется оставить в неведении. Для их же блага.

– Хорошо, излагайте. Только я не скажу последнего слова, пока не обдумаю все детали. И свою ответную просьбу.

– Это справедливо, Тридцать девятый, мы согласны. Теперь слушай и смотри.

На столе, сантиметрах в десяти от поверхности столешницы, перед посредником повис бирюзового оттенка артефакт идеально круглой формы. Сначала он замерцал. Потом растворился в воздухе. Затем пространство в полуметре над столом сгустилось и в воздухе появилось нечто вроде облака правильной овальной формы.

– Не пугайся, это «клубок», он показывает любое место Зоны лучше ваших спутников и компьютеров. Смотри внимательно, Тридцать девятый, и запоминай.

Облако прояснилось, и я увидел тот самый участок болот, где был свидетелем сцены передачи денег группе Зана. Карта, а это была именно интерактивная карта, увидев которую любой изобретатель системы позиционирования сразу побежал бы разыскивать телефон дьявола с целью заложить свою бессмертную душу. Точность и разрешение были поразительными: посредник силой мысли (его руки – ладонями вниз – оставались недвижимы на краю стола) масштабировал изображение в реальном времени. Можно было увидеть каждую кочку, каждый примятый куст желтой травы.

– Здесь мы назначили встречу одному из наших покупателей. За него поручились уважаемые люди, и мы согласились продать новичкам то, что они просили. – Изображение дрогнуло и поплыло, смещаясь к северо-восточной части болот, то есть чуть в сторону от логова моих новых знакомых в лице Халида и его компании.

Дальнейший ход событий стал мне ясен: духи прикормили кого-то из местных «шустрил» от бизнеса средней руки, дали ему нажиться на нескольких выгодных, но не шибко крупных заказах. После этого предложили большой куш и серьезный процент со сделок в дальнейшем. Барыга решил рискнуть, не подозревая, что будет крайним в новой игре с хорошим русским названием: «кто виноват и что с ним делать». Но виду я пока не подавал, внимательно вслушиваясь в интонации посредника, выстраивая дальнейшую схему беседы. Алхимики были влиятельной группировкой, пожалуй, самой влиятельной в Зоне, и знали о ней больше всех аборигенов, исключая разве что мутантов.

– Но того, кто нес оговоренный товар, ждала засада. А два дня назад мы получили

предложение обменять нашего брата на некоторые предметы, которые не должны попасть в руки посторонних ни при каких условиях.

– Видеозапись была?

– Да. – В голосе посредника я уловил удивление. – Наш брат цел, но его сильно бьют и, если мы откажемся от обмена, бросят в «студень». Перед нами дилемма: или отдать похитителям то, чего они требуют, или пожертвовать братом.

– Покажите мне пленку, если можно.

– Смотри.

Изображение в овале, генерируемом «клубком», поменялось, и я увидел знакомую картину: завешенная ковром стена, хлипкий стул и сильно избитый... Это был не совсем человек. Лысая, без единого волоска голова, обезображенное горбом тщедушное тело. Неестественно вывернутые руки... Шестипалые кисти трехсуставчатых рук были свободно опущены вдоль тела и свисали до земляного пола. Черные, без белков глаза выделялись на круглом, абсолютно лишенном растительности лице. Алхимик был гол по пояс, от его странного, похожего на научный комбез костюма остались только лохмотья. Сохранились только штаны и необычной формы продолговатые полуботинки, напоминавшие обычные резиновые калоши.

Свет камеры был выставлен неровно, поэтому я различил тени оператора и двух охранников. Далее все было стандартно: голос за кадром на чистом русском языке объяснял, что нужно принести нечто в определенное место и оставить там, иначе заложнику конец. Подробности, касающиеся требуемого выкупа, кто-то подредактировал, поэтому, что конкретно хотели получить духи в обмен на алхимию, было неясно. Когда запись закончилась, я повернулся к посреднику, как бы предлагая ему сделать первый ход.

– Что ты посоветуешь нам сделать, Тридцать девятый?

– Прежде всего не наказывайте поручителя сверх меры – жадность, конечно, не красит человека. Но, думаю, он уже сам не раз пожалел об этой нехорошей черте своего характера.

– Этот человек получит свое. Но лишнего мы с него требовать не станем. Обещаю тебе.

– Нужно собрать необходимые для обмена предметы и установить с похитителями контакт с целью потянуть время. Отдать малую часть требуемого, если придется. Это даст еще некоторую фору. И попробовать отбить вашего собрата. Другого пути нет: даже получив требуемое, своего... сотрудника вам назад не вызволить. Его будут какое-то время пытаться, вымогать с вас все больше и больше, а затем все равно убьют. И этот захват не последний.

– Нас трудно найти.

– Поверьте, эти люди умеют искать. Так или иначе, ваше убежище обнаружат. И тогда вы все будете работать на этих похитителей или умрете. Другого выбора вам не предложат. Если оставите своего друга в руках этих людей – тоже проиграете.

Алхимик издал вздох сожаления: видимо, такой вариант прорабатывался как самый надежный, а отомстить местные кудесники хотели потом.

– Ты уже нашел их лагерь, Тридцать девятый?

– Только приблизительное место. Это скорее всего группа из пяти больших островов на северо-западе болот на Янтаре. Нужна доразведка местности и уточнение позиций секретов, узлов обороны, расписания патрулей. Их можно уничтожить. Это совершенно точный прогноз.

Мутант взял паузу. Думал и прикидывал шансы. С одной стороны, ему не хотелось всецело доверять случайному человеку. Пусть даже и с очень надежными рекомендациями. Видимо, мой друг Охотник приложил к этому свою когтистую руку. И скорее всего, даже не он, а Тихон Подорожник. Этот бродяга вполне мог быть полевым агентом алхимиков, бродя по округе, мониторя обстановку, собирая сведения.

Наконец посредник заговорил, голос его странно изменился: густой баритон распался на несколько тембровых оттенков, будто сразу говорило человека три. Но произносили они одни и те же слова:

– Мы слышали твои слова, Антон Васильев. В состоянии ли ты встретиться с нами

еще раз, через сутки, когда Совет примет консолидированное решение?

– Не вижу препятствий для новой встречи. Только прошу учесть, что у вас не более двадцати семи часов. Противник – опытные афганские моджахеды. Эти люди чуют подвох издалека. Вашего собрата убьют, а на остальных эмиссаров и посредников они будут охотиться. Через неделю они вскроют дислокацию вашей базы или части инфраструктуры и каналов поставок. Потом... Думайте сами. Но потом времени будет не много.

Голова в капюшоне кивнула. Посредник откинулся на спинку кресла, в котором сидел:

– Мы поняли тебя, Тридцать девятый. Хватит ли у тебя сил, чтобы вернуть то, что похищено, и покарать похитителей?

– Ничего невозможного в этом мире нет. Но наш главный враг – время. Для того, чтобы собрать группу, мне нужно найти людей, разработать план. И как минимум трое суток, чтобы выйти на исходные позиции.

– Завтра в это же время мы встретимся тут и продолжим беседу... Ты не обманул наших ожиданий, воин. Я рад, что наши дороги пересеклись, пусть даже при столь причудливом узоре линий вероятности. До завтра, Антон Васильев.

– Доброй ночи. Рад был познакомиться.

Выйдя тем же путем, что и вошел, я направился к башне. Темноту еле-еле освещали огни костров, там и сям разведенных старателями, у которых не было денег, чтобы укрываться в подземных убежищах постоянно. Тренькала гитара, люди негромко переговаривались между собой. Что могут сказать друг другу заглянувшие смерти в лицо? Как правило, ничего особенно важного: некоторые по пьяной лавочке хвастают своими подвигами, когда мнимыми, а когда и настоящими, некоторые просто как заведенные повторяют одни и те же слова, выпуская наружу накопившийся за время пережитого страх. Но всегда и все твердо помнят и уверены в одном: они выжили. Смерть на волосок промахнулась своею острой косой, пронеся ее чуть в стороне от их шеи, дав лишь почувствовать этот ледяной холодок на коже. Его чувствуешь, даже если кругом плавится асфальт и горит земля. Даже когда камни и сталь готовы расплавиться, и превратиться в реки, и растечься багряными ручейками, холод отсроченной смерти пробирает до самых пяток... Тогда каждый знает, что трусости нет. Жизнь победила, карты легли удачно, и никто не хочет заглядывать в завтра, чтобы там ни случилось. Даже следующие пять минут уже не имеют значения, когда так остро ощущается вкус и запах простой еды и даже воздух, пахнувший гарью, дерьмом и кровью, кажется сладким. И вот приходит ощущение, что ничего и никогда лучше этой минуты, этих отвоеванных у судьбы лишних мгновений жизни уже не будет никогда.

Все это было знакомо и испытано не раз. Наверное, поэтому так трудно было привыкнуть к размеренному ритму мирной жизни, к совершенно непонятным правилам повседневности. Все обычные проблемы и заботы людей кажутся надуманными и мелкими. Когда только месяц или год назад тебя от последней черты отделял только порыв внезапно налетевшего ветра, который помешал врагу взять точный прицел и отвел в сторону пулю, предназначенную тебе... Вот она летит, опаляет тебя горячим ветерком и впиивается в стену дома, обиженно и зло круша ни в чем не повинный кирпич. А бывает, что и заберет чью-то жизнь взамен твоей...

И не дай бог задуматься над тем, почему сегодня не твой день, час, минута и мгновение. Те, кто мучает себя подобными вопросами и представляет себе, что вот у врага тоже есть семья, дети и, может быть, он будущий гениальный композитор или врач, быстро пересекают черту, за которой начинается безумие, и хорошо, если приходит смерть. Потому что видеть, во что может превратить человека его же собственное воображение, даже хуже, чем собирать ошметки разнесенных прямым попаданием 152-миллиметрового снаряда товарищей.

Поэтому слышать плоские шутки, невнятное бормотание и тоскливый или, напротив, разухабистый вой под гитару, разнимать дерущихся из-за какой-то Люськи – это нормально. Жизнь берет свое. Именно так ведут себя живые люди, которых война опалила, но не

расплавил, а лишь закалывала, сделав сильнее. Жизнь в подобных условиях приучает человека к предельной ясности и простоте, когда нет места двусмысленностям, иносказаниям и компромиссам с совестью и обстоятельствами. Если приобретаешь врага, нет покоя, пока один из вас еще дышит, а если появляется друг, то это навсегда. И те и другие становятся частью души, постоянно проверяя, что ты из себя представляешь, чего стоишь, и это не измеряется деньгами.

Истина... Правда... Названий у этого ощущения осмысленности и ясности бытия, которое не покидает на войне практически никогда, наравне с усталостью, голодом, болью и страхом, очень много. И оно так быстро улетучивается в мирной жизни. Это и есть то маленькое звено, что удерживает людей вроде меня вдали от теплых квартир и сытого, размеренного существования.

Я не говорю, что такое состояние ясности возможно только в экстремальных условиях и только там, где стреляют и смерть ходит практически рядом и можно увидеть собственную гибель иногда по нескольку раз на дню. Нет, конечно. Просто каждый находит истину сам, а уж где она – решать дано самостоятельно, твердо идя до конца, не оглядываясь на всевозможные «а если бы тогда», «может, не стоило», «а что, если я был бы там»... Смерть настоящая ждет там, где начинаются сомнения. В них, как в паучьих сетях, буксует и бьется, умирает душа, а следом за нею приходит и северный зверь писец.

1.3

В башне меня снова ждал сюрприз: похоже, уже каждая собака знала, где можно найти скромного отставника Антона Васильева. По устоявшимся негласным правилам на втором этаже, ставшем чем-то вроде гостиной и приемной, за столом сидела Даша. Дочка Лесника уплетала из алюминиевой миски макароны с тушенкой, заедая это нехитрое, но питательное блюдо маринованными помидорами из открытой стеклянной банки. Девушка была в своем обычном наряде: легкий комбез разведчика (вроде моего, только перешитого явно под миниатюрную девичью фигурку), тактическая кобура на бедре. Неизменная вязаная шапочка теперь сиротливо лежала на углу стола. Увидев меня, Даша бросила вилку, вытерла губы салфеткой и стремительно оказалась рядом:

– Живой-ой! – И сразу потянулась ко мне.

Я не без удовольствия ответил на поцелуй, что продлилось еще целую вечность. Оторвавшись от меня, девушка вернулась за стол и продолжила трапезу с еще большим аппетитом. Потом отставила вычищенную до блеска тару и, прихлебывая кофе (сам я этот напиток не жалую, но Юрис, как большой поклонник, держит запас для себя), стала излагать свою одиссею:

– Здорово ты здесь устроился. Пока выпросила, кучу народа обошла. Только перед первым долганским «блоком» старичок какой-то подсказал, что ты в заброшенной водонапорной башне поселился. Сказал, что Тихон поклон шлет, сказал, что на остановке тебя ждать будет завтра в полдень. Станный он какой-то. Но безобидный совсем, «медузу» мне просто так подарил, сказал, что на память...

Вот старый пень! Но, видимо, действительно припекло, если встречи ищет. Нужно будет сходить, не думаю, что мутант стал бы искать со мной встречи только для приятного разговора. Пружина событий раскручивалась все быстрее. Это уже ощущалось почти физически: ветер времени дул со все более нарастающей силой.

– Какими судьбами сюда? Богдан, поди, ищет уже...

Девушка убийственно глянула на меня и отставила кружку в сторону.

– А я сама себе хозяйка. – Потом, чуть помедлив, добавила уже спокойнее: – Папка сейчас не может ездить – опять спину застудил, вот я и отправилась сюда за припасами. Ты не думай, я с караваном шла. А знакомец твой вечером на привале прибил. Как посты только прошел, не пойму. Не рад что ли?

– Рад... Просто беспокоился.

– Я умею стрелять!

– Стрелять – да, воевать – нет.

– Так научи меня. Вместе ходить за хабаром будем, ну и... Я тоже соскучилась.

Мда... Придется снова все объяснять, потом она обидится и уйдет. Затем опять вернется и, после того как увидит, что я не передумал, уйдет теперь уже навсегда.

– Даша, я не беру девушек и женщин в рейд. – Я поднял ладонь, останавливая готовую взорваться эмоциями девушку. – погоди, дай скажу. Только не пережидай, а вслушивайся в то, что говорю. Лады?

– Хорошо... Но... Ладно, давай уже. – Насупившись и скрестив на груди руки, Даша исподлобья уставилась на меня.

– Пойми одну вещь: не важно, как хорошо ты стреляешь или как быстро можешь бегать или пускать врагу кровь. Уверен, что все это ты умеешь лучше многих мужиков, в этом нет сомнений. Дело в психологии. Женщины импульсивнее, эмоциональнее и склонны к неподчинению. А в разведке главное – это точное выполнение приказа. Вот ситуация: я ранен и идти не могу, тащить под огнем ты меня не сможешь. Я даю приказ бросить меня и отступать. Ты ведь так не сделаешь?

– Нет, конечно.

– Вот! Личный мотив плюс импульсивность поведения: погибнем оба, и задание провалено.

– Но здесь у нас нет заданий и война скорее как бы за себя.

– Тем более погибнем зря! А так хоть запомнишь и сможешь посчитаться с тем, кто меня приложит.

– Так вот я смогу.

– Нет. Сейчас у нас с тобой чисто теоретический разговор. Пули не свистят, кровь не льется, и враг далеко. И пообещать ты можешь что угодно. Не потому, что хочешь согласиться для вида. Уверен, что теперь ты все поняла правильно. Но только вот здесь. – Я постучал пальцем себя по лбу. – А вот здесь, – я хлопнул себя по груди, – сидит импульс. Живут чувства. Когда придет момент, ты не сможешь принять решение, которое нужно принять именно разумом. Чувства будут позже, но только у тех, кто умеет ими управлять. Без расчета нет победы.

Девушка опустила голову, и я понял, что сейчас будут либо слезы, либо обида. И все равно она уйдет. Но вышло иначе: подняв голову, она решительно кивнула головой:

– Научи меня.

– Хорошо. Даю тебе слово: ты будешь тренироваться вместе со мной. Я включу тебя в резервный состав. Потом будет проверка. Но это все. Не пройдешь – без обид.

– Я пройду.

– Надеюсь, что да. Хотя лучше, если оставишь эту затею.

– Не-а. – Даша поднялась из-за стола и пошла к лестнице, ведущей в подвал. – Где тут у тебя душ?

– Вниз и налево.

– А спальня? – последний вопрос был задан тем же деловитым тоном, без тени игривости.

– Я в гамаке сплю, от входа в подвал налево, рядом с каптеркой.

– Нет, Васильев, пока я моюсь, найди кровать, и сделай это быстро. Я скоро.

Приехали. Где я кровать-то найду?... Но решение пришло само собой в лице Юриса. Латыш, подмигнув, показал большим пальцем левой руки на потолок:

– Там ящики снарядные есть. Если матрасы постелить – будет самое оно. Щас вниз стацим – вот вам и кровать.

– Благодарность тебе, Норд, от лица службы. Как ты ее вообще впустил?

– Ну... Что тут сказать... Это интуиция, командир. Кроме того, попробуй такую не впусти – застрелит. – И снова ухмыльнулся.

На оборудование кровати ушло минут сорок, все это мы с Юрисом проделали под

веселое пение, доносившееся из душевой. Кровать получилась практически трехспальная, жесткие ребра верхних крышек были проложены губчатым утеплителем, который раздобыл хозяйственный латыш. Ложе получилось царское. Норд, все еще пряча улыбку, попутно выспросил все подробности нашего с Лесниковой дочерью знакомства. Скрывать особо было нечего, опустил я только детали чисто интимного и глубоко личного свойства. Ограничился урезанной версией. Напарник снова подмигнул и заторопился на сеанс одновременной игры. По его словам, в баре появился какой-то испанец, жутко опытный по части покера и обчистивший уже не одного местного чемпиона лиги полупрофессионалов. Понятное дело, друг удалился просто из деликатности.

Тем временем, я тоже решил принять душ, но из этого мало что вышло: мы с Дашей были голодны друг до друга. Поэтому нормальная помывка получилась только спустя час с небольшим.

Потом время полетело вообще с бешеной скоростью. Мы так долго и яростно любили друг друга, что мир сузился до ставшей совсем крохотной импровизированной постели, созданной из вместилища инструментов смерти. Снова та же звенящая пустота во всем теле и... нежность к женщине, подарившей мне ощущение полноценного дома и чего-то еще очень важного, но пока невыразимого в словах.

Положив голову мне на плечо, девушка уснула. Ровное, мерное дыхание и то осторожное живое тепло, которое исходит только от любимой и желанной женщины, подарило покой и мне. Сон опять был глубоким и без сновидений. Но недолго: внезапно я ощутил тяжелый, ищущий враждебный взгляд. Некто с нечеловеческим и очень мощным разумом стремился найти меня. Нечто вроде тонкой деревянной стены пока скрывало меня от этого давящего взора, подобного ослепительно яркому лучу, шарящему по серому пространству сна. Вот исчезла и стена, взгляд уперся в мое сознание, стремясь выжечь его дотла, уничтожить само воспоминание о том, кто я есть и кем был. Сопrotивляться долго я не мог – лишь пару мгновений боролся и проиграл. Я был отброшен в глубь себя с легким пренебрежением. Казалось, этот некто просто смеется над моими попытками сопротивления. Они его забавляли.

И вот когда огонь уже затопил мой разум окончательно, а до безумного пламени небытия оставались лишь доли мгновения, серый, вязкий кошмар разорвала серебряная вспышка. Темная, вобравшая в себя все оттенки темноты тень отбросила палящий луч в сторону. Я открыл глаза, сон кончился. Не было холодного пота, тяжелого дыхания и дикого взгляда. Просто я понял, что это был не кошмар. Даша тоже проснулась, уловив некие изменения в эмоциональном фоне. Женщины вообще чувствительнее нас, мужиков, к таким вещам, и в полусне Даша постаралась обнять меня и успокоить, подумав, что это именно кошмарный сон заставил меня проснуться. Потом она снова ровно задышала, крепко обхватив меня рукой и прижавшись еще теснее всем телом.

Из дальнего конца коридора раздался знакомый голос:

– Извини, Антон, но давай ты оденешься и поднимешься на второй этаж. Времени до рассвета уже совсем мало. Да и твой друг уже скоро закончит обчищать бедолагу Брухо в карты и вернется сюда.

Это был Рэд. Призраки вообще народ нахальный. А этот был бесцеремонен, как никто другой. Но, с другой стороны, узнав Шахова поближе, я понял, что менее всего его можно за это винить. Приходил он всегда по делу. И это явно не его фокус был во сне.

Скорее всего он был тем, кто отвел атаку, заставив меня проснуться. Осторожно высвободившись из объятий Даши, я оделся и поднялся на второй этаж.

Шахов изменился. Теперь это был настоящий призрак, ничем не напоминающий того уверенного в себе и почти осязаемого парня, которого я встретил полтора месяца назад по прибытии в Зону отчуждения. Бледное, полупрозрачное лицо, рванный комбез, явные признаки разложения во всем облике Черного старателя. Легенда вблизи выглядела жутковато.

– Слабею. Даже сюда теперь трудно приходить. Наша с Сухарем власть дальше этого

места уже совсем на нет сходит. Сектанты изменили длину волны Выжигателя: вас, простых, уже не задевает, как раньше, а вот призракам вроде меня вообще скоро каюк.

– Что, Обелиск стал настолько силен? Простые бродяги с обычным оружием сектантов больше не беспокоят?

– Ты же с «девяткой» повоевал... – Совсем как живой человек, Рэд тяжело опустился на стул и положил АКСУ на стол перед собой, сцепил пальцы рук в замок, оперся на них подбородком и уставился в стену невидящим взглядом.

– Теперь их максимум трое, и на создание остальных уйдет довольно много времени. Или я чего-то не знаю? – Присев напротив Рэда, я налил в кружку холодного чаю и отхлебнул. Вкус был горьковатым.

– Все мы чего-то не знаем, старатель. Все мы. – Голос Шахова дрогнул, Рэд закашлялся, согнувшись и стараясь заглушить звук ладонью. – Я пришел за помощью.

– Не ты первый, встань в очередь. Ты знаешь, что у вас в этом заповеднике непуганых идиотов завелись настоящие Серые? Афганцы тоже хотят счастья, но явно только для себя. Они похитили мастера-алхимика, привезли в Зону четверть тонны героина, тянут караванные тропы с оружием и «бычками»! Исполнитель желаний им для этого не нужен.

– А как быть с трехметровым жлобом, который чуть не сжег твои непутевые мозги возле Могильника?! – Шахов хотел повысить голос, но замерцал и, став почти прозрачным, спохватился, снова сбавил тон: – Есть вещи, Антон, гораздо страшнее кучки отмороженных духов. С духами ты справишься, в этом я практически не сомневаюсь. Ты пойми: не станет нас, сектанты сметут «Альф», «Січ», наемники свалят сами, а бродяги полягут кто где и все закончится не только для Зоны. Есть странные силы вне нашего мира, Антон. Странные и совсем чужие. Пока что мы их сдерживаем и Камень управляет барьерами, но скоро это закончится. Капитаны Обелиска заключили с существами с той стороны пакт. Те передали «обелисковцам» кусочек технологии, с помощью которого сектанты создали «девятку» и изменили длину волны излучателя пси-волн. Вскрыть защиту Камня им пока не удастся. А помочь сектантам существа без реального присутствия в нашем мире не могут. И времени почти не осталось. Ты же сейчас чуть не сгорел как свечка. Я прикрыл твоё сознание зеркалом, а «моллюск» ты оставил здесь. Если хочешь выжить, никогда не оставляй Дар дальше чем в двух метрах от себя.

– Значит, это не только биофильтр?

– Все вещи здесь немного не то, чем кажутся на первый взгляд. Дар – это окаменевшее сердце кровохлеба. Охотник признал тебя частью своей семьи и отдал в знак нерушимой клятвы одно из трех сердец своей семьи. Это мощный артефакт, он прикрыл тебя на болотах и не дал Чужому сжечь твои непутевые мозги, когда ты уходил от Могильника. А кровь Охотника заставила Дар защищать тебя, признавая частью семьи. Кровохлебы – существа с той стороны, Антон. Древние и невероятно могущественные. Они зовут себя Изменяющими, что бы это ни означало. Камень открыл им дорогу сюда, чтобы укрыться от Чужих. То, что люди называют «Исполнителем желаний», на самом деле разумное существо, коллективный разум, имеющий власть над материей времени и пространства. Я знаю только, что таких, как он, немного, племя твоего побратима водит дружбу только с Камнем. Войну с Чужими соплеменники Охотника проиграли, поэтому пришли сюда. Они прячутся, потому что в открытом бою с Чужими им уже не тягаться.

– А как же серые кровохлебы? Их больше, и они не так э... дружелюбны.

– А люди все дружелюбны? Вот и эти тоже воюют меж собой. Серые – полуразумные, недоразвитые существа. Они покорились Чужим, признали их власть и пошли следом за племенем Охотника. Так мне объяснили. Сюда прорвалось много кого и чего странного. Жить хотели все, но получилось так, как получилось. Чужие отправили сюда еще и мозгоедов. Это их верные союзники и шпионы, но есть и нейтральные к людям существа. Вроде Подорожника... Но, сам понимаешь, страх оглушает человека. Кроме тебя, в Тихона и его сородичей не стреляет только ленивый.

– Что я должен сделать?

– Пока жди, прислушивайся, и тебе необходимо согласиться на предложение алхимиков. Когда придет время, я... мы все надеемся, что ты будешь на нашей стороне.

– Алхимики тоже с той стороны?

– Нет, это люди... Были когда-то людьми. Просто могущество стало для них фетишем, и они идут за грань каждый раз, когда создают новый трансмут. Энергия Зоны изменяет их. Некоторые из алхимиков были учеными, потерявшими веру в науку «правильную», классическую. Ходят слухи, что некоторые вообще живут на земле веками и пришли в Зону из разных мест нашего шарика, ища последнего убежища от любопытных глаз. Так это или нет, не знаю. Да и тебе не советую узнавать. Теперь прощай, я больше не могу тут оставаться. Волна будет через двое суток, продлится недолго, пару часов всего. Поэтому советую тебе поторопиться со сборами.

– Хорошо. Я сделаю, как ты просишь. Прощевай покуда.

Шахов растаял в воздухе, а я пошел вниз и снова лег в кровать. Девушка лежала на правом боку, отвернувшись к стене, словно обидевшись на мое долгое отсутствие.

Я снова стал фигурой в большой игре. Другое дело, что, выполняя определенную роль и принимая чью-либо сторону, я все равно иду своим путем. Черный тубус стал некой меткой, выделившей меня из всех пришедших в Зону отчуждения людей. Все это произошло по чистой случайности. Видимо, даже мои личные качества не играли определяющей роли, просто так вышло.

Теперь же требовалось продумать предстоящий рейд. Сразу соваться к духам было бы глупо и неосмотрительно: группу вскроет незамеченным охранением «секрет», и нас просто перебьют или вынудят отойти. И в том и в другом случае проигрыш. Поэтому следовало идти с проводником. Интересно, согласится ли Тихон провести нас по своим уголкам, в обход духовских постов?... С одной стороны, это наилучший вариант для меня, но тогда Подорожник засветится в качестве моего оперативного контакта перед Заном и его людьми.

Темной лошадкой я уже не был, но подтверждать слухи о своих контактах с «порождениями Зоны», как по незнанию называют существ «с той стороны» все вокруг, было бы неразумно.

Вообще, почему все молчат о самоочевидном факте: даже за двадцать лет появление разумных мутантов, способных давать жизнеспособное потомство, невозможно. Даже если бы все вокруг светилось и излучало как сумасшедшее. Изменения внутренних органов – да. Онкология и прочие прелести вторичной радиации – вполне вероятно и возможно. Но появление новых видов живых существ, ранее нигде толком не проявивших себя, – нет, это уже бред.

Ходили слухи о тайных советских лабораториях, где выводили боевых биороботов и экспериментировали на солдатах. Верю, но Союз давно умер, а вот наука новой Украины такие исследования вряд ли потянет. Американская помощь? Тоже вариант объяснения, но тогда потребуются затраты, сравнимые с ассигнованиями на, скажем, космическую программу. Если частные разработки и ведутся, то это очень узкие, прикладные области, и участие американцев исключено. Иначе мой старый заклятый партнер Эдвардс не организовал бы «черную операцию»³¹ по извлечению результатов работы сектантов над боевым комплексом.

Скорее всего призрак говорил правду и ни одно государство инициатором всего творящегося в Зоне отчуждения не является. Шпионить и пытаться изучать – да, сколько угодно. Но вот возглавить процесс – нет, слишком уж велик кусок, и ни одному государству его не прожевать. А уж тем более союзникам по НАТО – передрались бы уже на стадии первых результатов, пошли бы утечки в прессу, и все – исследования засекретят и сольют.

³¹ «Черная операция» – военно-специальный термин; означает проведение диверсионной операции, несанкционированной официальными государственными структурами управления. В случае провала такой операции или захвата исполнителей официальные власти отказываются от них, отрицая всякую причастность своей страны к проведению акции.

Вмешательство, назовем их банально, Чужих. Вот самое вероятное объяснение, несмотря на всю свою дикость.

На фоне этого даже духовская база с их планом по превращению Зоны в еще один свой анклав – мелочи, детская игра.

Но все проблемы разом не решить. Придется вплотную заняться именно басмачами, а уже потом поискать черную кошку в темной комнате. Она затаилась там, и выдают ее пока только иногда открывающиеся глаза да опрокидываемая ею мебель. Но именно косвенные признаки тревожнее всего. Медлить нельзя.

Выхода нет: сам я вряд ли быстро смогу отыскать безопасную дорогу к базе моджахедов, а при повторном появлении духи просто сменят дислокацию «секретов» и расписание мобильных патрулей. На такую меру предосторожности их толкают серьезные ставки, сделанные в последнее время. Стеречься они будут, и сделают это они качественно, как и всегда.

Для проведения операции без привлечения оперативных контактов нужно было больше времени: пара ходок, и систему смены «секретов» и расписание патрулей мы установим. Но на это уйдет недели две. Еще пару недель на разработку плана акции и отработку на макете и трое суток на реализацию. А у меня максимум семьдесят два часа. По истечении этого срока алхимику отрежут голову перед камерой и возьмут в заложники кого-то еще.

Прямой штурм невозможен, поэтому остается только инфильтрация. Именно для этого мне и нужен Тихон. Подорожник может показать слабое место в обороне базы. Зайдем-выйдем и попытаемся уйти без боя, в свою очередь прихватив заложника. Была у меня одна задумка. Но Крот ушел и сейчас уже, наверное, орет на строителей в родной вечной мерзлоте. А другого такого подрывника еще поискать надо. Да и то, что я задумал, наделает много шума, унести бы после этого ноги, и желательно подальше от того участка болот.

Алхимики заинтересованы в скорейшем решении проблемы. Что же, оно у меня есть. Но вот где достать материалы, которые мне понадобятся... Ладно, это вопрос завтрашнего дня. Впрочем, нет, уже сегодняшнего. Пока я собирал мозги в кучу, прошло около часу, и даже моя засоня уже начала ворочаться, просыпаясь.

Вообще-то, к Даше было трудно применить понятие «моя». Девушка даже после столь близкого знакомства вела себя несколько отстраненно, независимо. Вот и сейчас – потянулась и, совершенно не стесняясь своей наготы, пробормотала что-то приветственное и на автопилоте пошла в душ. Заглянул Юрис и, как всегда подмигнув, сказал:

– Каждому свое. Доброе утро, командир.

– И тебе не хворать. Чего веселый такой?

– Ну так! – Юрис достал из кармана толстую «котлету» местной валюты. – Выиграл снова. Так, глядишь, и за винтарь скоро все верну.

– Не. Для того чтобы вернуть то состояние, что ты на винтовку потратил, надо круглые сутки в карты с местными рубиться. Да и кто теперь с тобой за стол сядет, коли обдираешь всех как липку? Ладно, слушай вводную: после завтрака начинаем готовиться. В течение сорока восьми часов надо выступить.

– Ну наконец-то! А то я думал: совсем тут застоимся, надоело с вышки по всяким мумрикам упражняться. К духам в гости?

– Да. Но акция будет тихая: войти-выйти. На зачистку времени не будет.

– «Факел»? – Друг посерьезнел. За что и ценю его: собранность не покидает латыша практически никогда. Стоит отдать приказ – и балагура и картежника больше нет.

– Думаю над этим. Но получится слишком громко, и времени на установку такой конструкции может и не быть. Есть один вариант, но пока не поговорю с заказчиком – обсуждать нечего.

Готовься. Идем на неделю. Жратвы минимум. Пять рационов, двойной б/к. Три закладки на маршруте: взрывчатка, боеприпасы. Все как обычно. Пойдешь один, пока я тут разговоры говорить буду. Проверь схроны, доложи, чего сам придумаешь. Возьми Андрона, сына нашего крестника, если хочешь. Парень сообразительный, для разовой работы

сгодится. Потом при себе его держи, чтобы язык не распустил. Ну да что я тебя прописным истинам учу. Рассчитывать будем на восемь бойцов. Пока это все. Вопросы?

– Кто с нами еще пойдет?

– Я тут Буревестника встретил...

– Да ну! – Юрис обрадованно потер ладони. – Ну, держись теперь пехотный капитан! Он один или?...

Зан произвел в свое время неизгладимое впечатление на Юриса, когда показывал комплекс работы с ножом и кое-чему научил моего снайпера. Плюс Якоб неплохо играл в покер, и тут уже мой напарник драл немца в хвост и в гриву. А фраза из гоголевского «Ревизора» так и вовсе была их условным сигналом к картежному бою.

– Или. Судя по тому, что я знаю, у твоего визави бригада голов в двадцать. И теперь уже он мне кое-что должен. Всех его людей для «войти-выйти» арендовать не будем. Но шесть человек нам пригодятся. Собирайся. После завтрака начинай тариться припасами, потом разметь маршрут и вперед. В тринадцать ноль-ноль вы с Андроном должны выступить. Закладки обнови сначала по маршруту движения, потом по направлениям отхода. Думаю, за двое суток управитесь. Ждите меня в двенадцатом квадрате, сидите там тихо. Если на встречу не выйду – отходите на базу. Свяжись с Василем. Не уверен, что сильно поможет: у «альфовцев» и без нас скоро жарко будет, – но весточку про должок передай. Теперь точно все.

– Все понял. А как с дамой?

– Дама возвращается домой, – это сказала Даша, она вышла из душа посвежевшая и уже в моей «камке». Хлопчатобумажная куртка вполне пристойно прикрывала тело девушки почти до колен, а на ногах были пушистые тапочки (видимо, с собой привезла) в виде забавных щенят с вислыми ушами. – Провожу вот вас и подамся с караваном обратно на Малый кордон. Где тут у вас плита? Жрать охота, а то за разговорами даже поухаживать за девушкой некому.

Юрис кинулся показывать, что у него где лежит. А я был слегка озадачен столь резкой переменной решения подруги. Что-то изменилось за ночь...

На завтрак была яичница с салом и крепкий чай. Даша привезла гостинцы от Лесника. Сало было вкусное. А яичницу я пробовал только у них в доме. Зона не располагает к разведению кур. После этого Норд удалился, и мы с подругой долго занимались каждый своим делом. Я приводил в порядок легкий комбез. А она, что-то напевая, мыла посуду. Потом принялась за уборку, что для меня было немного непривычно, учитывая мой долгий стаж холостяка. Наконец я не выдержал и уже собирался было выяснить у Даши причину ее скорого отъезда, но она сама начала разговор:

– Васильев, не напрягайся. Я уезжаю ненадолго, только товар папке завезу и к твоему возвращению снова буду тут. Ты ведь хочешь, чтобы я была тут? – Девушка стрельнула в мою сторону глазами.

– Да. Очень хочу. – В горле у меня вдруг стало сухо, и слова застредали где-то на полпути от мозга ко рту.

– Мне хорошо с тобой, Антон, давно не было так спокойно и... Ты просто настоящий. Помнишь парня, что стихи мне писал да цветы носил? – Тон подруги изменился, став серьезным, доверительным.

– Ты говорила один раз. Да. Помню, конечно.

– Так вот, было у нас все: и слова красивые, и клятвы со слезами. Но вот пусто как-то становилось, как только мы переставали говорить, или оттягиваться в клубах, или шататься по городу с друзьями. Он, конечно, кольцо купил, да и квартира была что надо. Но вот подумала я, что через пару лет поймаю его с однокурсницей и просто убью. Не потому, что он мне дорог, а просто не люблю неясностей в таких делах. А если прощу, то потом поймаю с секретаршей или еще чего типа того случится. Плюнула на все, кольцо вернула и сюда. Он приезжал потом сюда. Но не поняли мы с ним друг друга. Он был обычный. Хороший, добрый и не жадный. Только обычный. Ты – это совсем другая песня. – Девушка так

улыбнулась, что мне захотелось глотнуть чего-то покрепче чая – столько теплоты и нежности было в ее взгляде, голосе, жестах. – Люди вроде тебя женаты на работе, суют голову в пекло ради других и при этом совершенно не умеют устраиваться в мирной жизни. Твое место на войне, Васильев. И мало какая дура сможет находиться подле тебя. Это слишком сильное ощущение. Но, ты знаешь, я не ищу легких путей. С папкой моталась по всем местам его службы. Играла с разряженным «макаром», с пяти лет на стрельбищах да на учениях. Отцовские солдаты вечно были у меня в няньках. Считаю, что это моя слабость. Я тоже за простую и опасную жизнь. Так правильнее. Вот вспоминаю Мишку (парня этого из Киева), как время с ним убивали зря, сколько слов говорили просто так, чтобы заполнить пустоту между собой. Бабки – тачки – карьера... А что потом?

– Дети, Даша.

– Ну ладно, хорошо, пусть дети. И снова все по кругу? И они тоже будут бесцельно бегать, суетиться и впустую прожигать жизнь?! Нет, не хочу для своих детей этого. Не хочу! Разве это жизнь?... Так, существование. – Девушка с силой опустила тряпку в ведро с грязной водой.

Что я мог ей возразить? Пока человек ищет себя, навязывать ему или диктовать какие-либо идеалы извне бесполезно. Само собой, скоро приоритеты изменятся. Повзрослеет, поймет, что к чему. Пока же пусть пробует эту жизнь на излом самостоятельно. Такие шишки нужно набивать самому, только так это работает, и только через собственные действия можно познать мир и понять свое место в нем. Или не понять. Но тогда это будет пустая трата времени.

– Думаю, что мы вернемся к этому разговору через какое-то время. А пока давай я тебе с уборкой помогу и пойдем дела крутить.

– Вот еще! Иди уже по своим делам. А я тут останусь. Отдохну, а то спала мало. – Девушка лукаво улыбнулась и, не обращая больше на меня внимания, удалилась в подвал менять воду.

Подготовка к встрече с Тихоном много времени не заняла. Прихватив автомат и стандартное снаряжение, я к назначенному сроку был у места встречи. Осматриваться на предмет засады было бесполезно. Среди руин каких-то построек с запада и на радиоактивных холмах с востока постоянно что-то двигалось. То там, то сям появлялось зверье. Но близость пулеметов «Альфы» и постоянное прочесывание местности патрулями давало свой эффект: близко никто уже не совался.

Остановка была почти целой и служила временным пристанищем для небольших групп старателей, стремящихся устроить привал или укрыться от непогоды на короткое время. Само собой, от Волны бетонная коробка защитить не могла. Удобство этого осколка прошлого заключалось еще и в том, что строение находилось вне зоны прямой видимости как со стороны холмов, так и с позиций «альфовских» наблюдателей. Именно поэтому последние проложили маршрут патрулирования недалеко от остановки. Но происходило это раз в три часа, поэтому можно было встретиться и спокойно переговорить без свидетелей.

Я выбрал подходящий холмик и залег, желая проверить, когда Тихон появится, не привел ли он с собой кого из нежеланных для меня гостей: береженого боги стерегут. Пока же было время прикинуть все плюсы и минусы возникшего у меня плана спасения алхимика. Ясное дело, о чистой работе говорить не приходилось. Спасти этого чудака и зачистить духов одновременно не получится. Либо одно, либо другое.

Все в душе восставало против новой отсрочки и невольного предупреждения, которое я отправлю чуркам, уведя у них из-под носа лакомый кусок. Да еще и оставив большинство из них в живых. Вариант «Факел», о котором спрашивал Юрис, означал использование носимого спецбоеприпаса с одноименным названием. Действие его было страшным, если брать территорию радиусом в триста-четыре метра. Общий вес ВУ составляет ровно пятьдесят три килограмма и распадается на несколько компонентов числом шесть. Пять блоков устанавливаются на определенном расстоянии друг от друга и приводятся в действие дистанционно. С помощью вышибных зарядов посылают контейнеры с активным веществом

(по свойствам нечто вроде напалма) на высоту до тридцати метров. Облако взвеси образует несколько слоев вещества, часть которого остается в воздухе, а часть оседает на земле и на всех и вся в радиусе поражения. На образование объема подрыва уходит от трех до пяти секунд, после чего происходит подрыв детонатора, остающегося на земле. Ветер и дождь боевой смеси не помеха, если только это не торнадо или, там, ураган «Катрина». Надо ли объяснять, что все и вся на территории распыления выгорает до пепла, а ударная волна оставляет ровную как стол площадку? Думаю, не надо. Шум и потери отвлекут духов от преследования. Но островов-то пять! Максимум перебьём человек двадцать, а остальные уйдут и скорее всего вернуться уже с более серьезными силами. И тогда все сначала, и вербовать мне придется целую роту, чтобы выследить и раздавить эту заразу.

Само собой, какое-то время будет тихо. Но потом все повторится и станет только хуже.

Наконец я увидел, как с северо-запада спорым шагом к остановке подходит знакомая сутулая фигура в драном пыльнике с рыжей от старости котомкой. Глянув на часы, убедился, что Тихон не опоздал. Я тоже поднялся и пошел к нему, помахав рукой. Тот ответил на приветствие и сделал приглашающий жест в сторону невесть как уцелевшей лавки внутри помещения остановки.

Подорожник ничуть не изменился, только в лице появилась некоторая расслабленность. Он меня уже не боялся, возможно, даже считал приятелем. Свою необычную руку он прятал так ловко, что становилось понятно, как ему удастся обманывать бойцов на блокпостах: идет себе бомжара по своим мелким делам, взять с него нечего, да и не опасен вроде. Так и совершаются ошибки. Вот такой же неприметный человечек высмотрит и зарисует, если нужно, расположение огневых точек, пометит узлы обороны, посчитает личный состав. «Альфовцам» повезло, что разумные мутанты пока не взялись за крупные группировки организованно. Скорее всего, глубокий индивидуализм не дает этим созданиям объединиться и вышибить людей из Зоны к чертям. Как долго они будут терпеть сложившееся положение, непонятно, но думаю, что если терпение лопнет, то мало нам не покажется.

Например, такой вот безобидный Тихон все высмотрит и расскажет кровахебу, который со товарищи невидимым пройдет все блокпосты, тихо вырежет командный состав и испортит связь. А мозгоед поведет на штурм десятки кабанов, зомби. Паника и хаос. А потом еще и десяток химер... Нет, пока людям дико везет, что большинство существ разума не имеют, довольствуясь инстинктами. А те, у кого он есть, предпочитают невмешательство.

– Доброго дня, Тридцать девятый. Рад, что ты цел и даже счастлив. Дочка Лесникова очень хороша. Только молодая еще... Но это, сам понимаешь, и достоинство и недостаток одновременно.

– Здоров, Тихон, здоров. Верно говоришь, каждое слово чистая правда. Как твои дела, тухлых консервов больше никто не подсунил?

– Так стерегусь теперь. Вот, думал, ты мне чего подкинешь...

– Держи, брат. Тут немного консервов. Пять пачек чаю и сахар.

– Ну... – Тихон был приятно удивлен. Он спрятал подарки в безразмерный «сидор» и... ответного дара, как это было в прошлый раз, не предложил. – Отдарюсь тем, что ты у меня просить хочешь. Дело это не простое, а уж идти с твоими головорезами на дело – так и вообще стремно. Зачем тебе Измененным помогать? Они от жадности своей пострадали, потому что всегда жар чужими руками загрести норовят! – Подорожник зло скривился. – Вот ты даже не спросил, чего это такое они твоим черножопым продать решили, а туда же в пекло лезешь.

– Тихон, я и у тебя сильно много не спрашиваю. Лишние вопросы – лишняя головная боль. Потому как за них вполне ее, непутевую, оторвать могут. Я пока еще не согласился. Дело это рискованное, твоя правда. Но меня попросил еще кое-кто...

– Да слышал, слышал уже. Родька Шахов к тебе в гости заходил. Поди, про конец света плел да всяких злых пришельцев?

– Да. А что, он не прав?

– Хех! – Тихон с силой хлопнул себя по колену, даже его третья рука зашевелилась под плащом. – А я и сам не знаю. Слышать доводилось. Видел портал, как и ты, но вот что это было... Антон, мы в таком месте живем, что тут все неправильно и до черта всяких странностей. Сам я, сколько себя знаю, тут живу и никаких иных миров не помню. Ну разве что один раз по телевизору в «Приюте старателя» место знатное видал, Мальдивы называется. – Подорожник сладко прижмурил левый глаз, видимо вспоминая белый мальдивский песочек. – А чтобы совсем-совсем иной мир – нет, не припомню. Точно говорю. Так что пока не пощупаю этих Чужих, про которых Родька тебе плел, верить отказываюсь.

– Скорее всего, когда они тебя пощупать смогут, вопросы веры уже не будут иметь принципиального значения, брат. Нет у меня предчувствия на вранье. Согласен: Шахов преследует свои цели. Ты вот свой интерес имеешь, я и алхимики тож. Общество стоит на том, что всем нам друг от друга чего-нибудь да нужно.

– Да ну тебя! – Подорожник явно обиделся. – Я же от чистого сердца помочь пришел, зная, что ты СВОЙ. А не так, как эти все, – подарок возьмут, а потом еще и в спину стрелянут. Знал я, что не отговорю от похода. Помогу. Злыдни черножопые эти твои дело свое добре знают, сунься туда ты один или с дружиной своей – положат они всех. А урода этого Измененного на куски порежут и алхимикам в их подземную нору так и отправят в разных пакетах.

– Так ты знаешь, где они обретаются?

– Само собой. А кто им всякие редкости для их забав таскает, по-твоему? Я в такие места пройти могу, куда эти уроды даже на пять километров подойти боятся. И тебе покажу, где они сидят, если вздумают обмануть да вдруг подставить. Так им и передай.

– Думаю, они догадываются о нашей дружбе, Тихон. Иначе напрягли бы кого-нибудь из более проверенных своих людей.

– Ну, тогда и расплатиться им придется по полной. Втемную решили со мной сыграть. Ой, держись, шелупень!

– Не горячись, брат. Уверен, что выгода для всех будет обоюдной. Ну, а если алхимики откажутся с тобой расплатиться – кинь им претензию, а я поддержу.

Тихон изумленно глянул на меня и крепко сжал кулаки. Затем я увидел, как в уголке кошачьего глаза Подорожника блеснула капля влаги и тут же пропала. Чуть помолчав, он ответил;

– Нет, ты точно какой-то чокнутый. Но... этого я тоже не забуду. Мы пойдем и вынем этого жлоба, а потом... Может, и я тебя кое о чем попрошу.

– Проси, и если это не сабля, конь или жена – поделюсь. – Наметившийся мелодраматический надрыв нужно было сбавлять. Поэтому я отшутился, дав понять, что, если Подорожник попросит, я помогу.

– Ага, щас, – принял игру Тихон. – Твою Дашку, пожалуй, пойдешь возьми: зубастая она у тебя. Как ты с ней ладишь, не понимаю. Зверь девка. Это же надо учудить: чуть одному сержанту из этих, – он махнул рукой в сторону блокпоста «альфовцев», – яйца не отчекрыжила, когда тот с нежностями полез.

– Кто это был?

– Покажу, как из лазарета выйдет. Круто она с парнем. Хоть и за дело, а все же по самому для мужика дорогому коленом – через край. Но об этом потом. Что хочешь от меня?

– Слабое место в обороне духовского лагеря. Мне на выяснения потребуются недели две, и нет гарантии, что маневры не будут обнаружены. Я планирую пройти мимо постов и секрета в самом слабоохраняемом месте. Взять заложника и уйти. Тоже тихо и без особого шума.

– Лихо. Есть такое место. Давай карту, покажу.

– Тихон, тебе придется пойти с нами и провести до места. Потом уйдешь.

– А архаровцы твои по мне стрелять не начнут? Я ведь стра-а-шный. – Подорожник озорно ухмыльнулся.

– Слово. Ты – просто проводник. Я постоянно буду на подстраховке и в обиду не дам.

– Раз так, пойдем, конечно. Когда?

– Жди меня через два дня, пятнадцатого ноября, в пять ноль-ноль тут же. Со мной будет человек шесть-семь, командовать будет немец. Это мой старый приятель. Короче, держимся вместе: ты, я. Норд с еще одним человеком уже скоро выйдут на маршрут, подстрахуй их, если сможешь. Договорились?

– А то как же! Твой друг – картежник, каких поискать. Только его глаза выдают.

– Что с его зенками не так?

– Там Смерть. – Тихон поежился. – Твой друг впустил Смерть к себе в сердце, и теперь она всегда будет ему помогать. Смерть любит его.

– Это плохо?

– Кто знает. Просто теперь он до конца жизни будет ее посланником. Смерть не отпустит его еще очень долго. Он сам по себе хороший человек, только очень холодный. В таких мало души. Она вся уходит в посылаемую в цель пулю.

– А что ты видишь во мне?

– Я не гадалка и не прорицатель, Тридцать девятый. Но одно могу сказать точно: тебя пометил мозгоед.

– Это как? – Неприятный холодок пробежал вдоль спины. Что бы ни увидел Тихон, метка мозгоеда, наверное, штука небезопасная.

– Ты его убил? Убил. А перед смертью он тебе в мозгах свое тавро выжиг. Теперь остальные его собратья будут знать, если мимо проходить будешь.

– Отомстят?

– Это по настроению и по ситуации. – Подорожник растянул губы в улыбке, так похожей на мой собственный оскал. – Если кто из сильнейших, то всенепременно взять попытается. Но у тебя есть Дар. Даже сильному контролеру теперь придется подойти к тебе метров на десять, чтобы волю сломить. Раньше «моллюск» защищал тебя инстинктивно, а теперь ты знаешь, что это такое. Мой тебе совет: поговори с Охотником. Он знает больше, ведь мозгоеды их извечные враги. Он научит тебя тому, что необходимо знать. Теперь же прощай. Волна уже совсем скоро, я пойду.

– Можешь остаться в башне. Подвал большой, места хватит всем.

– Спасибо, конечно, но сейчас наши пути разойдутся. – Голос Подорожника потерял простецкие интонации, стал скрипучим и каким-то очень чужим, будто некто на долю секунды приподнял карнавальную маску, дав взглянуть на свое истинное лицо. – Встретимся, как договорились. Прощай покуда.

У меня стала вырисовываться общая картина обстановки в Зоне. Получается, что никаких мутантов или «загадочных» лабораторий не существует. Властям, несомненно, известно реальное положение вещей, и про Чужих они тоже знают. Но все пущено на самотек; ждут, что все само собой рассосется и утрясется. Армию, как обычно, поставили охранять не пойми что, а простых людей пустили в качестве подопытных крыс, бегających по лабиринту, устроенному чуждым и явно враждебным разумом. Правители выжидают. И я их понимаю, ситуация может разрешиться только двумя способами: Чужие мрут сами от местного колорита, и тогда все шоколадно – иди и собирай трофеи. Или неведомые гости полезут всерьез, и тогда уже солдатики пачками будут затыкать порталы в чужой мир своими телами, проявляя героизм. А простые бродяги... Да кому они нужны?...

Пока ситуация хоть и опасна, но взять контроль вполне реально. Но этого никто делать не станет. Общая политика в отношении людей, вопящих о пришельцах, хорошо себя оправдала. Даже если кто и заикнется, то мало кто поверит. Хотя вот они чудеса, вот они пришельцы.

В башне все сияло и, как ни странно, лежало на своих местах. Нет, нужно срочно на ней жениться. Такие девушки стадами не бродят, это как алмаз в пыли. Дарья снова облачилась в комбез и, судя по осязательному запаху смазки, оружие тоже привела в порядок. И тут пришел мой черед делать подарки. Камни камнями, но я привык дарить вещи нужные,

поэтому на цыпочках прошел к оружейному шкафу в подвале и достал давно присмотренный для подруги ствол.

Сразу по прибытии на территорию «Альфы» я стал задумываться о том, будет ли продолжение в наших отношениях с Дашей. Что-то внутри говорило, что так просто все не закончится. Поэтому я напряг Юриса, который быстро свел знакомство с местным оружейником по прозвищу Тара. Это был немногословный здоровый лось со взглядом усталого тяглового коняги. Сначала он даже говорить с нами не хотел, но рекомендации моего старого приятеля Одессита – Михаила Анатольевича Цвирни возымели волшебное действие, и перед нами открылись Закрома. Именно так, с большой буквы. Тара поднялся на торговле «прихватизированным» имуществом советской армии. Года полтора назад он оптом толкнул два десятка танков Т-56, десять гаубиц Д-30 и кучу стрелкового оружия в Африку. Папуасы расплатились то ли алмазами, то ли коксом – словом, бизнесу был дан первоначальный толчок. Появились клиенты и поставщики, артефакты Тару не интересовали, оружие приносило пусть несравнимо меньший, но зато стабильный доход.

Вот у него-то я и прикупил для Даши несусветную редкость, а именно германскую НК417³² с тридцатисантиметровым стволом. Точная и практически безотказная машинка. Ее разработали после того, как амеры облажались в Афганистане со своими М4. Духи отказывались умирать от слабого и капризного произведения заводов Кольта. Многим приходилось ходить с полноразмерными М16А3, таская на себе ее непомерную тяжесть и мирясь с оставшимися неисправленными косяками. Дорогие и довольно редкие в регулярных частях модификации «бушмастера» имели в своем распоряжении только разведчики и небольшое количество офицеров и сержантов. Остальным приходилось бегать с М4А1 и особо не чирикать.

Немцы со своими G36 чувствовали себя довольно комфортно, потому что из-за особенностей конструкции их автомат почти полностью удовлетворял непростым условиям этой горной страны. Однако, после того как в горах от рикошетов и общей нестабильности «пятерки» пошли потери среди личного состава, в работу был взят вариант со старым добрым 7,62x51мм.

Получилось неплохо: НК417 чуть уступал своим старшим братьям в скорострельности и емкости магазина, но зато превосходил их в точности и надежности, не говоря уже об очевидных преимуществах «семерки» в условиях горной и лесистой местности. Хотя и был значительно тяжелее того же G36С.

Внешне НК417 сильно напоминал амеровский М4. Практичные немцы рассчитывали на то, что, сохранив эргономику и знакомые внешние элементы управления, бойцы, скажем, американской армии быстрее освоят новое оружие. Вся хитрость была скрыта внутри: при всем внешнем сходстве внутренне изделие немецких оружейников походило на своих старших братьев семейства G36, имея точно такую же схему автоматики. Такой ствол почти не боится грязи и свободно работает в самых мерзких условиях. Конечно, до АЕК ему далеко (кучность, емкость магазина, скорострельность у «калаша» или «ковруши» выше), но как личное оружие НК417 вполне себе хороший компромисс.

При выборе подарка я руководствовался принципом «надежно и удобно», а что касается веса, то это вопрос тренировки и привычки. Плюс это был явный эксклюзив, что тоже немаловажно. Тара подогнал винтовку в фирменном кофре с тиснением и полагающимися аксессуарами (кевларовый ремень, набор для чистки и сезонных масел, подробная инструкция), плюс от себя добавил ПБС, сделанный на заказ местными умельцами специально для этого ствола. От себя я присовокупил зотеховский коллиматор³³

³² НК417 – штурмовая винтовка нового поколения.

³³ Голографический прицел EOTech HWS Model 553 w – электронно-оптическое устройство, на стекле выходного окна которого записано голографическое изображение прицельной марки, проявляющееся под воздействием лазерного излучения. Светящийся значок виден только стрелку и абсолютно не заметен со

– самый лучший из придуманных за последнее время плюс очень удобный. Обычный прицел типа того же ACOG не позволяет пользоваться периферическим зрением, а поскольку автомат – это не снайперка, то в ближнем бою главное – скорость реакции. А по надежности 553-й значительно превосходил мою «кобру». Но в наличии был только один девайс, и я отдал его Даше. А себе заказал еще один. Тара обещал завезти в другой раз. Для меня это некритично: кого надо, я и так подстрелю.

Я вынес кофр и положил его на стол прямо перед носом подруги. Подозрительно глядя на меня, девушка открыла коробку. Изумлению и радости, появившимся на лице дочери Лесника, не было предела.

– Ох!.. – Этот вздох я уже слышал чуть раньше и при довольно пикантных обстоятельствах, поэтому понял, что подарок понравился. – Это мне?

– Само собой. Не все же с пистолетиком рассекать. Сегодня, ближе к вечеру, будем матчасть изучать. Пристреляем, и вот тогда я уже за тебя почти полностью спокоен. Патроны я запер, не балуй. Чуть тяжеловат калькулятор для девушки, но думаю...

– Да я больше тебя выбью! Тоже мне... Давай учи!

– Пока почитай мануал. У меня сейчас встреча. Вернусь, и будем знакомиться с подарком.

– Я в долгу не останусь, Васильев. – Дашины глаза приобрели какой-то особенный оттенок серого цвета, какой мне видеть еще не доводилось. – Но мой подарок ты получишь вечером.

– Ох, все слова да слова.

– Тряпкой кину, – сказано это было шутливо, но я на всякий случай снова вышел за ворота.

До встречи с представителем алхимиков оставалось около десяти минут. Времени было только на пару сигарет, но к этой привычке я так и не пристрастился. Просто стоял, прислонившись к шершавому кирпичному блоку башни, и смотрел в небо. Облака висели низко-низко. Почти задевая, казалось, высокие крыши полуразвалившихся цехов и ангаров. Вороны летали, тревожным карканьем сообщая друг другу последние новости. Солнце не пробивалось сквозь толстую подушку облаков, оставляя свет тусклым. Но в сочетании с сырым, холодным воздухом, наполненным ароматом прелых листьев, гарью костров и целым букетом «жилых» запахов стоянки, общее настроение поднималось. Вспоминалось детство, когда под гудок заводских труб в полутьме наступающего дня я шел в школу, проклиная каждый метр, отделявший меня от прерванного сна. Но, пока я шел, до меня доходило, что все кругом заняты и тоже спешат куда-то явно не по своей воле. Работа. Это слово еще тогда внушало ощущение собственной значимости, общности с этим спешащим потоком людей, ощущение осмысленности бытия. Лень отступала под натиском совести, и новый день начинался...

Я снова миновал пижона-охранника и оказался в той же комнате, где посредник все так же сидел за столом, будто бы никуда и не уходил. О, на этот раз посредник поднял голову и откинул капюшон на спину. Редкие, цвета «соль с перцем», короткие волосы. Высокий лоб с залысинами. Красное, все в следах старых ожогов, круглое лицо, и те же, что и у виденного мной на записи пленника, черные, без белков глаза. Тонкогубый рот и ввалившийся нос не оставляли желания вечно любоваться на обладателя этих «красот».

– Каково твое решение, старатель?

– Если будут приняты мои условия – возражений с моей стороны нет. Я достану вашего собрата и накажу обидчиков.

– Что за условия?

– Тихон получает с вас то, что попросит. Это первое.

– Бродяга получит то, что попросит, мы согласны.

– Хорошо. Для себя я ничего не прошу. Вы и ваш клан будете должны мне услугу.

Только и всего.

– Разумное решение, Тридцать девятый. Я в тебе не ошибся. – Голос посредника снова «ломался», видимо, эмоции не давали ему полностью контролировать себя.

– Теперь к делу. Как я уже сказал вчера, наш главный враг – это время. Я проясню ситуацию и очерчу круг моих возможностей. Я вытаскиваю вашего собрата и убиваю столько духов, сколько позволяют сроки. Нет гарантии, что умрут все. С оставшимися разбираться будет сложнее, и за это я тоже смогу взяться, но за отдельный гонорар. Для нынешнего задания мне понадобится сумма на расходы и двое суток на подготовку. Свяжитесь с похитителями. Тяните время. Общие сроки исполнения заказа – восемьдесят часов. Начиная с нуля завтрашнего дня. Этот срок не обсуждается. Быстрее и с положительным результатом ваш заказ не выполнит никто. Если мы пришли к окончательному согласию, я прямо сейчас начинаю подготовку, если нет, тогда было приятно пообщаться.

Как ни странно, посредник не раздумывая согласился. Снова набросив капюшон, он поднялся, протянул мне руку для пожатия. Для этого даже снял перчатку. Я сделал было движение навстречу, но Дар, с которым я теперь не расставался, вдруг тревожно запульсировал и нагрелся. Кроме того, на протяжении всего разговора меня не покидало чувство опасности. Некое предчувствие отложенной смерти.

– Думаю, что для рукопожатий пока еще рано, уважаемый.

– Ты не обидел меня. – В голосе посредника прозвучала легкая досада, он снова надел перчатку и убрал руку в карман пылевика. – Перед выходом мы свяжемся с тобой, чтобы передать некоторые особые инструкции. Предвидя возражения, скажу: есть вещи, без которых мы не можем существовать. Когда спасете брата, просто сразу же отдадите ему некоторые личные вещи. До встречи, воин.

– И вам не хворать. Буду на связи. Всего доброго.

Уже выйдя наружу, я понял, что насторожило меня во всей этой беседе: посредник много рассказал про своего собрата, но ни словом ни обмолвился о возвращении груза, прихваченного людьми Халида. Причин, конечно, могло быть сколь угодно много: от банального нежелания раскрывать перед случайным человеком свои секреты до полного безразличия к тому, что, возможно, без захваченного инструктора использовать нереально. Странности и недомолвки в подобного рода делах – обычное дело, ситуация неординарная и нуждалась в прокачке.

Итак, что мы имеем? Клиент настаивает на спасении заложника в определенные сроки. Это вполне объяснимо и нормально. Груз возвращать никто не просит, значит, либо без инструктора его нельзя использовать, либо... Стоп! Вот оно что: посредник подставляет нас довольно грамотно, соглашаясь на все в расчете на наш невозврат. Заложник обезврежен. Потом он приводит в действие какой-то пакостный девайс, из-за которого Халид решил на беспредел, и писец всем и вся. Само собой, это я сгущаю краски, но вполне может быть, что так оно и будет на самом деле. Поэтому при наработке мероприятий нужно учитывать именно этот вариант развития событий как основной.

Размышляя так, я пошел в северную оконечность здания, именуемого Ареной. Тут происходили все местные разборки и было нечто вроде тотализатора. В одном из помещений был оборудован тактический лабиринт для желающих сразиться огнестрельным оружием. Другой зал, чуть поменьше, был отведен под рукопашные поединки, где, впрочем, допускалось использование и холодного оружия.

А в подвале, метрах в десяти под землей, обитал Тара. Его владения были несравнимы с камерной, почти домашней обстановкой штаб-квартиры Одессита. Если у того был эксклюзивный салон, то у Тары – супермаркет. Ящики с боеприпасами, например, занимали отдельную закрытую секцию, по площади – средних размеров овощехранилище. Тут было почти все, что можно купить за деньги, исключая разве что крылатые ракеты. Где Тара держал взрывчатку, не знал никто. Оружие было выставлено открыто, на металлических стендах, забранных крупноячеистой металлической сеткой. Стволы были везде: на стенах и в

рядах закрытых коробок по всему залу. Ходи себе да выбирай. Несколько подручных Тары следили за порядком, способные дать укорот любителям халявы. Ребята были все как один среднего роста; плавными, экономными движениями они перемещались по залу, мгновенно реагируя на потенциальную угрозу. Оружия я у них не видел, но, думаю, если будет нужда, они его непременно достанут или справятся и так.

Пройдя в глубину торгового зала, я подозвал одного из этих славных парней и попросил позвать хозяина, отрекомендовавшись как положено.

Парень с явно скандинавской внешностью и прибалтийским акцентом по-русски вызвал Тару, шепнув пару кодовых фраз в микрофон. Это устройство помещалось на вороте куртки добротного натовского камуфляжа модной серо-черной пиксельной расцветки. Скромненько, но со вкусом Тара одевает своих работников.

Чуть погодя хозяин, длинный и жилистый мужик с лицом печального мерина, вышел ко мне из недр своих владений. Черные, абсолютно ничего не выражающие глаза торговца чуть прикрылись набрякшими веками в знак приветствия. Указав мне в дальний правый угол склада, где был отгорожен закуток со столом и парой стульев, он пошел впереди и занял место за черным офисным столом, на котором в образцовом порядке лежали всякие папки и деловито светился дисплей современного компьютера.

– Чем могу? – Голос у Тары был совершенно бесцветный. Как, впрочем, и его внешность, не говорящая о хозяине ровным счетом ничего конкретного.

– Мне нужен комплект «Факел А6-О». Желательно в течение трех суток.

– Это очень сложно, Антон Константинович. Очень. – Ни тебе изумления, ни лишнего движения глаз. Тара наверняка помнил каждый патрон в своем хозяйстве.

– Понимаю. Но цена значения не имеет, поэтому я и пришел. Поставка будет оплачена немедленно, если вы обратитесь вот к этому человеку.

Я протянул листок с кодом частоты, данной мне для связи посредником алхимиков.

Тара оживился, взял листок и, вбив данные с него в свой ПДА, подождал пару минут. Наладонник пискнул, и на лице торговца впервые отразилось изумление, столь мимолетное, что спустя пару мгновений я уже думал, что мне это привиделось. Снова глянув на меня с отрешенностью все повидавшего тяглогового коняги, какими их рисуют в мультиках, Тара что-то пробормотал в трубку телефона. Выслушав ответ, повернулся ко мне.

– Завтра в семнадцать тридцать товар будет здесь. Оплата уже произведена. Инструкция и блок наведения идут в комплекте и отдельно не оплачиваются. Что-то еще брать будете? Для вас теперь предусмотрена оптовая скидка на шесть месяцев. Это пятнадцать процентов вне зависимости от услуги и товара.

– Благодарю, обязательно воспользуюсь. Но пока это все. До завтра.

– Заходите почаще.

Выйдя на воздух, я направился в башню. Даша уже закончила уборку. В доме вкусно пахло съестным. Щи и котлеты. Нюх меня не подвел: подруга знатно потрудилась – она молча поставила передо мной полную до краев тарелку супа. А после и котлеты с макаронами. Сытость навалилась, подобно тяжелой пуховой перине. Мысли стали путаться, и все чаще возникала порочная мысль забыться сном.

Тряхнув головой и отогнав эти еретические видения, я повел подругу на стрельбище. Времени до встречи с представителем Зана было еще довольно много. Поэтому я поспешил познакомить девушку с ее новым лучшим другом – штурмовой винтовкой НК417С.

Даша помчалась вслед за мной, будто на танцы. Я облюбовал место, где северо-восточный блокпост прикрывал подходы к базе «альфовцев» со стороны дороги, ведущей на военные склады. Места это были пустынные, зверье появлялось довольно редко. Выйдя за границу охраняемой зоны и предупредив командира дежурной смены, что идем пострелять, мы углубились на запад, в сторону группы плоских холмов, где было идеальное место для стрельбища.

По дороге я насобиравал консервных банок, а из башни прихватил лист жести, на котором зеленой краской очертил ростовой силуэт. Получилось коряво, но довольно похоже.

Расстелили коврики, и я стал знакомить подругу с винтовкой. Отрегулировал ремень, показал правильный хват, выверил и показал стойки и положение рук. Начали с простого: лежа, с колена, стоя. Потом навскидку в движении. Дистанцию я выбрал оптимальную для встречного боя – пятьдесят пять метров. Сначала было не очень: девушка привыкла к легкому короткоствольному Р99 и справиться с четырехкилограммовой бандурой ей было непросто. К тому же Лесник, видимо, учил дочь стрельбе из отечественного оружия, вроде АК. Эргономика довольно сильно отличается от амеровской. Но через час скорость выполнения упражнений возросла, а спустя еще полтора Даша уже уверенно пользовалась новой игрушкой. Прицел очень помог – девушка быстро освоилась и теперь уже старательно чистила автомат. Я заранее нарисовал ей схему и график тренировок по практической стрельбе и наказал, чтобы тренировалась при каждом удобном случае. Раскрасневшаяся и довольная, она ловко перехватила карабин, правильно держа его на сгибе локтя правой руки стволом вниз и подхватив цевье ладонью левой руки. Получилось, однако!

- Здорово! Антон, я скоро смогу так, как ты, стрелять?
- Два месяца по три часа в день, не менее ста патронов сожжешь – научишься и лучше.
- А воевать вместе, как обещал?
- Лучше бы не пришлось. Но если придется – пойдем, конечно.
- Ну Васильев!.. – Подруга ткнула меня локтем в бок. – Соскочил-таки.
- Но ответный подарок я все же заслужил? – я произнес это с самой невинной из имевшихся в моем небогатом арсенале интонаций.
- Ладно уж. Но смотри на будущее: не возьмешь с собой – покалечу!
- Не губи, я старый. Авось сам помру.
- Дурак! Я тебе помру, только посмей.

Я понял, что лучше прекратить перепалку самым приятным способом, и, ловко отведя автомат подруги в сторону, обнял ее и поцеловал. Часовой с блока, к которому мы уже подошли, заливисто и озорно засвистел.

... Мы вернулись, когда стало темнеть. Осень вообще время сумерек, а в таком месте, как Зона, темнеть начинает часа в четыре пополудни. Даша пристроила винтовку в оружейный шкаф и убежала в душ. Настроение у меня и так было неплохим, а оттого, что с подарком угодил, стало совсем хорошо.

От Норда пришло контрольное сообщение: он осмотрел и обновил два из трех схронов на маршрутах отхода и теперь двигался к третьей закладке, а потом уходил на Янтарь. Я обрисовал положение вещей, подтвердил первоначальное место встречи и отключился. Юрис сообщил, что Андрон показал себя неплохо и пару раз даже распознал аномалии, в которые мой снайпер непременно бы вляпался. Парню пока было еще рано доверять, но взять еще одного надежного человека в команду было б неплохо. Глянув на часы, я убедился, что время идти в бар. Согласно договоренности, человек Зана должен был появиться там уже через полчаса. Нужно прийти заранее, оглядеться и просто посмотреть на людей, послушать последние сплетни.

Под шум воды в душе и веселое пение подруги я положил в кобуру АПБ и вышел. Со «стечкиным» придется расставаться: последняя схватка на Дикой территории показала, что мощность и пробивная сила патрона 9 x 18 мм уже не способна противостоять современным средствам защиты так, как должно. Следовало все же завернуть к Таре и подобрать себе «второй номер». На эту роль прекрасно подходил новый армейский «Грач»³⁴. Когда я увольнялся, эти стволы еще только-только стали появляться в войсках, и поэтому знакомство наше было мимолетным: я отстрелял положенные 60 патронов и сдал новинку на склад. Вспомнился старенький спортивный пистоль «Иж-38». Как ни странно, ощущения от

³⁴ МР-443 «Грач» – самозарядный пистолет российского производства. УСМ двойного действия. Калибр 9х19 мм.

«Грача» были в чем-то похожими, возможно из-за того, что конструктор у обоих стволов был один. Точность была выше, чем у моего АПБ, рассеивание небольшим и на 25-метровой дистанции вполне удовлетворяло. В бою этот пистолет должен был прекрасно заменить АПБ. Единственным недостатком была невозможность стрельбы очередями и меньший объем магазина, но, как выяснилось, с патроном 9х19мм достаточно обычной «двойки», чтобы гарантированно поразить защищенного противника. Новый мощный патрон позволял уверенно себя чувствовать даже с теперешними ходячими танками. Пока же следовало направить стопы в бар. В выборе экипировки и оружия не стоило торопиться. У Тары наверняка найдется и нужный мне ствол, и, может быть, даже удастся достать вариант с «тихарем».

В баре было, как всегда по вечерам, очень шумно. Орал телевизор, в громкости с которым соревновалось одновременно глоток сорок пришедших снять стресс бродяг Зоны. Я, как и было оговорено, занял место за столиком у дальней левой стены зала, откуда хорошо просматривалась входная дверь, барная стойка и вход в подсобку. Сюрпризов стоит ожидать всегда, тем более в людных местах, где, подобно сухому листу среди травы, может затаиться враг или наблюдатель.

Заказал темного пива и сухариков. Осматривая зал, поглядывал на экран большой плазменной панели, где как раз транслировали схватку «два на два» между группами «вольняг» и «січевых». Бой проводился на малой Арене, где допускались только рукопашные бои с применением холодного оружия, чаще всего ножей и в редких случаях «мачете». Условие всегда было только одно – смерть одной из сторон. Пощады правилами не предусматривалось. Если кто-то начинал выпендриваться, то у хозяев Арены был козырь в рукаве: стая голодных псевдособов. Пять или шесть зверюг, метр в холке. Выпускали их в случае, если явный победитель артачился, отказываясь добивать противника, и тогда ставки уже делались на время, которое люди продержатся против зверья. Поэтому нарушителей находилось немного. Вызов на Арену – это серьезный аргумент в споре, зачастую списывающий все долги.

Пока я допивал приятный, в меру горький напиток, последнего бродягу прижали к металлической сетчатой ограде ринга и основательно подпорченные «січевые» уже почти праздновали победу. Но что-то знакомое мелькнуло в движениях зажатого в угол мужика... Черт, я могу вообще никуда не ходить и сколотить состояние на ставках, если не будет договорных боев. Готов был поставить вдесятеро против одного, что бродяга одолеет уже расслабившихся «січевых».

Между тем ко мне подсел чернявый, латиноамериканской наружности парень, заросший курчавой бородой до самых глаз. Мы обменялись условными фразами, хотя это и не было нужно: я вспомнил, что это был снайпер из поисковой группы Буревестника, которого я чуть не прирезал на болоте. Но он-то меня видел впервые. По-русски наемник говорил плохо, почти никак не говорил. Поэтому я поддерживал разговор на английском, сдобренного испанскими словечками. Пулеметная речь не вязалась с точными, выверенными движениями парня, который назвался Серхио. Серега, если по-нашему.

– Шеф говорил, что ты должен мне кое-что передать.

– Верно, держи. – Я протянул парню под столом пакет с деньгами, а он в свою очередь передал мне такой же.

– Отлично. Делаешь ставки, Леший? – Серхио не смог произнести немецкое «лесной чертяка», как это сделал бы Якоб, но меня называли и так, поэтому я не поправлял.

– Нет. Боюсь сильно выиграть. Этот бой возьмет бродяга, а «січевых» вынесут по частям. Неинтересно.

– Ха! Ты проиграл бы много денег, хомбре³⁵! Твой боец почти спекся. – Серхио хлопнул на стол «сотку». – Ставлю сотню на «Січь».

³⁵ Парень – исп.

– Удваиваю. – Твоим парням не повезло: бродяга владеет техникой «Папоротник»³⁶, его покойный напарник только сдерживал бойца. Теперь же все будет иначе. Смотри внимательно.

Так оно и вышло: зачерпнув сочившуюся из раны на ноге кровь, бродяга плеснул ее в лицо соперникам. Один отскочил, видимо, был опытнее, а вот второй, забыв о защите, принялся тереть глаза рукой, опустив руку с кинжалом. За что и поплатился: точный и молниеносный удар в грудь (тот был в легкой «повседневке», что говорило лишь о самоуверенности бойца) пробил сердце «січевого», и тот рухнул лицом вперед. Растяпа даже и не успел понять, что уже мертв.

Бродяга, безусловно, ослабел и потерял много крови, движения его уже не так точны, и видно было, что ежедневные тренировки – далекое прошлое. Сейчас он работал только на опыте и зашитых в подкорку и мышцы рефлексах. Его соперник был чуть выше ростом, серьезных ранений у него не наблюдалось: рассечена бровь и точным ударом подбито правое колено. К тому же вооружен он был самодельным охотничьим ножом с почти тридцатисантиметровым лезвием. Длинные руки, хорошая реакция – все это было в зачет. Но я-то понял вот еще что: парень ни разу никого не убивал на близком расстоянии своими руками или, скажем, даже при помощи ножа. Нет, заметно было, что он тренировался и с ним кто-то серьезно работал. Возможно, что на поясе у него висело несколько вражеских скальпов. Но одно дело – нажимать на спусковой крючок автомата или палить из пистоля, а вот совсем другое, если приходится смотреть противнику прямо в глаза. Видно, на эту тему с «січевым» никто не поговорил. Он был обречен, просто еще не понял этого. Человек, серьезно занимавшийся чем-либо и по каким-то причинам переставший это делать, все равно имеет больше шансов на победу, нежели тот, кто, получив навыки, еще не имеет должного опыта.

Так было и на этот раз: потрепанного вида бродяга смотрелся жалко на фоне мощного и хорошо вооруженного противника. Движения «січевого» были красивыми и эффектными, рассчитанными на публику. Бродяга же был старше лет на двадцать и к тому же серьезно ранен: кровь из длинного пореза на правом бедре, заплывший левый глаз и явные признаки закрытого перелома левой руки. Скупые, рваные движения выглядели не очень убедительно, но я понял, что делает бродяга: сбивает ритм противника, чтобы потом втянуть неопытного пацана в свой ритм. «Раскачка»... Это делается с одновременным воздействием на психику противника, движения бойца подобны завораживающему танцу кобры. Незаметными покачиваниями корпуса, сложными и на первый взгляд беспорядочными движениями бродяга ментально «раскачал» противника. Незаметно для себя и для окружающих «січевой» впал в транс, подчиняясь теперь уже всецело действиям противника. Затем как бы случайно ступил на поврежденную ногу, припал на нее и вот уже почти сам нанизал себя на нож бродяги, который неуловимо оказался чуть в стороне и, пробив манжету комбеса «січевого» обычным армейским штык-ножом от АК, достал парня в шею. Потом, чуть отступив, вынул нож из раны, провернув его. Крови было много, но большая ее часть впиталась тканью БЗК. «Січевой» почти сразу вскочил, но тут же рухнул наземь и, чуть слышно вскрикнув, совсем затих. Бродяга двинулся к выходу с Арены, пошатываясь, и походя вытер нож о куртку первого покойника, затем сунул клинок в ножны на поясе и скрылся в коридоре, ведущем во внутренние помещения.

Толпа в зале и на Арене взревела. Не знаю, чего в криках было больше – разочарования или изумления от неожиданного финала схватки. Само собой, мало кто ожидал победы какого-то пропойцы над, казалось, крутым и все умеющим противником. Я забрал свои деньги с края стола. Серхио поглядывал в мою сторону несколько настороженно и не спешил

³⁶ «Папоротник» – комплекс боевой подготовки. Система включает в себя комплексы работы с ножом, саперной лопаткой, комплекс штыкового боя, подручными предметами и рукопашный бой. Система основана как на практических наработках, так и на реконструкции некоторых техник индоевропейских боевых школ. Система «Папоротник» стоит на вооружении некоторых подразделений армейских СпН и ВВ МВД.

уходить.

– Ты умеешь так же, как и этот бродяга, управляться с ножом?

– Нет. Это был мастер. Возможно, в прошлом очень хороший боец. Сейчас, конечно, я его сделаю, но пару лет назад лежал бы там, на песочке, с пропоротым горлом уже через пару мгновений боя. Ты лучше шефа своего попроси несколько уроков дать: Буревестник лучший с ножом из тех, кого я знаю.

– Якоб просил сказать, что если есть дело, то он подпишется.

– У тебя отличный командир, парень. Держись его и никогда не будешь внакладе. Передай, что если он согласен, то мне нужен он сам и еще пятеро надежных бойцов. Лучше, если среди них будет хороший подрывник и спец по связи. Будет много работы.

– Я передам.

– Не затягивай с передачей. Я буду ждать только до нуля часов завтрашнего дня. Потом уйду без вас. Помни: шесть человек и никаких вопросов. Встретимся тут же, в час ноль-ноль, ровно через сутки.

– Все понял, передам.

Серхио поднялся и быстро направился к выходу, по пути нажимая на тангенту вызова, скорее всего отчитываясь перед Заном. Пять минут спустя от Буревестника пришло подтверждение – он и его ребята вписываются. Камень упал с души: если бы Зан отказался, пришлось бы связываться с Василем, а вмешивать местную «спецуру» не хотелось. Но тут сомнения были скорее мимолетного характера: практичный немец уже понял, что мне известно о духовских богатствах гораздо больше, чем было сказано. Намек на большой куш был верно понят, и теперь Якоб в лепешку расшибется, но будет работать со мной.

Предстояла нешуточная беготня, поэтому следовало как можно быстрее зайти к Таре и выбрать «второй номер». Сомнений было много: некоторые оружейные экстремали отзывались о ярыгинском стволе пренебрежительно, упирая на «жуткий перекал» всего и вся и выход из строя затворной задержки после отстрела семь тысяч патронов. Проверить это можно только одним способом – взять оружие и использовать его. Во-первых, я не был уверен, что мне доведется палить столь интенсивно, чтобы ствол пошел вразнос и сломался. В течение двух месяцев пришлось бы отстреливать по сотне патронов в день. Поэтому поломка мне если и грозила, то не так скоро. Во-вторых, со времени моего знакомства с предметом прошло уже довольно много времени, и не думаю, что конструкторы сидели сложа руки, оставив официально принятый пистолет без внимания, – доработают. На крайний случай выбор будет, возьму что-нибудь импортное.

Тара встретил меня сам, вышел в зал и поздоровался за руку. Видимо, алхимики отвалили ему немалый гонорар за заказанный «гостинец». Узнав о моей проблеме, торговец предложил на выбор несколько пистолетов, среди которых был и искомый ярыгинский «Грач».

– Хорошее оружие. – Тара взял пистоль в руку и, передернув затвор, нажал на спуск. Боек щелкнул. – Особенно с учетом последних доработок: есть сменный ствол, под вариант с ПБС, поставлены новые резиновые накладки на рукоять, есть возможность установки ЛЦУ, полимерная рама, оружие стало чуть легче.

– А что с надежностью? Я слышал про проблемы с механизмом...

– Было. Но это в прошлом. Изделие еще новое, но, если отстреляете тысячу и пистолет э... откажет, – тут лицо торговца перекосило, как от чего-то кислого, – я даже прятаться не стану, приму любые претензии как от вас, так и от ваших друзей. Здесь я не торгую хламом. – Тара обвел рукой торговый зал. – Хлам продаю на вес, с черного хода и по бросовым ценам. Я не заинтересован в потере состоятельных клиентов. Лучше, если они будут ко мне приходить на своих ногах, а мой товар спасет им жизнь.

– Хорошо, тогда я возьму один. Что с комплектом поставки?

– Кроме сменного ствола, прилагаются две коробки фирменных патронов (можно забугорных, можно родных, российских), набор для чистки, сезонные масла, мануал и ПБС (разработка ваших нынешних нанимателей) – исключительно надежное приспособление. И

тактическая набедренная кобура. Разработана специально под этот ствол для ношения обоих вариантов (с глушителем и без него). Гарантия... Пока не надоест пользоваться, не сломается. – Тут торговец изобразил некое подобие улыбки, отчего его лицо перекошилось и он стал еще больше похож на мультяшного конягу. – С учетом скидки, получается четыре тысячи двести рублей. Опробовать и пристрелять можно тут же, в тире.

– Беру. А патроны лучше наши и лучше сразу триста штук. Насколько я помню, там было что-то специальное?

– Верно: бронебойные 7Н21³⁷. Мощный патрон, дырявит семимиллиметровую сталь, как масло. С бронеками сложнее, «трешку» пробьет метров с десяти, но тут гарантии не дам: проверяли только на штатном натовском. Российский или украинский может и не пробить.

– Ладно. Оплачу и пройду на стрельбище.

– Рад был новой встрече, Антон Константинович.

Торговец неспешно удалился в свой закуток, а я, отдав деньги и забрав покупки, направился в помещение в задней части магазина, где было стрельбище. По сути, это тир, совмещенный со слесарной мастерской. Сам я большим фанатом тюнинга не являюсь: оружие для меня всегда было лишь инструментом. Проводить сутки напролет, изгаляясь над стволами и экспериментируя с оснасткой, – это не мое. Времени на это было недостаточно, главное – овладеть оружием в совершенстве, привыкнуть к нему, наработать определенные навыки в обращении и показать лучший скоростной результат при стрельбе и в обслуживании. Тут присутствует некоторая консервативность: если ствол надежен и из него можно гарантированно поразить противника – лучше не переучиваться. Но непременно стоит знать, из чего тебя попытаются убить, чтобы в случае чего уверенно пользоваться чужим оружием. Несть числа тому, что пришлось мне отстрелять в свое время. Но, кроме некоего автоматизма в работе с чужими изделиями, в голове и моторике тела ничего не оставалось. Основного и дополнительного штатного оружия в подразделении бывает от силы по четыре-пять образцов, вот их знаешь на ощупь и готов собрать и разобрать за пятток секунд на спор.

«Грач» оказался хорошим, легким и ухватистым оружием, эргономика несколько возросла со времени нашего последнего знакомства. Пистолет был на две трети легче моего АПБ, а новый глушитель вообще не давал звука. Затворная рама ходила без лязга, кучность стрельбы была хорошей: на расстоянии в двадцать пять метров все семнадцать пуль легли в трехсантиметровый круг. Затем я поднялся наверх и приобрел наш броник «Вызов», вроде того, что был у меня. Навесил его на набитый пенопластовым наполнителем и опилками куль и отстрелял еще два магазина. Пробить удалось только с пяти метров, да и то когда серия из двух патронов легла в район правого плеча, почти одна в одну³⁸. Центр держал удар нормально. Значит, все как всегда: бьем только в район верхней трети грудины или в голову. Но с АПБ не было и этого: серии я всегда ставил только на верхний отдел торса, ближе к шее, а наемник даже не поморщился во время последней заварухи.

Укрепив кобуру и убрав в нее новое приобретение, я отправился в башню с чувством выполненного долга. В душе воцарилось некое спокойствие, какое бывает, если чувствуешь уверенность в завтрашнем дне, а пока так оно и было. Дело, которое предстояло проверить, имело ряд проблемных нюансов, но критичных моментов, способных опрокинуть всю комбинацию в целом, пока выявить не удавалось. Предстояло увидеть сюрприз, обещанный мне подругой. Судя по ее взгляду в момент вручения автомата, это будет нечто необычное.

³⁷ 7Н21 представляет собой пистолетный патрон, герметизированный красным лаком. Лак-герметизатор наносится по стыку пули с гильзой и по окружности капсюля.

³⁸ Тут имеет смысл уточнить, что Антон не случайно надевает бронежилет на куль с наполнителем, имитирующим человеческое тело. Средства индивидуальной бронезащиты раскрывают свои возможности, только будучи надетыми на человека. Тело служит дополнительным компенсирующим динамический и баллистический удары фактором, принимая часть нагрузки на себя и увеличивая защитные свойства изделия.

2.1

В гостиной на втором этаже царил полумрак. Стол был сдвинут к стене, а кругом горели свечи. Прямо на полу был расстелен ковер, который Даша, видимо, притащила из комнаты Норда наверху. Я почувствовал движение за спиной, но нарочито громкое: моя подруга знала, что из-за издержек профессии рефлексy могут опередить разум, поэтому не стала проверять, кто из нас сильнее в рукопашной.

На Даше было нечто легкое черного цвета, на тонких ляпочках и едва прикрывающее бедра. Контурь тела проступали сквьозь прозрачную ткань, свет живого огня свечей делал знакомое уже во всех деталях более загадочным, манящим. Девушка вышла на середину комнаты, из дальнего угла полились первые аккорды тягучей красивой мелодии. Танец, казалось, длился вечность, но закончился в одно мгновение. Подруга уже снова была рядом, музыку я потом вспомнил – это был Вангелис, альбом назывался «Voices», по-моему. Тихая и спокойная музыка, очень подошедшая в качества обрамления сюрприза. Музыка стихла, а мы еще долго не отрывались друг от друга, пока не утомились. Живое тепло и хорошая усталость дали мне ощущение невероятного по своей полноте счастья. Возможно, со стороны это и покажется однообразным, но как описать то состояние, когда сливаешься с женщиной в единое целое и, как говорят индусы, любовники становятся «зверем о двух спинах». Когда открываешь человеку самые потаенные уголки своей души и сердца, момент духовного и физического единения настолько велик и всеобъемлющ, что словами этого не передать. Такое можно только пережить и ощутить самому...

Даша, положив голову на сгиб моей правой руки, смотрела в потолок и как бы случайно водила подошвой ступни по моей ноге. Потом повернулась, пытаясь поймать мой взгляд, и спросила:

– Сюрприз удался?

– Более чем. – Я легонько поцеловал подругу в губы. – Теперь я снова у тебя в долгу, красавица. Чего ты хочешь? Ну, кроме как пойти в рейд.

– Быть с тобой как можно дольше. С тобой я чувствую себя счастливой, Антон. Как бы долго это ни продлилось и как бы скоро ни закончилось, знай: ты мое счастье.

– Это взаимно. Мне тоже давно... нет, вру, никогда еще не было так... вот так. Извини, я не умею говорить в такой ситуации. Просто знай, что я счастлив. Видишь, как получилось: пришел сюда за комфортом, привычным образом жизни, а нашел...

– Что? – Девушка приподнялась на локте и заглянула своими огромными темно-серыми глазами прямо мне в душу.

– Счастье. Ты тоже подарила его мне, и теперь оно всегда будет со мной, куда бы я ни отправился.

– Смешной... – Даша ткнулась носом куда-то в район моей подмышки, потом заворочалась, устраиваясь поудобнее, и уже в полусне пробормотала: – Давай спать, Васильев, вставать завтра рано.

Мне в дорогу, да и ты, наверное, не засидишься. Вернусь через неделю, буду ждать тебя... Только попробуй потеряться – убью... – Последние слова были сказаны полусонным шепотом, который сменило ровное и ставшее уже родным дыхание. Пусть все идет своим чередом, счастье – такая эфирная материя...

Привычка не заглядывать далеко вперед появилась у меня сразу после первой «горячей» командировки, когда взрывом своей же артиллерии накрыло нашу роту, выдвинувшуюся на замену сводной группы «вэвэшников» и «красноармейцев»³⁹. Мы должны были развернуться и поэтапно поменять какой-то ОМОН. Вертолетная пара уже

³⁹ «Вэвэшники» и «красноармейцы» – презрительное прозвище частей ВВ и МВД в армейских частях и среди контрактников.

отвернула, закончив сопровождение, и мы двигались колонной на довольно приличной скорости, опасаясь засады. «Чехи» отлично пользовались своим знанием местности, и если их наблюдатели заметили, что «крокодилы»⁴⁰ отвалили, то вполне была вероятность «горячей» встречи уже на подходе к блокпосту.

Меня и мою группу спасло то, что комроты поставил нас в походное головное охранение и наша БМП-3⁴¹ с моими архаровцами на броне оторвалась довольно далеко от колонны. Роту накрыло артударом полковой артиллерии. Какой-то мудака в штабе артдивизиона неверно передал координаты на батарею, и вместо духовского кучмана накрыло мою роту. Что такое работа по площадям десяти мобильных артсистем типа «Акации»⁴², думаю, объяснять не надо – колонну раздолбали в пыль. А когда обстрел прекратился, мы уже мало что могли сделать: из восьмидесяти человек выжил едва ли каждый пятый. Погибло трое моих друзей, не осталось даже путных останков, по которым их можно было бы опознать. А мы строили планы, что по прибытии в ППД отметим день рождения самого младшего из нас – Вадима... Ему так и осталось девятнадцать. Навсегда.

Виновного тут же услали во Владикавказ, и так я до этой гниды и не добрался. Но с тех пор я никогда не строю далеко идущих планов – это стало плохой приметой. Бывшая жена не понимала истинной причины. Ошметки человеческого мяса ей не предъявишь, а просто сказать, что примета не позволяет... Так какой же штатский человек к этому серьезно отнесется? Это была одна из причин периодических скандалов и слезных сцен.

Даша ни разу не спросила меня о том, что будет после. Я не имею, конечно, в виду какое-то конкретное событие, а просто – «после». Мы оба понимали, в каком месте живем, постоянно сталкивались с одними и теми же проблемами, понимали, что смерть и кое-что похуже постоянно ходят рядом, неподалеку. И вот я впервые встретил женщину, которая жила на войне, знала все ее приметы и... понимала меня. Это понимание между нами было практически инстинктивным, не требующим слов. Научившись ценить то, что дает тебе судьба, легче потом относишься к тому, что она у тебя забирает. Поэтому такими яркими были те мгновения счастья. И так долго помнилось то хорошее, что происходило в эти редкие моменты, и приходило понимание – лучше уже не случится никогда. Возможно, потом, с другой женщиной, будет больше привязанности, расчет или уже привычка, но вот так уже не будет. Настоящее случилось только здесь и сейчас, а потом... Пыль и тлен. Но ни капли сожалений.

Легкий шорох вывел меня из состояния философической задумчивости, заставив мягко высвободиться из объятий подруги, и, прихватив с края тумбочки новое приобретение с навинченным «тихарем», я осторожно стал подниматься на первый этаж. Было тихо, и шорох повторился уже громче, звук шел из гостиной. Голый мужик с пистолетом – это уже неожиданность, поэтому я в полуприседе выглянул в проем так, что видна была вся комната. На ковре в центре комнаты стоял мой побратим.

То, что это был Охотник, не было никаких сомнений: фиолетовая шкура и дареный медальон на шее. Изменяющий заметил меня, и в мозг ударило волной эмоций (узнавание, насмешка, радость и некое волнение). Я опустил пистолет и чутко выдохнул.

– Что у вас за манера являться ночью, да еще в такие неподходящие моменты?

– Прости, Тридцать девятый. Время. Надо идти. Ты и я. Видящий Путь ждет. Сейчас. Торопись.

⁴⁰ Имеется в виду транспортно-боевой вертолет Ми-24П, наиболее распространенную модель вертолета поддержки во время проведения контртеррористической операции в Чечне.

⁴¹ БМП-3 – боевая машина пехоты нового поколения, отличается от предшественников новой конструктивной схемой расположения экипажа и десанта.

⁴² 2С3 «Акация» – 152-миллиметровая самоходная гаубица.

Это было странно. Видимо, некто, кто мог приказать моему, казалось, полностью автономному побратиму, тоже возымел желание побеседовать.

– Даша уходит на рассвете, а под вечер придут люди. Без обид, но времени в обрез. Как далеко место встречи?

– Нет расстояния. Есть проход, дыра. Войдем – река времени остановится, выйдем – и будет как раньше – волнение, беспокойство и... страх – вот что передал мне Охотник. Чтобы заставить волноваться такое существо, как эта машина для убийства, нужно сильно постараться. – Ты должен выстоять, Тридцать девятый. Нет победы – нет нас обоих.

– Дай оденусь, и пошли. Попробуют убить, будем драться. Вместе.

– Вместе (тепло, радость, сожаление). Ты поймешь. Нет битвы этим. – Изменяющий поднял перед собой руку, выпустил и убрал лезвия когтей. – Есть битва здесь. – Он поочередно прижал руку сначала к сердцу, а затем к голове. – Оружие оставь. Не поможет.

– Вопросов нет. Дай мне пять минут.

Одевшись в приготовленный с вечера легкий комбез, я все равно спрятал нож в шовной нише левого рукава. Ритуалы ритуалами, но страховка не повредит. Дар я всегда носил с собой, и поэтому его присутствие в нательном, специально сшитом кожаном мешочке даже не обсуждалось. Когда я дал понять, что готов, Охотник разжал левую ладонь и резко подбросил к потолку некий искрящийся предмет, похожий на начищенную до блеска десятирублевую монету. Затем, протянув другую руку, прижал меня к себе. Что-то хлопнуло негромко, и на нас с потолка стала осыпаться белесая, светящаяся пыль. Получалось нечто вроде кокона, внутри которого мы с побратимом оказались. Свет померк, все стало молочно-белым, словно плотный осенний туман. Повеяло холодом, потом стало невыносимо жарко и нечем дышать. Я отрубился.

Через мгновение, как мне показалось, я уже снова стоял на ногах. Мы перенеслись в какую-то пещеру с высокими сводами. Охотник придерживал меня под руку. Он повел за собой по широкому тоннелю, плавно уходящему под землю. Проход был довольно широким: в ряд могло пройти человека три в одну сторону. Скальная порода была того же цвета, что и шкура Охотника, поэтому тот мог просто прислониться к стене и перестать быть видимым. Скорее всего, место, где мы оказались, было на большой глубине – периодически начинало звенеть в ушах. Метров семьдесят или сто.

Наконец тоннель закончился и мы оказались на пороге большого зала. Это было квадратное помещение, вырубленное в скале, с абсолютно гладкими стенами и четкими гранями углов. В центре зала лежал плоский, полуметровой высоты широкий камень, на котором можно было сидеть. Точно такие же, но длинные, метров по пятнадцать, скамьи располагались вдоль западной и восточной стен зала.

Как только мы с побратимом переступили порог помещения, появился свет. Причем он именно появился: сначала мягким, сиреневым светом замерцали стены и потолок, а затем полумрак превратился в... описать это трудно, но скальная порода как бы сама излучала это мягкое, ровное свечение. Все предметы обрели четкость, но вместе с тем свет чуть скрадывал их очертания. Такое сочетание четкого и нечеткого давало чувство, которое испытываешь во сне. Вроде точно знаешь, что спишь, но в то же время ощущения полностью реальны: все можно потрогать и почувствовать. Мы прошли к центру помещения, оказавшись точно напротив плоского камня, на котором мог сидеть только один человек, но габаритами он должен был обладать, как у двух Изменяющих, если судить по моему побратиму. Может, это был алтарь, а может, и еще что-то. Охотник передал мне сигнал остановиться и ждать. Театрального эффекта не было: прямо из воздуха начали появляться кровохлебы – один, второй, третий... Всего их вышло пятнадцать. Ростом они все были примерно как и мой побратим, но различались по оттенку кожи. Некоторые были темнее, некоторые светлее Охотника. Но вот потом случилось то, что потрясло меня окончательно: когда все уселись по обе стороны вдоль стен, в зал вошел, тоже прямо из воздуха, самый большой кровохлеб в этом мире. По крайней мере, об экземплярах трехметрового роста я нигде не читал. От существа исходила мощная волна уверенности, силы и... усталости. Пройдя к плоскому

камню, опираясь на чуть ли не четырехметровый посох, гигант сел. Посох был из материала, с виду похожего на голубовато-черную сталь. Один его конец венчала небольшая сфера, а вот основание было острым, как наконечник копья. Внешне эта штука напоминала бивень морского кита-нарвала. Существо подало некий сигнал, и мой побратим наклонил голову и сделал мне знак повторить этот жест. После этого он отступил на два шага, и мы с Видящим Путь (это точно был он) оказались один на один.

– Мы видим тебя, Тридцать девятый. Мы видим того, кто называется братом нашего брата.

Слова эти прозвучали не у меня в голове, Видящий произносил звуки, речь его была более похожа на человеческую, нежели речь побратима, чуть правильнее и связаннее что ли. При этом Видящий транслировал эмоциональную окраску своих слов, чтобы их смысл в точности доходил до меня.

– Нужно сказать, зачем я позвал тебя, человек. Прежде всего благодарю, что спас нашего брата. Такое будут помнить, пока жив последний из нас (*признательность, толика удивления, уважение*).

– Охотник, скорее всего, сам бы справился.

– Нет! Он поддался порыву. Пошел мстить, не рассчитав сил. Мозгоеды ждали его и еще двух наших братьев. К счастью, Охотник одумался. Дал остальным уйти, уводя мозгоеда и его свиту за собой, и непременно бы погиб (*сожаление, отголоски ярости и досады*). Ты, хотя это и не в особенностях вашего народа, ответил на Зов, услышав его (*удивление, задумчивость*). Вступил в неравный бой, скорее от незнания, нежели из храбрости (*добрая насмешка, гордость*). Охотник остался один из своей семьи. По нашим традициям, он должен был уйти. Но ты снова предложил ему помощь, назвав братом. Вы стали семьей, и Охотник снова получит право быть в племени, если ты пройдешь второе испытание (*ожидание, надежда, сомнение*).

– Почему второе?

– Первое уже пройдено: мозгоеду и Чужому не удалось сжечь тебя и поработить (удивление). Ты сделал это почти сам, Дар только чуть-чуть прикрыл твой разум в последние, критические моменты схваток (гордость). Теперь твою участь и участь Охотника решит поединок. Один из них придет сюда, и вы будете драться.

– Кто это?

– Мозгоед, истребивший семью Охотника. Ему дозволен Круг Арбитра. Вы двое и мозгоед со своим собратом. Кто кого подчинит, тот и уйдет из Круга. Проигравший будет выпит.

– У мозгоедов есть имена, прозвища?

– Нет. Они как одно существо – разум един, своей личности почти нет. Что знает один из них, то известно и остальным. Расстояний для мозгоедов не существует, они всегда вместе. Но ходят чаще парами. Прийти в Круг парой – это почти ничего не значит для пожирателей мозгов: просто они всегда слишком самоуверенны. И, кроме того, по-другому им до вас не добраться, им это хорошо известно (*удовлетворение, гордость*).

– В чем суть поединка?

– Вы войдете в круг и будете нападать. Но это будет только битва разума – так гласят правила Арбитра. Тот, кому бросили вызов, сражается оружием, предложенным ему вызывающей стороной, дабы доказать свое явное преимущество и силу.

– Иными словами, мозгоеда нужно превзойти в его же искусстве, иначе бой не допускается?

– Ты все верно понял, Тридцать девятый. Нет доблести в турнирном бою, если твое оружие совершеннее, а сам ты ничто без него. Возьми оружие врага. Овладей им и победи. Тогда в десять раз увеличится твоя сила в бою обычном. Таков закон племени Изменяющих. Итак, я спрашиваю тебя, Антон Васильев, старший прапорщик, позывной «Тридцать девятый», ты встанешь плечом к плечу с братом и сразишься в Круге Арбитра?

– Да.

– Твердость и мужество (*удовлетворение*). – Видящий повернулся к остальным, сидящим по обе стороны кровохлебам, намеренно говоря вслух, не пользуясь мыслеречью: – Перед нами необычный претендент. Он не был рожден в племени, его не обучал Ведающий искусство Охоты, но я считаю, что этот человек достоин схватки. Что думаете вы?

Промедлив не более пяти секунд, один за другим кровохлебы стали подниматься со своих мест. Каждый из них прошел мимо меня и, в зависимости от решения, смотрел на Видящего Путь. Потом все они снова заняли свои места на скамьях. Видящий снова заговорил:

– Двенадцать из пятнадцати сильнейших Охотников племени Изменяющих сочли тебя достойным, Тридцать девятый. Мой голос будет тринадцатым. Тринадцать – число темноты, когда все зависит от нитей вероятности и от самого испытуемого. Будущее твое темно, но и сила не мала. Сегодня будет бой. Пусть победа будет за достойным.

– Мне все понятно. Драться так драться.

А что вы хотели? Ситуация получилась пикантная, но выйти из нее можно было только одним способом – победить мозгоедов. Уверенности в том, что это получится, конечно, полной не было. Но с учетом, что я буду в паре с побратимом, шанс оставался. В книжках герою открывают некий секрет и у него все получается само собой. В реальности все несколько иначе.

Как сказал старый кровохлеб, все, что нужно, я знал и умел, осталось только правильно это применить. Так, нужно вспомнить свои ощущения там, на болоте. Прежде всего раскрыться и пропустить боль через себя, принять ее, как тяжелый, но вполне подъемный вес. Это прояснит мозги и позволит более-менее четко мыслить. Затем вспомнить ощущения возле портала. Тогда я пытался обращаться к непонятному мне, теплому по ощущениям предмету. Это был Дар. Ну-ка попробуем... Дар тут же отозвался, тело окатила волна живительного тепла, усталость и туман в голове исчезли. Сил ощутимо прибавилось. Значит, это резерв. Но вот как подчинить мозгоеда?... Ответ пришел от побратима:

– Нападай. Верни боль. Направь пожирателю мозгов его силу в ответ. Потом прикажи. Вырывается – снова пошли боль и снова прикажи. Так все время.

– Спасибо, брат. Ну, когда будем драться?

– Скоро. Они уже здесь. Чувствуешь?

Переключившись на ощущения, я действительно ощутил всех: племя, моего побратима, старого, как черт знает кто, Видящего Путь и нечто иное. Будто попал рукой в куль с гнилой картошкой: жижа и вонь. Сотни, тысячи загубленных жизней... Страх, желание поквитаться, ненависть ко мне и Охотнику. В северном конце зала появились две закутанные в пылевики низкорослые фигуры. Противники.

Неожиданно все вокруг подернулось непроницаемой белесой пеленой. Через пару секунд дымка рассеялась и мы с Охотником и мозгоедами очутились на небольшом, примерно десять на десять метров пятачке, напоминающем по форме правильный круг. Границами этого своеобразного ринга были огненные аномалии – «жарки». Факелы чистого, оранжевого пламени поднимались на шестиметровую высоту, но ни тепла, ни каких-либо звуков аномалии не издавали. Все было понятно и так: кто выйдет за пределы круга – прогорит до пепла. Мы встали друг против друга, мозгоеды откинули капюшоны, скрывавшие их лица. Ничего особенного: уродливые, шелушащиеся от радиации лица, белесые глазки да узкие, безгубые рты.

– Начинайте! – Голос Видящего донесся, казалось, со всех сторон.

Одновременно с этим нахлынула жуткая боль. На грани потери сознания. Держаться... Принять волнами накатывающее безумие. Рядом чувствую ответный удар. Охотник вступил в поединок с более сильным соперником. Холодная ярость, жажда мести и радость битвы – вот что слышалось в ответном отголоске боли и ужаса, посылаемых моим братом навстречу потоку волны безумия, исходящей от старшего мозгоеда.

Волна боли и ужаса прошла, и появилось ощущение некоего сгустка энергии, до которого я мог дотронуться и... Я собрал всю свою ярость, вспомнил то, что говорил

Охотник, и ответная волна пошла от меня к противнику. Резкий крик боли, переходящий в визг, стал ответом, давление на психику исчезло. Мой визави не ожидал удара от человека: оба мозгоеда сконцентрировались на атаке Охотника, походя придавив меня чем-то вроде ментальной оплеухи. Они думали, что, подобно им самим, Охотник использует меня как источник силы, резерв. Не восприняв человека как полноценного бойца, мозгоеды просчитались.

Тактика врага тут же изменилась. Теперь уже большая часть их усилий была направлена на то, чтобы сломить волю более слабого противника, раздавить его. Боль и паника превратились из тоненького ручейка в глубокий океан. Я почувствовал, что падаю на колени. Предприняв отчаянное усилие, мне удалось дотянуться до Дара. Живительный поток силы снова наполнил тело и разум жизнью и энергией. Вот почему артефакт так хорошо впитывает радиацию, а кровохлебы не боятся излучения. Оно дает им силы не хуже какого-нибудь сочного кабанчика. Медленно, преодолевая боль, удалось встать на ноги и отправить ответную волну в источник боли и ужаса, щедрыми потоками изливающихся на меня.

Я почувствовал, как чья-то рука, ухватив меня под правый локоть, удерживает от падения. Охотник прикрыл снова: мощный, яростный поток энергии устремился в сторону двух грязно-коричневых пятен. Из-за тумана, застывшего мне глаза, все вокруг было размыто. Снова послышался высокий, скрипучий визг мозгоеда. Напарник более старшего мозгоеда уже слабел, впрочем, как и я. Собрав все силы, мне удалось сконцентрироваться и послать сгусток паники в мозг твари. Получилось: мозгоед запаниковал. Его защита рухнула, и мой побратим тут же ударил в образовавшуюся брешь. Дикий, разрывающий перепонки крик прорезал тишину пещеры, где проходил наш почти безмолвный поединок. Боль ослабла, один из мозгоедов рухнул на пол. Но второй с удвоенной силой начал атаку, и тогда мне вспомнилась фраза Видящего Путь о победе врага его же оружием.

Собравшись с силами и зачерпнув энергию из почти опустевшего Дара, я решился на отчаянный ход: проникнуть в сознание упавшего мозгоеда. Мерзкая тварь была еще жива, хотя мозг ее уже был сожжен. Устремившись внутренним взором к поверженному противнику, прилагая дичайшие усилия, прорвался внутрь его сознания. Все окружающее вдруг потеряло свои цвета, поменяв их на всевозможные оттенки красного. Я понял, что получил контроль над сознанием и телом поверженного мозгоеда. Заставил его повернуть голову: ничего нет подходящего... Справа тоже ничего... Посмотрел на когтистые, тоненькие, но жилистые руки мозгоеда и, заставив его подняться, вцепился ими в горло старшего нападающей пары. Тот даже вздрогнул от неожиданности. Отчего и пропустил мощный удар Охотника.

Было понятно, что задушить мозгоеда вряд ли получится. Но вот отвлечь вполне возможно.

– Бей!.. Со всей силы бей его!.. – это я крикнул, но на самом деле только прошипел сквозь зубы. Кровь уже не переставая струилась из носа, пот градом катился со лба, слезы и выедавая глаза.

Охотник услышал и, рыкнув нечто нечленораздельное, замолчал, но оставшийся мозгоед завизжал в голос. Я же все сильнее сжимал руки на его горле, попутно заставляя подконтрольное тело вцепиться в шею главного мозгоеда и грызть его тонкую кожу мелкими острыми зубами, добираясь до кровеносных артерий. Черная жижа брызнула в лицо марионетки, а я перестал что-либо различать. Неожиданно все прекратилось: красный свет исчез, навалилась темнота.

Очнулся я все в том же зале с фиолетовыми стенами. Но на сей раз обнаружил себя сидящим на одной из скамей у восточной стены. Рядом, по правую руку, сидел Охотник, а слева – еще один кровохлеб, чья шкура была покрыта тонким узором застарелых шрамов. Ощущения были ниже среднего, как после серьезной контузии. Силы постепенно возвращались, но хуже, чем сейчас, мне еще никогда не было.

– Испытание пройдено. – Это заговорил Видящий Путь. – Тридцать девятый, теперь ты стал частью племени Изменяющих. Но знай: мы, свободные охотники, полагаемся только на

свои силы и силы своей семьи. Нам чужда стадность. Поэтому нас осталось так мало. Собрания, подобные этому, – редкое исключение, такое случается не часто. Рассчитывать ты можешь только на себя и своего брата. Мы помогаем, если опасность угрожает Пути племени или если месть не может свершиться по причине смерти всех братьев семьи. Помни то, чему научился, и будь готов принять вызов или ответить на призыв Общего сбора. Теперь же ты вернешься туда, откуда был взят. Раны твои затянутся, но приобретенное знание и обретенная семья будут с тобой всегда (гордость, одобрение, надежда). Твой брат скажет то, что нужно сказать, но это уже только ваше дело. Мы приветствуем тебя, Тридцать девятый, ты – Охотник Изменяющий. Внутри племени мы будем звать тебя так. Любое существо на Осколке будет знать, кто ты теперь, и по-своему будет проверять, достойно ли тебя полученное сегодня звание. Прощай, мы увидимся в свое время. Сейчас же линии вероятности расходятся, возвращайся в свой дом.

Все снова померкло перед моими глазами, и я очутился в башне, где и рухнул бы на пол, не подхвати Охотник меня под руки. Взяв мою правую руку, побратим сделал небольшой надрез на бицепсе и впрыснул свою слюну. Обожгло холодом, по телу разлилось онемение и слабость.

– Час. Потом будешь как раньше. Молчи. Слушай. Часто захват делать нельзя – ты человек. Слабее Охотника, можешь умереть. Если пришлось – пей воду, очищенную Даром. Все пройдет. Быстро. Но надо отдыхать. Часто. Людей можешь читать так. Смотри, пошли Волну. Не сильно – люди глухие. Не чувствуют. Измененные – чувствуют. Осторожно с ними. Но ты сильнее. Будут знать. Остерегутся обмануть. Мозгоеды будут охотиться. Стерегись «серых плащей». Сильные мозгоеды – будут нападать. Если больше одного – зови. Сам с двумя не сражайся. Тогда я снова один. Тогда уйду совсем (сожаление). Серых предателей не бойся: прочитают метку – будут побегать. Попытаются напасть два или три – законная добыча, справишься сам. Шли Волну на всех. Хватит. Потом стреляй, не смогут сопротивляться. Потом – отдых и вода. Но серые – трусы. Не нападут, затаятся. Тоже почувствуешь. Бойся пустотелых и их хозяина. Близко к... В_ы_ж_и_г_а_т_е_л_ь (длинное и незнакомое слово далось кровохлебу с трудом) не ходи. Защиты нет. Другие места – можно. Хорошая охота всегда. Теперь пора. Наша охота еще впереди. Пока – сам. Солнышко – хорошая (теплота). Подарок ей. – Побратим протянул мне на ладони маленького котенка, тот не пищал, только смотрел на меня серебряными глазами. Это был «чернобыльский кот» – опасная, по слухам, тварь, тоже умеющая выжигать мозг всякой мелочи вроде крыс и тушканов – Не бойся. Это друг. Поможет ей, предупредит, если беда. Ест сам. Спит где хочет. Друзей защищает своей жизнью.

Котенок посмотрел на меня еще раз и... Я почувствовал мысленный контакт. Зверек согласился быть моим другом и присмотреть за Дашей. Мявкнув, спрыгнул с ладони Охотника и убежал в подвал. Там, как я чувствовал, начала просыпаться подруга. Поединок изменил меня. Нет, конечно, кожа не посинела, глаза были того же цвета, что и раньше, но изменилось нечто в восприятии. Я мог чувствовать всех, кто проходил в пяти метрах от башни, всех, кто внутри. Причем именно чувствовать. Все эти басни про чтение мыслей оказались неверны. Точные фразы и конкретные слова я читать не мог, а вот настроение, мыслеобразы, приходящие в виде разной четкости картин, – это да, это получалось. Интуиция у меня и раньше была неплохо натренирована многочисленными ситуациями на войне. Но раньше это было как далекий шепот, который в гуле толпы не всегда и расслышишь, скорее почувствуешь. Теперь это было совершенно доступное состояние, потянься к которому – и все станет более-менее читаемо. Даже крыс я чувствовал, спешно покидающих неизвестные мне доселе норы в подвале. Живучие твари почуяли кота и решили не рисковать.

Как и обещал Охотник, «клофелин отпустил» через час. Чувствовал я себя разбитым, но теперешнее состояние не шло ни в какое сравнение с тем, что было сразу после поединка.

Из подвала послышались шаги, потом с котенком на руках появилась Даша. Зверь был серый, в черную полоску и с виду от обычного кота ничем, кроме глаз, не отличался. Уютно

устроившись у девушки на руках, он подхалимски мурчал.

– Васильев, как он здесь очутился? Даже запаха кошачьего нет. Славный... Твой?

– Нет. Это тебе в подарок прислал мой побратим Охотник. Он сказал, что этот кот немного не такой, как все. Сказал, что тебе должно пригодиться то, что этот зверь умеет. А что он умеет, я не знаю. Возьми его с собой. Охотник сказал, что это важно.

– Мрр.

Котенок потерся мордочкой о Дашину грудь. Я почувствовал, что он посылает мне образ солнечного зайчика, быстро прыгающего по дощатому полу. Кот хотел сказать свое имя.

– Его зовут Солнечный зайчик.

– Длинно, но забавно. Пусть будет так. Я в душ. А потом вещи паковать. – Присмотревшись ко мне, Даша подозрительно прищурилась: – Я буду меньше на тебя наседать, Васильев, всего два дня прошло, а ты уже на привидение похож.

– Укатала старика.

– Вот еще, старик нашелся! Бегать надо по утрам и витамины есть.

– Угу, виагру. Да я все время бегаю, прыгаю и поднимаю тяжести. С физнагрузками у меня все в порядке.

– Тапком кину, не нарывайся лучше. Просто поменьше шарься по всяким подвалам да...

Досказать я ей не дал. Подошел и, обняв, крепко поцеловал. Кот спрыгнул на пол и принялся вылизываться. Высвободившись из моего захвата с явной неохотой, подруга добавила, уже спускаясь в подвал:

– Рот он мне заткнул! Старый... Укатала... Вот посажу на диету...

Я посмотрел на свой комбез и понял, что белье и картриджи-поглотители надо менять. Несло от меня козлиным духом невыносимо. Будто в баню в полной выкладке ходил. Вот этим-то полезным делом я и занимался, попутно кумекая над снаряжением для рейда. Нужна была хорошая радиостанция. Я планировал на базе комплекса типа «Акведука» собрать систему, совместимую с ПДА. Цифровая карта с наложенной на нее сеткой радиоперехватов поможет отряду свободнее маневрировать и четче выполнять приказы. Следовало подумать над шифратором и поискать программы декодеров рабочих частот местных группировок. У Тары это должно быть: кредит алхимиков позволял мне заказать ему все, что нужно. Единственным неудобством было то, что парни Якоба экипированы на западный манер и в боестолкновении будет непросто отличить на звук своих от чужих. Но у меня была задумка заказать им всем фирменные «тихари». Тогда звука не будет совсем. Остается только несовместимость б/к, но с этим проблем быть не должно. Разберемся.

Сборы вместе с завтраком заняли около часа. Даша приготовила омлет с консервированными грибами, сама напилась кофе, а я по старой привычке побаловался чайком. Кот заявился точно к столу. Притащил крысу, которую запивал консервированным же молоком из банки, налитым специально для него в алюминиевую миску. Ели молча, но мысли были общими: и ей, и мне не хотелось расставаться. Только причины были у каждого свои. Меня больше волновали те неприятности, которые могли подстергать подругу в ее походе с караваном. Знал, конечно, что все это ерунда, ведь Даша стала лучше стрелять и кое-что в бою сумеет показать. Тревога за близкого человека – штука иррациональная, мало зависящая от конкретики и фактического положения вещей. Мысли подруги были написаны у нее на лице аршинными буквами: ей страшно хотелось пойти со мной, быть рядом. Не из кровожадности и азарта, а лишь по причине глубокой привязанности. Высокие слова типа «любовь», «страсть» я произносить зарекался еще со времени последней женитьбы. Каждый раз, как доводилось произносить нечто подобное, чувств это не выражало, скорее опошляло их. Потом помыли посуду, каждый раз как бы невзначай касаясь друг друга, что было проявлением невыразимого словами чувства печали.

К западному блокпосту мы вышли вместе, а потом Даша в последний раз прикоснулась губами к моей чисто выбритой щеке и, не оглядываясь, пошла вслед за выючными лошадьми,

принадлежавшими караванщику. Караван состоял из пяти подвод с возчиками, трех вьючных лошадей, видимо с грузом для Лесника, да десятка «альфовцев», выполнявших функции охраны. Они водили караваны на Малый кордон. Огибая зоны враждебных группировок с северо-запада, тропа проходила частью по дикой территории, частью по окраинам Могильника. На пути было оборудовано несколько пунктов отдыха – держали их мелкие группировки «вольняг», взимающие с караванов небольшую плату за постой, а заодно затаривались всем необходимым, делая караванщикам заказы на те или иные припасы и снаряжение. Выгодно было всем: путешественники получали сравнительно безопасное место для ночлега и отдыха, а «вольняги» могли особо не напрягаться по поводу снабжения. Банды мародеров обычно пытались устраивать засады неподалеку от таких стоянок, но старатели постоянно патрулировали прилегающую местность и стычки с бандами происходили редко.

Прощальных слов не было, в нашем ремесле прощаться, желать удачи и, как тут некоторые придурки вечно голосят, «чистого неба», не стоит. Наоборот, кроме обычного «бывай», лучше ничего не говорить. Удача в подобных местах играет не последнюю скрипку, поэтому, пожелав ее на словах, вполне можно спугнуть эту капризную даму. Чистое небо я, как разведчик, тоже не приветствую по весьма очевидным причинам. Для моей работы предпочтительнее дождь, слякоть и холодрыга, когда врагу есть о чем подумать, кроме приятного осмотра окрестностей под ласковый, теплый ветерок и яркое солнышко, и сектора просматриваются аж на всю глубину. Я так вообще солнце не жалую, потому что вспышкой осветительной ракеты, пущенной пьяным «контрабасом»⁴³ в угол комнаты отдыха, мне серьезно подпалило лицо. С тех пор я очень не люблю синее небо и яркое солнце. Дело здесь не в какой-то травме, просто не люблю, и все тут.

Дождавшись, когда Дашин караван скрылся за поворотом тропы, помеченной вешками после последней Волны, я направился в сторону «супермаркета» Тары, хотя это слово можно произносить и без кавычек: гигант местной спекуляции действительно развернулся в Зоне шире всех остальных. Само собой, были в этом и минусы: если, скажем, у Одессита можно найти нечто особенное, нигде более не встречающееся, то Тара ориентировался скорее на оптовиков, и товар у него был массовый, редкостей лучше было не спрашивать. Зато в плане последних новинок именно массового производства, будь то новейшие системы связи, боевые стрелковые комплексы, средства защиты и прочее, выбору в его подвале могли позавидовать армии в некоторых европейских странах. А за качеством торговец следил особенно тщательно, потому что жил в месте, где рекламации на бракованный или некондиционный товар могут последовать в весьма резкой форме, причем со смертельными для продавца последствиями.

Предстоявшая операция была чистой воды авантюрой, на которую без определенного рода давления я бы ни за какие пряники не подписался. Слишком мало информации по противнику, и ни минуты времени на выработку подходящего плана действий. Единственный плюс – отсутствие проблем со снабжением, что непременно следует использовать по максимуму. Если рассуждать здраво, то помочь в проведении рискованной, сверх всяких пределов, акции могло только четкое понимание обстановки. Спутники в этом «заколдованном королевстве» ничем помочь не могли, поэтому я придумал нечто уже виденное как-то раз. Если совместить трансивер «Акведука» с нашими ПДА, можно получать четкий рисунок обстановки, а в случае облавы появлялся реальный шанс сманеврировать на местности и уйти от преследования. Более того, можно включиться в радиоигру и сбить преследователей с толку. Преимущества трансивера были очевидны только для группы: лично мне вполне хватало семидесяти метров, которые обеспечивал довольно точный сканер ПДА. Но все поменяется, если придется, как раньше, выходить в рейд группой. Резко снизятся возможности к маневрированию и увеличится риск

⁴³ «Контрабасы» – презрительное название части военнослужащих-контрактников в войсках РФ. Применялось к личностям, замеченным в мародерстве, глупости или предательстве.

обнаружения противником. Но одному или тройкой идти тоже неприемлемо: в полноценной группе при обнаружении велик шанс отбиться и выполнить поручение, а втроем... Если засветимся, то «груз» придется бросить и будет кисло. И именно в группе есть возможность заполучить радиста. Андрон на эту роль вполне подходил. Таким образом, диапазон уверенного определения целей увеличится до пятикилометровой зоны, и, кто бы чего ни сказал, мы будем об этом знать. Кроме того, узел управления будет под полным моим контролем и в случае, если братья-подельнички из группы Буревестника задумают соскочить или что-либо переиграть, то останутся без связи. Замкну управление отрядом на себя, чисто проведу акцию – и разбежимся.

План был прост: пройдя внутрь периметра духовского лагеря, зачистить всех потихому, уничтожить следы пребывания «факелом» и постараться уйти с заложником как можно дальше. Нет гарантий, что духов уже не стало сорок или пятьдесят человек как минимум. Увидев фейерверк и поняв, что случилось, они непременно устроят погоню. И вот тут я за расклад не поручусь. Мы с Нордом и Буревестник со своими парнями в Зоне люди новые. Духи тоже не старожилы. Но болота они изучили лучше нас – это факт. Тихон как проводник становился незаменимым звеном. Почти ключом к успеху акции. Но... ставка на одну фигуру – это проигрыш. Поэтому нам нужны были «уши», чтобы сопоставлять информацию проводника со своими действиями. Нет гарантии, что Тихон не использует нас в каких-то своих целях. Не случайно этот хитрый бомжара будет находиться рядом со мной. Так гораздо меньше шансов нарваться на сюрприз. Во всем нужен контроль.

Пока я шел к «супермаркету», поступил входящий вызов по закрытому каналу от Норда. Свернув на пустырь за каким-то промышленным зданием, занятым под ночлежку и склад продовольствия, я отжал тангенту и ответил:

- Что у тебя, Второй?
- Вышел в точку «рандеву», точки проверены. «Зеленый» по квадратам.
- Отлично. Как там новичок?
- Парень знает все кругом лучше меня, сильно помог. Просится к нам в группу, если отец разрешит.
- Добро. Отправляй его на базу, сам остаешься с проводником. Присматривай за ним, но без враждебности. Помни второе правило.
- Доверяй, но не расслабляйся. Понял, все сделаю.
- Время встречи по основному варианту, ожидайте там.
- Понял. Отключаюсь.
- Отбой связи.

Андрон будет здесь к часу ночи завтрашнего дня. Группе представлю его позже, а пока следует затариться электроникой. Каламбур, однако: затариться у Тары. Выйдя снова на дорогу, подумал о том, что взять – наш «Акведук» или нечто импортное, вроде амеровского «Айкома», принятого на вооружение совсем недавно? Вроде все стандартно по набору функций, кроме того, есть возможность подключить ПДА. Посмотрим, что он предложит.

Тара принимал меня не сам, на этот раз я попал на верткого парня совершенно непримечательной внешности. Тот выслушал мою просьбу и предложил на выбор как наши, российские, «Акведуки», так и амеровские армейские комплекты «Military Bundle» на базе радиостанции IC-F43GS. Парень бесцветным голосом заметил, что «американская байда удобнее, но русский лучше переносит условия кипеша». Поэтому мы с ним остановились на «Акведук» с замененной амеровской, более удобной гарнитурой «свободные руки». Ларингофонная схема позволяла регулировать голосовую активацию рации, не пользуясь руками, а миниатюрный наушник почти не мешал восприятию звуков окружения. Наши подобные устройства были чуть топорнее и часто выходили из строя: банально перетерлись провода (а импортные были кевларовыми). В остальном я решил поддержать отечественного производителя, учитывая, что комплекс хорошо себя показал в экстремальных условиях.

Вернувшись в башню, сразу принялся за подключение, и вот на руках у меня было девять комплектов радиостанций и один относительно небольшой «короб» трансивера.

Весил он около четырех с половиной кило, поэтому таскать его было не так обременительно. Выделив основной и пару резервных каналов, зафиксировал рабочие частоты и частоты сканирования. Синхронизировал трансивер со своим ПДА – удалось добиться передачи данных на его мини-карту, где тут же отобразились все точки шифрованного радиообмена и точно показался район последнего контакта с Нордом. Хитрый латыш вышел от точки «рандеву» километров на пять и только после этого начал разговор. Если кто-то заинтересуется, пусть ищет неприятности на свою пятую точку. Для встречи с наемниками все было готово, оставалось только подождать несколько часов.

Снова заработал ПДА, пришло сообщение от Норда, но это была карта примерного расположения секретов и расписание смен мобильных патрулей на духовской базе. Всего строений было шесть, и расположены они были грамотно: по периметру островка таким образом, чтобы смешиваться с низкорослым кустарником и затруднить обнаружение с воздуха и возвышенностей. Судя по всему, это были обычные двенадцатиместные палатки. Обложенные срезанным кустарником и затянутые маскировочной сетью, они вполне подходили в качестве укрытия от наблюдения. Но от Волны спасти не могли. Можно предположить, что на время данного неприятного явления боевики покидают лагерь и ищут убежища в Могильнике. Подвалов и всяких заброшенных коллекторов там – пряться не хочу. Имелось и еще одно сооружение в северо-восточной части острова, напоминавшее клетку. Там наверняка держали «бычков», не думаю, что алхимика будут так открыто демонстрировать всем желающим. Скорее как обычно: потеснили кого-то из младших братьев и засунули пленника с глаз долой. Болотистая местность не располагает к рытью зинданов, поэтому думается: это клетка для простых рабов. А парня держат в палатке, слишком уж ценен пока алхимик для духов.

Отсутствие убежища от Волны настораживало все больше. Срочно вызвал Норда:

– Второй, на связь. Ответь Тридцать девятому.

– Слушаю. Здесь Второй.

– Опроси проводника, уверен ли он, что на схеме указано все, что нужно. Нет ли укрытия от Волны где-либо поблизости от «места встречи»?

– Сейчас выясню. – Треск статики был почти не слышен: двойная обработка сигнала – это что-то. Через пару секунд Норд снова вышел в эфир: – Нет, он уверен, что в квадрате нет строений больше.

– Следи за ним, Второй. Отбой, все по плану.

– Отключаюсь, отбой связи.

Еще одно «белое пятно». Задание, и раньше казавшееся сложным, сейчас все более походило на ловко расставленные сети. Хорошо, допустим, что меня хотят вывести из игры, но почему столь дорогостоящим способом? Граната в окно или пуля в затылок – это логичнее и дешевле. Что-то я упускаю, но на сей раз упускаемое не лежит на поверхности: большая часть головоломки пока скрыта и недоступна для анализа. Меры предосторожности приняты, пути отхода и планы маневров продуманы. Теперь все решится в действии, именно действие сможет вскрыть замысел противника. Иногда размышления уже ничего не дают.

Себя как цель акции я исключил сразу – масштаб не тот. Значит, это мой «груз». По каким-то причинам алхимикам невыгодно, чтобы духи начали резать заложника на куски. Все яснее и вероятнее становилась версия, что в чемодане, который я должен передать пленнику, лежит нечто, способное решить все вопросы с пленником, и со мной, и с бойцами Буревестника. Эта мысль уже второй раз напрашивалась как нечто самоочевидное. Но это только вероятный сценарий...

Значит, решено: подстрахуемся и с этой стороны, не станем сразу отдавать чемоданчик и даже упоминать о нем не будем. Если все, что я про алхимиков слышал, верно, то жизнь они ценят не слишком дешево и возможно, если убедить пленника не распылять всех на атомы, то условия контракта будут соблюдены. В крайнем случае, его можно будет ликвидировать. Скажу, что скончался от счастья, не вынес разлуки, а чемодан можно и вернуть.

Снова последовал вызов на резервной частоте. На этот раз сам Буревестник объявил, что они уже у внешнего блокпоста «Альфы». Только из-за новых правил их пока держат в предбаннике, пробивая личности по базе данных. Снова с уважением подумал про Василя. Особист старался, как мог, и скоро агентам других кланов придется серьезно пересмотреть свое отношение к легкодоступности территории «альфовцев». Рейды с собаками и укрепление узловых точек обороны медленно, но верно давали свои результаты. Стрельба и разборки внутри периметра совсем прекратились, пьянь не шаталась по улицам, а драки стали достоянием Арены.

Наконец Якоб дал знать, что через двадцать минут он и пятеро его бойцов будут в баре. Я стал собираться, прихватив схему предстоящей операции и аванс для всей группы. Наемники должны увидеть деньги и понять, что я веду их не на смерть, а к прибыли, и поэтому меня выгоднее слушаться, тем более, что показать им я намерен солидный куш, который ждет их в одной из палаток духов. Другое дело, что помогать тащить наркоту я им не стану: если захотят забрать, то это будет только их ноша – не моя.

Кобура с новым пистолем была несравнимо легче. Нарабатывая привычку, я старался приучить тело к новому ощущению, чтобы чувство дискомфорта от легкости оружия не мешало восприятию ситуации в боевой обстановке. Как отвлекающий фактор это было немаловажно.

В баре было многолюдно: под вечер собирались компании, еще не ходившие в рейд, громко что-то обсуждали или, наоборот, перешептывались те, кто только что вернулся с уловом и без него. Удача – штука капризная, везет не каждый день. Мои будущие подчиненные сидели на старом месте, в западном углу бара, в тени от потолочной балки, тянувшейся через весь зал. В карты никто не играл, все были предельно собраны и нервничали. Что же, общий фон вполне подходящий. Посмотрим, кого набрал Якоб себе в напарники. Серхио я уже знал; двое выглядели и говорили как соотечественники Зана; один то ли венгр, то ли румын, бритый наголо, плотный среднего роста мужик с обожженными руками (скорее всего, подрывник); пятый был русским – это я распознаю сразу, наших всегда узнаешь в любой толпе. Не могу сказать конкретно, по каким признакам, но сто к одному, что не ошибаюсь. Подойдя к столу, я кивнул всем, придвинул свободный табурет и начал знакомиться:

– Доброго всем вечера. Я – Антон, ваш командир в предстоящей операции. Предварительно с вами уже говорили. Кому-нибудь нужен переводчик или перейти на английский? – Никто не выразил желания, и я продолжил: – Дело непростое, но, если выгорит, сможете несколько лет ни в чем себе не отказывать, если опять же останетесь живы. Подумайте хорошо, прежде чем соглашаться. Когда разговор пойдет о деталях, отказываться будет поздно.

Приподнял опаленную руку только «румын», как я про себя окрестил наемника с обожженными руками. Говорил он по-русски чисто, с мягким неуловимым акцентом. Наверно или румын, или молдаванин.

– Якоб говорил только об оплате в двадцать тысяч евро каждому. Сейчас непростые времена. Сильно на эти деньги не пожирешь.

– Трофеи миссии оставляю вам. Поделите меж собой. Я не в доле. Поэтому хватит всем. Там, куда мы пойдем, есть что взять и не заморачиваться с правами собственности. Да и сбыт можно организовать прямо тут, оптом. Получите чистоганом и по домам – мечты осуществлять. Не пойдете же вы к Обелиску счастья просить, не даст – проверено на практике.

– Вопросов больше нет. Лично я согласен. – «Румын» расслабился и, откинувшись на табурете, подпер стену спиной, выпив сразу полкружки светлого пива.

– Тогда давайте знакомиться. Серхио я уже знаю. Как и его специальность. Ты хороший снайпер, только будь чуть наблюдательнее в карауле. Я сидел совсем рядом с тобой.

Лицо бородача стало бледным как пергамент, видимо, представил, как чуть было не

расстался с жизнью. Я повернулся к Буревестнику:

– Якоб, представь мне своих соотечественников и вот этого молчаливого парня из Рязани.

Тот, на кого я показал кивком головы, вздрогнул, но ничего не сказал, уставившись отрешенным взглядом в экран телевизора. Мой приятель усмехнулся и кивнул:

– Это Карл и Юрген, а тот, кого ты безошибочно назвал рязанским парнем, – Николай. Карл у нас мастер на все руки, штурмовик и специалист по тяжелому вооружению. Юрген просто хорошо и быстро стреляет из всего на свете, что может стрелять. А вот Николай у нас пулеметчик. Знает об этих машинках все и из КПВ как-то на спор попал в пикового туза со ста метров, хотя бил короткой очередью и карта вообще уцелеть не должна была. Михай, как ты догадался, подрывник. И, смею уверить, не хуже твоего Крота.

– Думаю, Крот бы не согласился с тобой, брат. Но это мы проверим. Теперь, раз возражений нет, предлагаю перейти к плану операции и подгонке снаряжения. Времени у нас около сорока часов на все это.

– М-мужики! А вы слышали историю про полтергейста, что в Мертвом годе живет? – Приват был нарушен плюхнувшимся возле меня пьяненьким мужиком, которого все звали Валера Брехун.

Этот персонаж курсировал между Кордоном и территорией «Альфы», не отваживаясь ходить дальше этих сравнительно безопасных мест. Брехун зарабатывал тем, что крепко приседал на уши новичкам или компостировал мозги заезжим писакам и тележурналиогам. Ходил Валера от костра к костру и от стола к столу, пока не надирался до безбожного состояния и не засыпал где придется. Оружие он свое пропивал, а ПМ никогда не был заряжен и вынимался владельцем из кобуры только для открывания пивных бутылок. Новенький, но в многочисленных винных и пивных пятнах комбез местного «сказителя» придавал ему на редкость непрезентабельный вид. А пятна блевотины и резкий запах мочи не оставлял случайным соседям «фольклориста Зоны» инвариантности поведения – либо выгнать Брехуна вон, либо слушать его бредовые побасенки и тупые анекдоты. Чаше ставили выпивку и выгоняли, но иногда, если дым стоял коромыслом на мероприятии, куда Валеру заносило попутным ветром, многие даже слушали и смеялись.

– В-вы чего?! – возопил Валера – Да меня по ящику показывали и... и... афф-ф... афтрографы брали. Я теперь типа звезда! Ик!

Тут Валера не врал, была одна история. Тогда старателю, подрядившемуся к какой-то журналистке в проводники, не заплатили за риск. Парень выдернул барышню с телевидения, чуть не попавшую в «Бегловку». Дамочка визжала и требовала новых опасностей. Парень разозлился. Привел журналистку на Кордон и в «Тошниловке» сплавил на руки Валере, бывшему тогда почти трезвым и выложившему телерепортерше весь свой репертуар. Слушала она Брехуна часа два, все записала и уехала в Беларусь, где под озвученные профессиональным актером Балерины бредни и наложенный поверх видеоряд окрестностей Свалки «создала» двухчасовой фильм. Шумиха была колоссальная. Журналистке дали кучу премий и, чуть чего, приглашали во все передачи, так или иначе освещавшие события в Зоне отчуждения. Потом она издала книгу, и к Валере пришла кратковременная слава. Потом, само собой, пошли опровержения, журналистку стали шельмовать. Но народ уже не переубедишь. А Брехуна пару раз действительно показали по украинским и российским каналам. Но только мельком, потому что он на щедрые подношения почитателей пьянствовал месяц напролет и чаще дрых, бормоча нечто несуразное. Потом все как-то утихло, слава ушла, но Валера по старой памяти так и шлялся по маршруту Кордон – Свалка – «Приют старателя», перебиваясь случайными подачками. Где он раздобыл новый комбез, ума не приложу.

От назойливого болтуна нужно было тихо избавиться. Наемники уже напряглись, Николай как бы невзначай сместился чуть ближе к пьянчуге, намереваясь выкинуть его из-за стола. Многие в баре были уже навеселе, и пролетающий мимо Валера мог послужить

поводом к началу заварухи. Этого нельзя было допускать. Я похлопал Брехуна по плечу и пообещал поставить ему выпивку, если он пойдет сейчас к барной стойке и перестанет бузить. Но Валера был не в себе, сбросил с плеча мою руку и обложил присутствующих последними словами. Наемники стали приподниматься со своих мест, писец уже показал зубы в прощальной улыбке, спецом для Брехуна. Положение стало угрожающим. Вспомнив ментальную оплеуху, которой меня угостил мозгоед, я применил этот же прием на Брехуне. Эффект был потрясающим: пьяницу отбросило метра на два назад, под чужой стол. Посланный мною импульс сильно прижег Балерины проспиртованные мозги, но вот что значит «общий наркоз» – он почти сразу поднялся и, выпучив глаза, заорал, перекрывая общий гул в зале:

– Кы... Кы... Кыотнролер! – И дрожащей рукой указал на меня.

Сразу стало тихо, а потом у кого-то не выдержали нервы и в меня пальнули из пистолета. Пули прошли над моей головой и впились в кирпичную кладку стены.

Положение спас Бунтарь. Он махнул рукой охраннику Лузге (парень обожал семечки) и, подойдя к Брехуну, громко сказал:

– Че палите? Не видите, Валере на плечо «белочка» присела. У-у, сволочь, стену из-за тебя попортили. Людей вон хороших обзывает. Пшел вон! Лузга, выкинь эту тварь, раз слов нормальных не понимает. Проспись сначала, потом приходи, сказитель хренов!..

Лузга взял Брехуна за шиворот и поволок почти к выходу. Тот уже успокоился и только, тихо поскуливая, со страхом пялился в нашу сторону. Одной байкой в репертуаре у него точно прибавится, если мозги я ему не сильно подпалил. В баре все успокоились, стрелявший прислал на наш стол дюжину хорошего «Хайнекена», все вернулись к своим делам. Для приличия мы посидели еще немного, пришлось отклонить пару предложений Серхио сделать ставки на бои, которые без перерыва транслировали с Арены, и я предложил перейти в башню для детального обсуждения плана акции. Возле входа в куче сухих листьев и всяческой бытовой шелухи валялся Брехун. Забулдыга мирно похрапывал, прижав к щеке труп крысы. Буревестник усмехнулся, и мы пошли восвояси.

Разместившись на втором этаже, мы стали изучать район будущей операции. Как инициатор, я предложил высказаться всем, но желание выразил только Буревестник:

– Операция рискованная, Леший. Информации почти ноль целых, хрен десятых. Сам понимаешь, если нас засекут и возьмут в кольцо, это верная смерть. Мы должны знать, за что рискуем и кто нас поведет.

– Справедливо. Но если я скажу, что нас поведет некто, знающий эти болота, как нищий свою кружку, вас это вряд ли успокоит, верно?

Парни согласно закивали, но особого беспокойства я на их лицах не заметил, сказывалась репутация их вождя. Судя по всему, Буревестник водил их не первый год и наемники привыкли доверять чутью своего предводителя. Более того, я уверен, что на вакансии в группе был нешуточный конкурс. «Дикие гуси» чуяли прибыль, их мало что могло остановить.

– Итак, что мы имеем? По моим прикидкам, на острове нас не ждут. В момент появления в лагере будет дежурная смена, это двое дневальных и отдыхающая по палаткам смена – двадцать человек. Реально это только двое бодрствующих духов. Заходим со стороны восточного «секрета», если получается – обходим, если нет – убираем. Я знаю дари, если что, смогу ответить на вызов по переключке, перехватим их частоту или поставим помехи. Потом забираем «груз», устанавливаем «факел», зачищаем бараки. Ставим мины на тропах. Почва топкая, но думаю, что поможет. Дело несложное. Если действовать быстро, никто ничего не услышит. Заорет кто-то – не беда, могут и не насторожиться.

– А если с других островов кто-то придет?

– Законный вопрос. Мина даст сигнал, троп, ведущих в лагерь с островов, всего три. Выставим половинную мощность фугаса, и помощь нарвется на ловушку, по шуму услышим. Кроме того, снайпера будут контролировать подходы к лагерю, страховка двойная. Радист засечет любые переговоры в радиусе трех километров с достаточной

точностью – еще один плюс для нас. Теперь о призах. По моим данным, духи привезли в Зону четверть тонны героина. Чистого и неразбодяженного.

Кто-то из наемников присвистнул, прикинув долю каждого из них в таком солидном трофее, как двести пятьдесят килограмм чистого героина.

– Кроме того, есть вероятность, что удастся взять казну Халида, если хорошо поищем. Резюмирую: зачищаем лагерь, берем груз, трофеи и уходим. На все про все трое суток работы. Отходим к двадцать четвертому квадрату – это лесополоса, направление: юго-восток от Могильника. Поворачиваем на окраину, к недостроенной школе, прячемся в подвале. Там пережидаем Волну, каковая сама по себе отсекает погоню, если она будет иметь место. Потом разбегаемся. Вопросы?

– Я хочу спросить, – поднялся Николай. – А почему ты не в доле? Или брезгуешь?

– Резонный вопрос. Но лишний. Задашь его еще раз или косо посмотришь в мою сторону – убью. Понял меня, землячок?

Николай, привыкший, что его побаиваются, несколько опешил, но его порыв удержал Якоб:

– Ты еще краснеть за тебя заставь. Осади, Коля. Антон мне жизнь спас. Если призы его не интересуют, то подвоха для нас в этом нет. Я верю ему. Вопрос закрыт!

Николай тяжело, со скрипом сел на стул, явно недовольный.

– Еще вопросы?

– Я спросить хочу, – поднялся Михай. – Как мы наркоту потащим? Прятать-то негде.

– Есть одна задумка. Но об этом позже, когда встретимся с проводником, у него есть вещи, способные нам помочь в транспортировке. Унести сможем все, это я вам обещаю точно. Теперь у меня к вам настоятельная просьба, – я указал на ящик, куда положил собранные рации с гарнитурами и глушители для G36C, которыми были вооружены наемники, – подключите рации. Отрегулируйте гарнитуры. Синхронизируем частоты. Проверим картинку на ваших ПДА. Тогда мы сможем видеть дальше противника. А они нас вряд ли увидят и услышат. При изменениях в обстановке переключаемся на канал «три», общая частота «один».

Все поднялись со стульев, теперь все было им привычно и знакомо: калибровка связи и проверка оружия – успокоительные процедуры для солдат. Подготовка вступила в завершающую фазу. Когда придет Андрон, будем выступать.

После того, как формальности были улажены и аванс в размере двух тысяч рублей выдан каждому из наемников на руки, они отправились в бар, где сняли пару комнат. Мне не хотелось оставлять их в башне, да в этом и не было необходимости: размеры ожидаемой добычи перевешивали очевидные риски акции. Кроме того, мне понятны были намерения их командира, который жаждал свалить из Зоны в более понятную и простую Африку. Нет, безусловно, там стрельба, малярийные болота, СПИД и куча кровожадных, воинственных племен и безумно жадных до власти диктаторов. Но для наемника весь расклад понятен и прост: мины обезвредит сапер, с продажными властями договорится наниматель, а помощь всегда можно получить в ближайшей миссии Красного Креста, прикинувшись заблудившимися охотниками откуда-нибудь из Зальцбурга. Ни тебе «мутировавших» зверей и сжигающих мозг тварей, ни аномалий, ни непонятно по каким причинам не взрывающихся ракет и снарядов. Все как бывает обычно на войне, пусть и всех против всех. Иногда важна не фактическая безопасность, а наличие опасностей, от которых ты умеешь защищаться и которые не доставляют чувства растерянности и беспомощности. Поэтому, прикинув мотивацию Зана и его подчиненных, я не стал сильно натягивать поводок: ребята будут стараться не только за деньги. Успешная акция... Это будет их билет в нормальную и привычную жизнь, как бы странно это ни прозвучало применительно к сомалийской неразберихе. И каждый надеется, что этот билет достанется именно ему и это не его, полудохлого, бросят в аномалию поделщины, не заморачиваясь с похоронами и лечением. Не его оставят подыхать среди трупов и слышать, как приближается нечто пришедшее

закусить падалью. Когда надежда только на заветную, припасенную специально для подобного случая гранату.

В свое время я навиделся наемников в разных интересных краях. Любое подразделение больше напоминало банду, где считали деньги убитых товарищей, прикидывая, сколько достанется на каждого, кто выжил. Были и случаи, когда работников «кидал» наниматель, выдавая малую часть обещанной суммы или вообще смываясь, не заплатив. Конечно, это все частности. Но именно такова обыденная жизнь этого сорта людей. Команды профессиональных «диких гусей» ушли в прошлое вместе со смертью самого знаменитого из них – Боба Денара⁴⁴. Сейчас данностью являлись две крайности: либо это большая корпорация, напоминающая армию на хозрасчете, или банды слабо организованных уголовников, подобно шакалам, рвущих слабых и избегающие сильного. Частные армии – это совсем другая песня: там почти все как и в обычной, государственной, только защищают они интересы транснациональных корпораций и действуют более бесцеремонно. Одиночки, такие, как мой приятель, – вымирающий вид, сохранившийся в единичных экземплярах, раскиданных по разным малоспокойным местам, вроде Зоны отчуждения.

До прихода Андрона оставалось еще несколько часов, использовать их на очередной анализ столь запутанной ситуации не было уже никаких сил: события сменяли друг друга слишком быстро, поэтому, совершив обычный «медитативный» ритуал с личным оружием, я сначала отправился в душ, а затем устроился на ставшей такой огромной кровати и уснул.

Отдых пролетел как одно мгновение, разбудил меня вызов по закрытому каналу на ПДА. Пошарив рукой по прикроватной тумбочке, я нашел прибор и ответил на вызов.

– Это Андрон, я у входа.

– Щас... – Быстро одевшись, спустился и открыл калитку в воротах.

Андрон мало изменился с нашей последней встречи. Только под глазами залегли темные тени. Парень шел без остановок да и за отца переживал сильно. Слону не становилось лучше, в сознание он приходил лишь на короткое время. Светлана говорила, что единственный шанс для раненого – это эвакуация за пределы Зоны, лучше в крупную больницу в Днепропетровске или Киеве. Положение осложнялось тем, что военные вертушки старателей только расстреливают, это было единственной «услугой», которую официальные власти могли оказать тем, кто варился в зоновском котле. Ученые тоже могли бы помочь, но их транспортники часто сбивали, поэтому стоимость поездки была равна стоимости самого вертолета. Оставалась миссия Красного Креста, расположенная в Бреднянске, маленьком городишке за третьей линией санитарного кордона. Но и они могли рискнуть только в крайнем случае: сбивать беззащитные транспортники находилось слишком много желающих. Военные через раз давали группу прикрытия, а натовские вертушки хоть и летали, но по очень большому благу, украинские власти еще не настолько отпустили вожжи в своей раздираемой на части стране, чтобы боевые вертолеты стран «дружеского» блока летали как у себя дома. Белые вертушки Красного креста, где, после того как машина рухнет, можно пожить медикаментами и уцелевшим оборудованием, – это лакомый кусок. А если повезет, то можно взять в плен кого-то из докторов. Свой личный врач – мечта каждой мелкой группировки, и охота за наивными представителями этой профессии была излюбленным ремеслом уголовников и мародеров. Крупные сообщества, вроде «Альфы» и «сичевых», держали довольно приличный штат медперсонала, остальным же приходилось туго, местная знаменитость, болотный Доктор, помогал не всем, да и найти его в тамошнем радиоактивном лабиринте было ой как непросто.

Требовался финт ушами, каковой уже пришел мне в голову примерно на последней ступени лестницы, ведущей на первый этаж, к воротам. Нужно было только связаться с нанимателем, предложить им свои условия и сделать это так, чтобы они согласились.

⁴⁴ Боб Денар (1929–2007) – французский наемник, совершивший более десяти переворотов в странах «третьего мира». Настоящее имя – Жильбер Боржо. При жизни его называли «королем наемников». Является прототипом главного героя романа Фредерика Форсайта «Псы войны».

Проводив парня в гостиную и поставив перед ним тарелку с яичницей и остатками сала – гостинца Лесника, я удалился для завершения приготовлений к переговорам, а когда вернулся, сковорода уже сияла. Молодой пил кофе из алюминиевой кружки, видимо достал из рюкзака, который стоял в углу у входа в комнату.

– Спасибо, Антон Константинович. После холодной тушенки это просто блаженство.

– Рубай. Скоро снова перейдем на консервы. Если пойдешь со мной, конечно.

– Тут такое дело. – Парень замялся. – Отцу все хуже, надо его в Бердянск бы увезти, да только кто же возьмется? Думаю с караваном идти.

– Не вариант. Тяжелого «трехсотого» с собой, даже под ответственность родственников, никто в конвой не возьмет. Шансов дойти нет.

На лице парня отразилось решительное упрямство.

– Попытаюсь хоть... Загнется он тут.

– И по дороге тоже загнется, даже еще быстрее. Есть вариант... Но пока я не поговорю с нужными людьми, ничего не обещаю.

– Антон, спаси батю.

– Ничего не обещаю, но попробую. Сам я вертушками не распоряжаюсь. Да и вдвоем с тобой мы безопасный коридор и площадку не организуем. Это надо по-хитрому взяться. Прорвемся. Времени до выхода осталось менее суток, через два часа рассвет. Пока иди отдыхай, гамак возьми, в углу стоит, возле каптерки. Ты ничего сделать не можешь, лучше поспи. – Видя, как парень заартачился, я сказал, чуть повысив тон: – Отдохнуть иди. Проморгаешь опасность в рейде, мертвым точно отцу не поможешь. До рассвета твое задание – это отдых. Спать, я сказал!

Окрик подействовал, и парень, подобрав вещмешок, поплелся в подвал. Пискнул ПДА, пришло сообщение от алхимиков. Их представитель через час готов был встретиться на прежнем месте. Теперь предстоял еще один разговор, но уже более личного характера. Снова видеть Светлану не хотелось, между нами по-прежнему стояло горе, растоптанная надежда. Раньше я это чувствовал слабо. Но после инициации в племена побратима мыслеобразы людей читались гораздо легче. Нет, само собой, не все, а только наиболее яркие, лежащие на поверхности. Глубоко я проникнуть не мог, да и не хотел.

Собравшись с мыслями и попутно облачившись в комбез, вышел на воздух. Синие предрассветные сумерки и редкие огни костров – вот тот пейзаж, который помог мне собраться с силами и пойти в сторону КПП базы «альфовцев». Дежурный сержант, уже знавший меня в лицо, кивнул, принимая кобуру с пистолетом, и нажал кнопку, освобождавшую вертушку турникета. Миновав плац и здание комендатуры, я направился к медблоку. Там я тоже успел примелькаться, так как навещал Слона по мере возможности, принося заодно всякие мелочи медикам, чтобы не забывали моего раненого земляка.

Светлана вышла на крыльцо. Кивнула, грустно улыбнувшись, пригласила пройти в ординаторскую – маленькое подвальное помещение с низким потолком и крашенными в традиционный белый цвет стенами. Присев за старый, канцелярского вида стол с традиционной стеклиной на столешнице и завалом всяких бумаг, обменялись последними новостями. Девушка забывала горе тяжело, с головой уходила в работу, брала подменные дежурства и просто ночевала в госпитале. Под глазами залегли темные круги, лицо заострилось, приобретя мертвенно-бледный цвет, который еще более подчеркивали лампы дневного света, принятые в подобного рода учреждениях.

– Не порадуя, Антон. Плох ваш земляк. Здесь мы ему уже ничем не поможем. Думаю, от силы неделю продержится. Потом...

– Есть шанс на спасение, если эвакуировать его, скажем, сегодня за пределы Зоны?

– Можно отправить в киевский военный госпиталь, но... Он же гражданский, да к тому же русский. Хотя за деньги можно все. Но вертолета нет.

– Света, сколько тяжелораненых есть у вас сейчас в стационаре и куда их эвакуируют в случае, буде такая возможность появляется?

Девушка оживилась, посмотрела на меня со слабой толикой надежды в глазах:

– Еще двенадцать человек, которых можно транспортировать и... у которых есть шанс.
– Отлично. Кто начальник госпиталя?
– Майор Остапчук, Татьяна Витальевна. Она сейчас в операционной, но...
– Я поговорю с Василем. Если найду...
– Он на территории, в последнее время натаскивает комендантский взвод. Поэтому всегда здесь. Я...

– Нет, я сам поговорю с ним. Как получите от меня сообщение – готовьте раненых, поговорите со своим начальством. Есть только одно условие: вы лично проследите, чтобы мой земляк получил место в вертушке. Без этого ничего не выйдет.

– Но...

– Света, я не бог, чудес творить не умею и делать их для ваших людей не собираюсь. Да, я прежде всего забочусь о своих людях. Ваше командование ничего сделать не может, такова жизнь: начальство есть у всех. Неформально я попытаюсь помочь вам, решив свои задачи. И расплачиваться за этот жест тоже придется мне и тем, кто мне доверился.

– Хорошо. – Понимания добиться не удалось. Девушке хотелось спасти всех, кто нуждался в помощи, ей казалось, что вот так, по мановению волшебной палочки, бывший прапор Васильев прикажет вертушке забрать дюжину умирающих людей, и он мог повернуть этот фокус, просто не хотел всех спасти и, значит, виноват в черствости и равнодушии. – Я все организую. Можете не сомневаться, вашего человека тут не оставят.

– Отлично. Ждите моего сообщения. После моего звонка замыкаю связь на Василя. Надеюсь, что эвакуацией будет руководить он. Вам нужно отдохнуть, Света. Поверьте, раненые от этого только выиграют.

– Потом. Может быть, потом отдохну. Спасибо, Антон. Снова вы делаете невозможное.

– Пока еще рано благодарить. Мне нужно уломать тех, кто вообще никому помогать не желает. До встречи, Света.

Девушка устало кивнула головой. Все ее мысли были заняты пациентами, меня она уже не замечала. Пройдя метров двадцать по коридору направо, я оказался возле дежурного поста, где сидел парень в белом халате, медбрат, очевидно. Его я еще не знал, но уговорить пройти к Слону труда не составило: блок хороших сигарет решил вопрос в пару секунд.

Слон лежал в крайней от дальней стены медблока палате, где кроме него разместились еще пять человек, таких же тяжелых. Хотя палата и проветривалась, в комнате висела удушливая смесь запахов лекарств, человеческих выделений и хлорки. Люди лежали спокойно – видимо, на ночь всех «подгрузили» обезболивающим. Но дрема в таком состоянии – это скорее некая форма бодрствования: ты все слышишь и только временами проваливаешься в тяжелое забытие, из которого вырывают частые боли, прорывающиеся сквозь лекарственную блокаду. Храпел только парень без левой ноги, весь обмотанный бинтами, словно мумия.

Я взял табуретку и подсел к койке Слона. Старатель был прооперирован, но замотаны были только правая нога и торс до середины груди. Повязки были свежие, и сквозь них проступала желтизна антисептической дряни, специфический запах которой узнаваем из тысячи. Лицо раненого приобрело более живой оттенок бледно-синего, нежели во время нашей пробежки до блокпоста. Глаза ввалились, но, почувствовав мое присутствие, раненый открыл глаза и мутным от лекарств взором нашел то место, где я сидел.

– Землячок... – Голос Слона был хриплым, чуть слышным. Видно было, что слова даются ему с трудом и отзываются болью в простреленной груди. – Не забываешь, спасибо. Сын где?

– Здорово, Слон. Рад, что узнал. С Андроном все в порядке, поел, сейчас спит у меня в башне. Завтра... нет, уже сегодня поутру придет тебя навестить.

– Хорошо... – Раненый перевел дух, вздохнув несколько раз со свистом, и его заколотило в приступе кашля.

Придерживая его голову, я взял с прикроватной тумбочки поилку из толстого фарфора и, прислонив носик сосуда к губам раненого, дал глотнуть пару раз.

Благодарно прикрыв глаза, Слон откинулся на подушку. Потом он снова медленно заговорил:

– Вынул ты нас тогда, да, видно, каюк мне все равно приходит. Медичка эта твоя... Хоть и суется... Но вижу... Писец мне настает. Сына не оставь, парень он смышленный. А ты фатовый... Может, и он жить будет.

– У тебя тоже шанс есть. Я достану вертушку, вас вывезут в Бреднянск, а оттуда в Днепропетровск или Киев. Там военный госпиталь, думаю, что поставят на ноги. Денег тамошним «пилюлькиным» сколько надо дадим.

– Хе... Смеяться больно. – Слон поморщился и чуть повернулся ко мне: – Вертушку достать – это сложно даже Кашину. Видишь, как гниют ребята заживо здесь? Это проклятое место, «борта» сюда не летают.

– Я очень сильно попрошу. – Видимо, в этот момент я снова улыбнулся, потому что Слон слегка отстранился лицом. – Кончай хоронить себя, старый.

Никто в этот раз гнить не будет. Думаю, что найдутся такие, кто проникнется вашими страданиями. У меня дар есть: никто из моих людей еще не помер, пока я этого не разрешу. И ни разу так не получилось, чтобы я не выполнил обещанное, может, поэтому так редко что-то обещаю. Короче, так, Слон: давай ты завяжешь с трауром по себе, на Большой земле шансов у тебя по самую маковку, то есть завались. Держись покуда и готовься. Апельсинов, извини, не принес, а курево тебе еще рано. Держись. Все путем будет.

Раненый попытался что-то сказать, но я уже поднялся и жестом оборвал разговор. Что нужно, я уже сказал. А длить пустопорожний треп не хотелось. ПДА пискнул: через десять минут посредник алхимиков ждал меня на прежнем месте встречи в «комнате переговоров». Светлану по пути встретить не удалось, но все, что хотел, я уже ей сказал. Предстояло убедить алхимиков дать вертушку без дополнительных обязательств.

Пройдя через КПП и получив назад свое оружие, я почти на автомате прошел в башню. Сын Слона спал, несмотря на недавние заверения, что он-де хоть сейчас в поход. Собравшись с мыслями и заперев ворота, я пошел к заднему входу в бар. Охрана была предупреждена, и после обычных формальностей я снова очутился в знакомой уже комнате со скудной мебелировкой и будто и не уходившим никуда Посредником.

– Ты звал меня, воин. Что произошло?

– Думаю, что вынужден вернуть вам аванс и выплатить неустойку: спасение вашего сотрудника невозможно.

– Что случилось?

– Люди. Главная часть моего плана. Да, это надежные люди, но полагаться я могу только на троих из девяти, считая меня. Если один из них уйдет – ничего не получится.

– Я понял тебя, Тридцать девятый. – Возможно, мне показалось, но в голосе алхимика прозвучали ироничные нотки. – Что нужно от нас, чтобы этот человек остался? Раз уж его нельзя заменить... Ты прекрасно знаешь, что деньги не решат наших проблем.

– Но могут решить мою, это совершенно точно.

– Говори, время уходит.

– Нужен транспортный вертолет, который доставит раненых, и в том числе члена семьи моего бойца, в Бреднянск, а оттуда в киевский военный госпиталь. Борт нужен в течение суток, до нашего выхода в рейд.

– Почему мы должны вывезти и раненых «Альфы»? Они отказались спасти нашего сотрудника, когда мы к ним обращались.

– Они обезопасят место посадки и обеспечат наземное сопровождение вертолета над своей территорией. У меня нет столько людей в команде. Это вынужденная мера, раненые «Альфы» пусть останутся на попечении того, кто будет их сопровождать. Мой же человек должен получить лучший уход и выжить.

– А если его уже нельзя спасти?

– Врач говорит, что в Киеве это не проблема, – с нажимом произнес я последнее слово.

– Хорошо. – Голос Посредника уже не дрожал, я чувствовал, что он мысленно с кем-то

общается, как будто бы в воздухе проложили линию высоковольтных передач, ощущалось дикое напряжение. – Борт будет через пять часов. Оознавательные знаки Красного Креста, бортовой номер «028». Свяжись с нами по оговоренному каналу по крайней мере за час до того, как достигнешь взаимопонимания с Кашиным. Вопрос решен?

– Думаю, что да. Благодарю вас за понимание и поддержку.

– Мы пока, – голос Посредника снова принял ироничный оттенок, – в одной лодке, воин. Но так будет не всегда. Прощай.

– И вам всего хорошего.

Честно сказать, на такой быстрый положительный результат я не рассчитывал. Гонять вертушку из-за чужих раненых... Нужно очень сильно захотеть, чтобы именно я выполнил определенную задачу. И это настораживало. Как и предупреждал Охотник, прощупать Посредника незаметно и так же быстро, как простого человека, не получилось. Скорее всего, Измененный был готов к подобному повороту ситуации и выставил защиту. Подвох был, но какой именно, мне пока нащупать не удавалось. Работать с людьми, несомненно, проще, как я это уже и подмечал раньше. Тут же совсем другой расклад, иная, малопонятная мотивация, неизвестные цели, преследуемые нанимателем. Отступить было поздно, да и сомневаюсь, что вообще было возможно: так или иначе, меня бы принудили к рейду совместными усилиями. Вообще, довольно глупо ставить все на возможности одного исполнителя, не подготовив запасного варианта. Но местные – это не мистер Эдвардс, и за ними не стоит могущественная корпорация и правительственное лобби. А деньги – это еще не главное: древние римляне, хоть и разумно полагали, что ворота вражеского осажденного города можно открыть с помощью осла, груженного сумками с золотом, но не забывали и о силе власти. Которая всегда перемагает власть денег. Даже очень богатому человеку придется туго, если он восстанет против системы. Поэтому часть логики алхимиков мне была понятна и ясна: они вынуждены обратиться ко мне, потому что все, что есть у них на данный момент, это только деньги. Время и более могущественный и многочисленный противник брали клановцев за горло. С одной стороны, рано или поздно это должно было произойти из-за выбранной ими линии поведения. С другой же – занять такую позицию в их случае это единственно верное решение. И вот теперь алхимики находятся в двойственном положении, и другие кланы о сложностях самого таинственного из своей среды сообщества знать не должны. Репутация, выстраиваемая годами, рухнет в момент, и ослабевших любителей экспериментов над собой просто разорвут на части. Ручные химеры или, скажем, хитрые ловушки – это, безусловно, хорошо, но если «сичевые», наемники и бандиты в лице местного положенца Борова решат, что пришла пора подвести баланс, – алхимикам не устоять. Значит, очевидного подвоха с целью сдать меня и группу нет. Но как только задача будет выполнена, возможны варианты, мы станем опасными свидетелями слабости клана, казавшегося таким несокрушимым и всесильным. Народ они тертый, поэтому, я думаю, подлянка будет, но только в тот момент, когда мы сдадим груз или я передам чемодан пленнику. Черт его знает, насколько сильна корпоративная солидарность у мутировавших и сдвинувшихся на экспериментах ученых. У одного из них достанет смелости и соображения уничтожить себя, нас и просчитавшихся духов одним движением руки. Впрочем, делать нечего: пора размышлений прошла, план разработан и все возможные последствия учтены. Остальное проявится только по ходу действий.

Я направился в сторону КПП и попросил дежурного сержанта вызвать Васи ля. Тот маленько поартачился, но, вспомнив, что чем меньше думаешь, тем легче служба, просто вызвал начальника караула. Начальник связался с комендатурой, и вскоре Василь рысью подошел ко мне. Похоже, со Светланой он уже успел переговорить, но лицо его радости не выражало. Подойдя, он вынул пачку «L amp;M» и, вытащив сигарету зубами, закурил. Я встал чуть в стороне, чтобы дым не несло в мою сторону: табачный запах – очень стойкая штука и тренированный человек может распознать его за десяток метров. Были случаи, когда я находил любителей ароматного дымка таким образом и убивал их, даже не видя. Запах распространяется на уровне грудь – голова – «рабочая» рука, поэтому смерть наступала

почти всегда мгновенно. Многие принимали эту мою привычку за природную брезгливость, что не совсем верно: много раз приходилось сидеть в помойных и выгребных ямах сутками, вдыхая гораздо более пикантные ароматы. Просто наука побеждать состоит из малых и мельчайших деталей, пропустив одну, провалишь задание, проиграешь. А я этого не люблю.

– Слушай, кудесник сибирский. – В голосе «особиста» слышались бабьи надрывные нотки. Сказывалась усталость: я слышал, что Василь практически в одного ставил комплекс охранных мероприятий и подбирал людей. Понять его можно было, я только чуть улыбнулся. – Ты, говорят, вертушку для раненых добыть похвалялся?

– Вот рабочая частота координатора клана алхимиков. – Я протянул изумленному злому Василию спичечный коробок с цифрами. – Частота будет действительна только десять часов. На время, пока раненые не будут погружены и доставлены в Бреднянск. Там уже готовьте свой транспорт и сопровождение. Мой человек полетит вместе с вашими ранеными – это единственное условие. Если нет, все отменяется.

– Да ты понимаешь, что ради твоего...

Я поднял руку ладонью вверх в отстраняющем жесте. Особист есть особист, рассчитывая на то, что он заставит меня проговориться о деталях сделки, Василь несколько переоценил свои способности.

– Это ваши люди, а вы не в состоянии о них позаботиться. Могу подрядить десяток человек в баре перенести место посадки в другое место и обеспечить погрузку только моего человека. Ваши бойцы останутся гнить на базе, и что вы им скажете в оправдание своего отказа от помощи – это уже ваши проблемы.

– Ты... – Слова были скомбинированы в многоэтажную конструкцию и изобиловали образными сравнениями.

Я легонько ткнул особиста в район ключицы указательным и средним пальцами, «прямым мечом», как этот способ зовут китайцы, и забрал коробок с цифрами частот из онемевших пальцев парализованного болью Василя.

– Когда перестанешь грубить и паясничать, отдам. Я тебе не подчиненный, а ты для меня не командир, понял?

– По... понял. – Видимо, так с особистом давно никто не разговаривал, потому что он только сейчас осознал, что находился на волосок от смерти. Кроме того, придя в разум и прикинув, что по-другому все равно не случится, он примирился с положением вещей. Хоть и временно, конечно. – Давай коробок, договорились: двенадцать наших и один твой.

– Договорились. – Я вернул особисту коробок, хотя и понимал, что скорее всего тот уже запомнил частоту наизусть. – Лично прослежу за отправкой, без моего слова вертушка не взлетит. Чем бы ты ни грозил летунам, алхимиков они боятся больше, чем вас. Прими совет, брат: не финти и играй как договорились. Думаю, ты уже понял, что будет в случае изменения правил с твоей стороны. Так?

– Так. Васильев, мы просто в трудном положении, последнюю вертушку завалили месяц назад. Новых пока не дают, хохлы сильно дергаются, когда мы пытаемся протаскать новую сюда и наладить снабжение по воздуху.

– Ваши проблемы меня не волнуют, Василь. Делайте, что хотите и считаете нужным, просто помните, что для своих нужно делать больше, чем возможно, и больше, нежели допустимо здравым смыслом. Иначе ты не вправе кого-либо за собой вести и что-то требовать от подчиненных. Это не мораль, так – наблюдение по жизни. До встречи через два часа. Я свяжусь и сообщу квадрат для посадки вертолета.

– До встречи. Ты не прав, Антон...

– Это как тебе угодно или, вернее, спокойней будет считать. А мне как-то боком: поступаю, как считаю правильным сам. Только сам, Василь.

– Смотри не ошибись. – Былой запал уже прошел, и особист спорил по инерции. Не желая признавать поражения.

Я ничего не ответил, пусть его. Мы сами выбираем дорогу, по которой идем, даже если кажется, что этот выбор делает за нас кто-то другой. Если принять как данность всю полноту

и меру ответственности за свои действия, не остается сожаления о промахах. Зная всегда, кто виноват, реже оступаешься. Никогда не мучил себя умозаключениями, имеющими сослагательное наклонение.

2.2

Андрон уже проснулся и пребывал в угнетенном состоянии. Тревога за состояние отца буквально съедала его изнутри. Он сидел за столом и сосредоточенно смазывал свой АКМ, устроив оружию настоящий праздник – полную разборку.

Многое можно сказать о человеке по тому, как он занимается обыденными делами. Чистка оружия для военного человека – это как раз такое занятие: местами для кого-то нудное, а местами лучшая часть дня (это мой случай). Андрон явно переживал, руки его ходили нервно, с затворной группой он возился неоправданно долго. Простой и неприхотливый «калаш» все время выкручивался из рук хозяина. Присев напротив, я кивнул в знак приветствия и решил порадовать парня хорошими новостями. Ведь когда известны правила и точно знаешь, как поступить в большинстве из складывающихся ситуаций, это и есть комфорт в моем понимании.

– Андрон, собирайся. Через час «альфовцы» отправляют партию раненых в Бреднянск. Твой отец отправится вместе с ними. Оттуда – в хороший госпиталь, где, думаю, его жизни ничего угрожать не будет.

– Как тебе... вам... удалось?

– Наниматель... Мой наниматель – очень влиятельный клан. Они согласились на отправку твоего отца в госпиталь, если я выполню их просьбу. Ты ходил с Нордом и проводником...

– Хитрый такой старикашка, но что-то в нем неправильно.

– Не перебивай. Все тут со странностями. Так вот, все очень просто: делаем дело, и все получают то, что хотели. Ты согласен идти со мной?

– Конечно. А вопрос можно?

– Валяй.

– Если все сделаем, мне хватит денег, чтобы экипировку новую взять? Батя, наверное, уже не вернется обратно, а я останусь. Нечего там за колючкой делать. Не хочу.

– Хватит и еще останется, а если пойдешь ко мне – выберешь экипировку и оружие сам. И уже сейчас.

Выражение лица у парня напомнило плакат «В первый раз в первый класс», где румяный школьник с ранцем за плечами весело марширует навстречу знаниям. Молодость – это недостаток, который быстро проходит, поэтому я особо не стал придирааться и продолжил:

– С нами пойдут наемники. Доверять я могу только Норду, тебе и в какой-то степени проводнику. С рацией умеешь обращаться? «Акведук» носимый потянешь?

– Знакомая штука. Попрактиковаться маленько, и все будет тип-топ, Антон Константиныч.

– Отлично. Тогда вот тебе тренажер. – Я указал на короб рации в углу. – Вот тебе сводная таблица частот – тут и наши, и те, что следует сканировать не реже чем каждые пятнадцать минут. Программа будет вбита в ПДА. Запомнишь, поставь на проверку. Потом вот тебе записка, пойдешь к Таре. Оружие и амуницию точно по списку возьми, потом после рейда сможешь или поменять, или загнать. Пока все делай, как я скажу. Это понятно?

– Да. Есть!

– Ну, так-то оно правильнее. Через сорок минут быть у КПП базы «альфовцев», проводим Слона на курорт. Вопросы?

– Не. Я побегу тогда?

– В темпе только.

Пискнул ПДА, пришел запрос от координатора алхимиков. Он информировал, что

некто майор Кашин связался с Советом, выразил им свою благодарность за помощь и сообщил координаты места для посадки вертолета. Алхимик запрашивал моего разрешения на начало транспортировки. Я согласился, осведомившись, будет ли выделено прикрытие для транспортника. Координатор сообщил, что до точки randevu транспортник поведут две германские «Тигры»⁴⁵, но на подлете к базе «Альфы» отвалят, чтобы не провоцировать зенитчиков клана. Присоединятся после погрузки, о чем они уведомили Кашина. Я поблагодарил и дал отбой.

Очень интересно: натовские боевые вертушки свободно летают над территорией суверенного государства. Но, с другой стороны, где гарантия, что фармацевтические корпорации не используют наработки алхимиков? В Зоне отчуждения нет никаких законов и можно ставить любые эксперименты, проверять любые, даже самые дикие теории. А учитывая вечный бардак, царящий на Украине, вертушки иностранного государства – это вполне нормальное явление, хоть и чудно с непривычки.

Вернулся Андрон, чей прикид теперь больше соответствовал намеченным целям миссии: средний БЗК разведчика, вроде моего, АК104 с рамочным прикладом, «Грач» в тактической кобуре. Кажется все, как я написал. Парень в еще не обмятой экипировке, с только что пристрелянным оружием, буквально весь светился от счастья. Человеку в нашем мире много не надо: только надежда и чуть-чуть патронов. Одобрив результат, я передал Василию, чтобы готовил зону посадки за пределами внешнего кольца постов, назвал место, получил подтверждение. Теперь следовало проинструктировать радиста, на роль которого и планировалось поставить Андрона. Парень был в зоне дольше меня и, несомненно, станет ценным приобретением для команды, которую я намерен собрать.

– Андрон, сегодня в ноль-ноль ноль-ноль мы выходим в рейд. Слушай внимательно и запоминай, что я скажу, и если возникают вопросы – спрашивай сейчас.

– Понял. – Парень весь внутренне подобрался, волнение выдавали только руки, нервно теребившие завязку на цевье автомата («ствол» он грамотно замотал камуфлирующей лентой, что тоже говорило в пользу правильности моего выбора).

– Пойдем на болота, вызволять одного сотрудника алхимиков. Держат его опытные люди на одном из пяти островов на северо-западе. Втроем нам это не потянуть, потому как духов очень много. А действовать нужно аккуратно и быстро. Поэтому с нами пойдут шестеро наемников. Командира их я знаю давно. Но ни ему, ни его людям верить нельзя: цели у нас разные, и когда «дикие гуси» решат сыграть сольную партию, лучше бы нам быть вместе и наготове. Если же все пойдет нормально, раскланиваемся и идем каждый своей дорогой. Если нет, твоя задача – отрубить им связь и держаться Норда, он прикроет. Пока наши временные союзники будут разбираться, кто и кого, наша задача – уйти с грузом по запасному маршруту. Вот карта, изучи и запомни, потом отдашь. Итак, если наемники борзеют, гасить их по возможности, но лучше отходить без шума. Условный сигнал – длинный тональный сигнал по командной частоте. Гаси первого, кого видишь из них, и в отрыв. Это понятно?

– Да.

– Теперь главное: жизнь твоего отца, и наши с тобой тоже, зависят от того, вынем мы этого заложника или нет. Любой ценой этот фрукт должен выжить и быть доставлен к своим. Наши жизни в расчет пока не принимаются. Даже если буду подыхать, спасай груз – это самый главный приказ. Понятно?

– Да. Я... Я все понял.

– Не финтить в рейде! Я говорю, а ты делаешь.

Андрон кивнул. Слава богу, что хоть этот будет работать как положено.

– И последнее: Зону ты знаешь лучше всех (ну, кроме проводника). Поэтому, если видишь чего опасное или необычное, вот список условных сигналов. – Я протянул бойцу

⁴⁵ Антон имеет в виду новый вертолет поддержки бундесвера УНТ «Tiger».

бумажку, где написал наши с Нордом старые «маячки», еще со службы. – Так же тоновым маячь. Все поймут. Во время рейда делай как я: останавливаюсь – и ты стой, кидаюсь ничком и ты носом в землю. Понятно?

– Да. – Парня явно посетил мандраж, но это было нормальное состояние. Видеть такое приходилось довольно часто. Андрон был нормальным и уже обстрелянным парнем. Со временем новые навыки лягут на прочный фундамент, привычки войдут в мышцы и подсознание.

Мы собрались и пошли к КПП, где уже сформировалась колонна из пяти подвод, на которых лежали носилки с ранеными. Тринадцать человек. Кто-то покалечился, попав в аномалию, или пострадал от зверья, но больше всего было раненных обычным огнестрельным оружием, осколками мин и гранат, что свидетельствовало, что враг всегда внутри нас, людей. Природа лишь защищается. Раны, нанесенные искалеченной людьми землей, были хоть и страшны, но немногочисленны.

Мы пошли рядом с подводой, на которой лежал Слон и еще один боец, раненный в грудь, с полностью забинтованным лицом, воздух подавался ему через маску, видимо, были обожжены дыхательные пути. Слон был в сознании. Всех хоть и подгрузили анальгетиками, но при транспортировке на большие расстояния лучше, если находишься в сознании, так шансов выжить намного больше. Я чуть отстал, давая отцу и сыну время на прощальный разговор. Легкое касание за рукав – это Светлана, вызвавшаяся сопровождать раненых до самого госпиталя, увидев меня, решила пообщаться.

– Антон, спасибо вам. Даже если делаете это не по велению души.

– Рад помочь.

Светлана, чуть забежав вперед, попыталась заглянуть мне в глаза. Не знаю, что она там хотела увидеть, но явно не разглядела. На ее лице отразилась целая гамма чувств: боль, смешанная с непониманием, и... сожаление. Сожаление на мой счет, конечно. Как объяснить девушке, к которой война повернулась совсем иными гранями, нежели ко мне, почему я не рыдаю в голос?... Можно только промолчать.

Часто в компании людей, не служивших, или тех, чья армейская эпопея не была столь бурной, как моя, приходилось слышать глупые вопросы. Самый популярный из них это: «Сколько человек ты убил?» Или, если вынуждали рассказать нечто пикантное (одному гражданину было жутко интересно, что такое форсированный допрос в полевых условиях), показывался ли я психиатру? Девушки вели себя двояко: кто-то жутко возбуждался и жаждал подробностей, а кто-то вставал из-за стола, заявлял нечто вроде «садист ненормальный» и уходил блевать. Самое смешное было потом, когда я показывал заламинированную справку от мозгоправа и удостоверение частного охранника с разрешением на ношение служебной «мухобойки». Но еще больший шок у нервных девиц и чистоплюев из «интеллигентных» вызывал мой краткий ответ, что ни одного человека я не убил. Спор плавно перетекал в политические дискуссии, которые заканчивались без меня: спорщики резко теряли интерес к общению, и этих любознательных граждан я более не встречал.

Война – это всегда ясность и простота, когда выбор предельно ограничен и вместе с тем чрезвычайно широк: один и тот же поступок не имеет более двух толкований, то есть либо ты сволочь, либо с тобой хоть в кишлак за солью. Обычная жизнь склоняет нас к компромиссу, прежде всего со своим истинным «я». Заставляет размениваться по мелочам, не замечать подлости, жадности или скотства, которые творятся походя, почти машинально и легко. То есть все те вещи, которым на войне хоть и есть место, но только там подлец или вор точно знает, что так или иначе тут ему ответят и мера будет адекватна преступлению. Страх за приобретенное мелкое, душное благополучие, за которое люди тихо себя ненавидят, когда смотрят в зеркало по утрам... Он берет в заложники прежде всего их совесть. Забирает душу по краешку каждый день, и вот в один прекрасный миг человек оглядывается и понимает, что компромиссы увели его на самое дно, где мелкие сделки с собой уже превратили вроде бы неплохого парня или девушку в равнодушных жвачных животных, старающихся не заглядывать дальше экрана телевизора, очерстевших и по-настоящему

мертвых. Трудно осуждать тех, кто не готов жить коротко и ярко, но и понимания между мной и ими точно никогда не было...

– Вам совсем наплевать, что если бы вы не договорились с Красным Крестом, то эти люди могли просто умереть? Антон, ваше равнодушное лицо не вяжется с...

– Света, можно я без церемоний скажу, ладно?

Удивленная девушка кивнула, даже замедлила шаг.

– Те, кто сейчас лежит на подводах, это взрослые, битые жизнью мужики, пришедшие сюда в поисках счастья. Беда в том, что судьба дает нам не то, что мы просим, а то, чего заслуживаем. Произошедшее будет для них некоей паузой. Это звоночек от того, кто подвесил их жизнь на тонкой ниточке. Знак, что пора бы и задуматься: а так ли нужно им счастье такой ценой и не стоит ли его искать в других местах? Кто-то прислушается, а кто-то вернется сюда снова. Не надо оплакивать чужой выбор, его нужно уважать. Сегодня судьба моими руками дала им отсрочку, завтра руками врачей решит еще чью-то, но конечный выбор всегда будет только за этими людьми: идти дальше или свернуть на другую дорогу. Я принимаю все, что случается со мной, и не собираюсь лить слезы над теми, кто не может принять последствий своего выбора.

– Равнодушно и холодно, Антон.

– Зато правда. Вон, вертушка уже заходит на посадку. Прощайте, Света. Присматривайте там за бойцами и за моим земляком. Я рад, что именно вы летите с ними.

– Жаль, что мы не понимаем друг друга.

– Так тоже бывает, не переживайте.

Транспортный Ми-8, нарочито окрашенный в белый цвет, уже сел, но винты молотили воздух на холостых оборотах. Машина готова была взлететь в любую минуту, хотя «альфовцы» постарались на славу: зона посадки была грамотно оцеплена почти взводом бойцов. Снайперы заняли подходящие для обзора высоты с северо-востока и на южном склоне мусорной горы. Площадка была надежно защищена, вдалеке слышался шум винтов пары сопровождения. Раненых грузили осторожно, но так быстро, как только позволяла обстановка. Неприятности могли начаться в любой момент. Слона погрузили одним из первых, мы пожали друг другу руки. Земляк сказал, что еще вернется. Коротко простившись с сыном, он откинулся на подушку и закрыл глаза. Предчувствий никаких на его счет у меня не возникало, может быть, все действительно было не зря.

Времени до выхода оставалось не более десяти часов. Я планировал выйти чуть раньше полуночи, чтобы увеличить наши шансы прийти на место акции с запасом времени, делая поправку на превратности пути. Маршрут проходил по спорным землям, поэтому и зверья, и людей можно было встретить в изобилии, и следовало постараться избежать этих встреч любой ценой. Народ подобрался тертый, обстрелянный, проблем предвиделся самый мизер. Более всех меня настораживал Николай: «десантник» мог включить психа в самый острый момент и подставить всех нас. Я вышел на связь с Юрисом и сбросил ему краткую инструкцию, где подчеркнул, что особое внимание нужно обратить именно на Колю.

Приведя снаряжение в порядок и вздремнув пару часов, стал собираться. К 22.00 подтянулся Буревестник со своей командой. Они экипировались точно так же, как и в прошлую нашу встречу на болоте, только на этот раз Николай навинтил на ствол своего «германца»⁴⁶ глушитель и коллиматор (ACOG обрезиненный и с усиленным креплением для пулеметов под натовскую «пятерку»). Легкий и надежный «ганс» должен был обеспечить нам надежное прикрытие, если духи вдруг полезут на подмогу своим братьям. Когда же утрясли все мелочи в экипировке, проверили оружие и закончили тест связи, я провел последний инструктаж и слил на ПДА каждого окончательный план операции, попутно комментируя обозначения на карте:

⁴⁶ Имеется в виду новый десантный пулемет немецкой фирмы «Хеклер и Кох» со складным прикладом НК MG-4KE. Данная модель легче своих линейных аналогов и надежнее, чем главный конкурент НК – бельгийско-американский Minimi.

– Значит, так: идем скрытно, избегая любых контактов по маршруту. Остановки на отдых минимальные, по часу в сутки, без смены места ночевки. Перед выходом на рубеж – отдых еще час. Якоб, – я повернулся к командиру наемников, – ты и твои люди чистите лагерь, где шесть палаток и клетка по центру периметра. Работаем тихо – световыми гранатами, а потом добиваем всех, кто будет внутри. Заходите с севера, Серхио и Норд прикрывают вас, работают по трем тропам, ведущим на соседние острова, на случай подхода подкреплений. Но это маловероятно, если работать быстро. Разве что выйдет промашка и кто-то из духов успеет хоть раз пальнуть. Постарайтесь без срывов, лады?

Зан кивнул. Такое же понимание читалось на лицах остальных бойцов. Предельная собранность, вот что радовало.

– После того как зачистим лагерь, уходим в точку ожидания, пойдем по топким местам. Проводник знает заброшенную гать, ведущую в обход секретов. Духи про нее не знают и с той стороны не стерегутся. Потом пережидаем Волну в Могильнике и расходимся. Вы берете заначку Халида, я – заложника, и через двое суток присылаете курьера в бар, там рассчитываемся, и все довольны. Вопросы есть?

Молчание было того сорта, когда сразу понятно, что люди не хотят болтать попусту. Поэтому, если вопросы и возникли, их никто не озвучил. Миновав оба кольца охраны, мы снова собрались в километре от последнего поста наблюдателей «Альфы» и, построившись в походную колонну по одному, двинулись к цели.

Местность пока позволяла идти скрытно: трава и низкорослый кустарник были местами по пояс. Я вместе с Андроном шел в головном дозоре, Буревестник и Михай выполняли роль тылового охранения. Шли тихо, постоянно слушая эфир. Всяческие переговоры по рации я запретил, дабы не выдать себя, поэтому дозоры держались в пределах прямой видимости от основной группы и подавали сигналы только руками, избегая малейшего шума, каковой многократно усиливался во все более возрастающей сырости воздуха.

Несколько раз приходилось сворачивать, меняя направление: «сичевые» искали кого-то, отрезая вероятному противнику пути отступления. Наблюдали группу уголовников, ведущих троих «бычков». Шли урки от Свалки, захватив группу новичков, возможно, взяли на привале, и теперь их участь во многом зависела от того, насколько вменяемым будет новый хозяин рабов Зоны. Урки нервничали, постоянно подгоняя пинками пленных, уходя в сторону базы своего главного руководителя – Борова.

На коротких привалах я постоянно прокручивал в голове план предстоящей операции. Слабым местом было отсутствие подходящих высот, которые могли бы занять снайперы и пулеметчик для прикрытия группы и подавления очагов сопротивления в лагере. Несколько холмов скорее всего под наблюдением или же заминированы. Последнее не так страшно – если мины простые, то снять их можно практически незаметно и спокойно занимать позицию для стрельбы. Хуже, если высоты наблюдают, тогда любые новые детали будут обнаружены и позицию вскроют. Кочки и густой кустарник не дадут снайперам развернуться как положено, и сектора обстрела будут строго ограничены. Тут все зависело именно от выучки стрелков. На это я и сделал основную ставку. Колю с его «зингером» я решил поставить возле северной тропы, ведущей ко второму по величине острову. Там, вероятнее всего, располагался склад и хозпостройки, и там же, вероятно, располагался резерв Халида. Я поступил бы именно так, а на тропу поставил курсировать мобильный патруль и секрет с парой бойцов.

Фишка была в том, чтобы расположить своего стрелка как можно ближе к сходу с тропы основного лагеря. Такая позиция не имеет смысла. Если в тылу находится неполный взвод злющих духов, то будет как нельзя кстати, если стоянка подвергнется зачистке. Те, кто побежит за подмогой, лягут сразу, а услышавшие крики или пальбу духи со второго острова лягут чуть позже, когда выдвинутся к основному лагерю. Снайперам же достанется непростая работа выцеливать всех, кто сможет вырваться из палаток, или тех, кто побежит в лагерь из секретов на огонек. Учитывая, что духов очень много, а местность и погода

пакостнее некуда, снайперам придется хуже всего. Но это можно исправить, если удастся перебазироваться на высоты после основной фазы зачистки. Фугас должен скрыть все следы и приостановить кинувшихся по горячему следу моджахедов, но тут результат будет скорее всего не слишком впечатляющим – объемный взрыв хорош в закрытых пространствах, в нашем случае расчет только на то, чтобы замести следы.

До рассвета прошли уже треть пути до места встречи с Нордом. Мы шли на северо-запад, огибая Могильник и контролируемые «сичевыми» и войсками сохранившиеся дороги, петляя меж плоских холмов, каждый третий из которых светился от радиации (дозиметры не умолкали почти все время). Но вот что-то кольнуло взгляд. Так и есть: Норд оставил след спецом для меня, чтобы знали, куда идти. Еще через пять километров я скомандовал остановку. Привалы были короткими, и хоть в группе все тренированные и привычные бойцы, маленький привал не повредит, к тому же настало время для старой забавы – «найди снайпера». Маскироваться Юрис умел отлично, но я всегда его находил, он старался, но обхитрить меня у латыша никогда не получалось.

Осмотрев местность и прикинув расстояние, я вынул из кармашка на разгрузке гайку и без замаха кинул ее метров на двадцать...

– Бля! Командир, как ты это делаешь?

Из травы на склоне холма поднялись «кочка» и кусок дерна. Юрис встал во весь рост и рысью кинулся ко мне.

– А колбаску чесночную меньше надо трескать в засаде.

– Брось, не ел я колбасы.

– Ну, значит, мне снова подфартило, с тебя опять пара пива.

– Нет, я разгадаю, как ты это делаешь. – В голосе друга слышались упрямые интонации. – Духи чуть ли не наступали. Собаки не чуяли. Химера эта местная прошла рядом в пяти метрах и даже не остановилась. А ты всегда находишь.

– Может, и химера бы нашла. Слышал, ваше лабусовское мяско они не любят – жесткое сильно, вот и не почтила вниманием.

– Да иди ты!.. Тут стараешься... Нет, ну скажи: как нашел?...

– Просто все, брат. Я сам бы там залег – позиция больно удобная. Тропка меж холмов от ветра закрыта и самое удобное место для прохода группы. Северный склон дает отличный обзор, отклонений по ветру не будет. Дистанция на прямой выстрел тянет, бей как в тире. Можно пятерых положить, пока остальные спохватятся. Подумал, что ты там лежишь, и снова не ошибся.

– Так просто?... – Норд, непробиваемый и спокойный Норд, был разочарован и чуть сконфузился.

– Кому как, брат. Кому как.

Чаще всего навыки помогают, но только в том случае, если перед вами неопытный противник или новичок. Если достаточно долго бывать в местах, где постреливают, то довольно быстро начинаешь мыслить как шахматист или игрок в покер. Считаешь ходы, крутишь в голове разные варианты и слушаешь интуицию. Многие полагают, что главное условие для победы – это поставить себя на место противника. Нет, не думаю, что это так на сто процентов, люди все разные, и, хоть набор приемов в любой армии примерно одинаков, поступки другого бойца можно на себя только примерить, не факт, что он сделает именно то, чего от него ждешь. Если по мне, так часто психованный салага может уделат самоуверенного спеца, просто задавив энтузиазмом, – сам сдохнет, но и тебе не жить. Поэтому трудно сказать, что больше помогло мне найти укрытие друга – опыт, или некое везение, или навыки. Наверное, это работает только целиком, все вместе.

Тем временем из-за другого холма, справа от нас, мирно беседующих, вынырнула нескладная фигура в грязном пылевике. Тихон вприпрыжку направился к нам, улыбаясь во весь свой щербатый рот:

– Здоров, начальник! А мы уж тебя часами двумя позже поджидали. – Обернувшись к Норду, Подорожник требовательно протянул нормальную руку, в которую Юрис с видимой

неохотой положил банку шпрот. – Не дуйся, служивый. Я же говорил, что найдет, а ты сам спорнуть предложил. – Потом обернулся ко мне и продолжил: – Вроде спокойно все, только «сичевые» часто шныряют по окраинам Могильника. Ищут чего-то...

– Ладно. – Я поднял руку, подзывая Якоба, который в бинокль наблюдал за нами с места, где группа расположилась на отдых. Как только он подошел и пожал руку своему старому картежному сопернику, я продолжил, чтобы все были в курсе: – Как общая обстановка в районе операции, Юрис?

– Сложно сказать. Наблюдали караван численностью в десять бойцов, вели пару лошадей с грузом и двоих пленных. Сутки назад примерно. По радио часто не болтают. Патрули за пределы зоны ответственности не совались. Нас не обнаружили. Вроде все.

– Караван куда пошел, Тихон?

– Если судить по следу, то на второй остров, где лагерь у них, что на карте тебе отмечал. Служивый сказать забыл, что парня с девкой душегубцы взяли. Так думаю, что журналисты это. Выкуп хотят просить. В простые «бычки» сразу не определяют. – Подорожник скривился, отчего его зеленые, с вертикальным зрачком глаза зло сверкнули.

Якоб, заметив эту особенность, напрягся, но виду не подал, продолжая слушать.

– Покуражатся вволю, конечно. Как без этого дела, ведь на болоте сидят. Почти никуда не суются, каждый куст им враг здесь. Обоих замордуют. А если денег не получают... Журналистам конец, это ясно.

– Шакалы пера, не наша забота. Что узнали про груз? Юрис?

– Судя по переговорам, держат его в штабной палатке. Укрытия там основательные: метровым слоем мешков с грунтом палатки обложены, маскеть натянута. Просто так с воздуха не обнаружить. Высоты под контролем, на северном и юго-восточном направлениях стоят два КПВ на станках. Наблюдают за высотами плотно. Пару раз открывали огонь по группе храпунов, порвали стаю в клочки.

– Входить будем с северо-запада, оттуда не ждут. Ты и Серхио из группы Буревестника – гасите расчеты, только синхронно, потом прикрываете группу во время зачистки. Пойди сведи знакомство, час вам на отработку схемы. Потом выдвигайтесь и по готовности доложите. Ясно?

– Так точно, ясно.

– Тогда вперед, времени мало.

Мы же, оставшись втроем, склонились над картой на моем ПДА. Решено было, что через трясины Тихон проводит группу попарно, после чего Якоб, Юрген и Михай чистят западную сторону, а Карл с Николаем – восточную, где занятыми будут только две палатки. Сигналом станет момент, когда я с Андроном нейтрализую двух часовых, слоняющихся по лагерю бессистемно, по словам Тихона («Шарятся и шарятся, как шальные... то присядут, то снова ходят»), а снайперы погасят тех, кто будет сидеть на пулеметах, после чего перебазируются на высоты и возьмут под контроль тропы, ведущие с острова. После зачистки Николай садится на северную тропу и прикрывает отход основной группы с грузом, координируя свою работу со снайперской группой. Михай поставит заряд, после чего все уходим.

Якоб пошел расписывать задачи своим. А я, пригласив Тихона присесть рядом, устроился в тени холма. Предстояло кое-что выяснить.

– Тихон, ты ничего не хочешь мне рассказать? Только давай прямо, без метафор. Чувствую, хотят похоронить нас тут алхимики вместе с собратом своим. Непокойно на душе как-то.

Подорожник понимающе кивнул и, достав из кармана банку со шпротами и быстро открыв ее, с явным удовольствием принялся есть. Я не мешал – в подобной ситуации не роскошь собраться с мыслями и ответить обстоятельно. Наконец, вылизав плоскую коробочку до блеска и обсосав жирные пальцы, Тихон начал говорить;

– Знаю я этих торгашей уже давно. Почитай, как от Беглова сбежал, так и свели знакомство с главным у них, Этером кличут. Народ это сумасшедший, ради своих

экспериментов и себя и весь мир готовы на воздух поднять. Чего они там под землей творят, даже представить боязно. Поэтому не зря подвох чуешь, брат Изменяющих. – Тут Подорожник быстро глянул мне в лицо: удивлюсь или нет? Увидев, что не застал врасплох, продолжил: – Но в чемодане, который они тебе дали, ничего особенного нет: пара модификатов, которые помогут Саже (так нашего пленника зовут, знаю его, приходилось встречаться) быстро восстановиться и не быть нам обузой в пути. Знаю, что за товар продать хотели бородачам этим. Рисковый народ они, эти му... ма... короче, чурки твои. Задумали они переносные порталы открыть: один здесь, на болотах, другой где-то у себя, за колючкой. Алхимики им продать-то продали, но забыли рассказать, что за пределами Зоны эта хрень толком не работает, сбоят через раз на третий. Думаю так, что засунули чурки в портал что-то ценное, а на выходе не поймали, вот и тормознули Сажу у себя, пока потерю не возместят. Клан, конечно, на дыбы: кидать-то можно только им! Другие вообще вроде как даже не второй сорт по их меркам, поэтому и высвистели тебя как кару небесную. Подлянка будет, но она уже свершилась: сейчас ты со своими головорезами чурок под ножпустишь, те поймут, что связались с крутыми, раз даже тут их достать смогли. – Подорожник хитро ухмыльнулся. – А ведь многие уже пробовали: тут тебе и «Вільна Січ» скаутов своих отправляла, черножопые их выловили и отрезанные головы прям к крыльцу ихнего командира (Дилейни его зовут) в мешке подбросили. Записку присовокупили: «Любой гость – дар Аллаха, даже твоих собак приняли как положено. Сам приходи, если не боишься». Крику было... Вроде пытались еще пару раз, но, после того, как бородачи вырезали два каравана и сбили единственную вертушку, Дилейни отступился. Наемники лезли пару раз, на караваны зарились... У вас про пожар на базе наемников ничего не слыхать было? Припасы, амуниция, арсенал – все на воздух взлетело. Больше наемники караваны бородачей не трогали. Теперь и «сичевые», и гуси-лебеди наши сидят на жопе ровно, раны зализывают.

Алхимики правильно поступили, что тебя припрягли. Ты да змей этот с ружжом. Ну, может, головорезы, которых ты с собой привел, – единственные, кто, му... ну, ты понял, как их зовут, приструнить сможет. Ты их страх видишь, а остальные брезгуют или боятся. Думают, что и так все успокоится и будет как раньше. Только ничего уже как раньше быть не может, потому как эти бородачи как волки в овчарне: заберут что понравится и придут снова и снова. Их надо напугать. Ты справишься, я уверен.

После такого длинного монолога Тихон полез в карман, извлек на свет кусок вареной колбасы в крошках табака и всяком мелочном мусоре, каковой скапливается в карманах у любого из нас. Отряхнув его, принялся со вкусом жевать, запивая из походной солдатской фляги чистейшим спиртом. При этом на лице существа не отражалось ни тени эмоций, Тихон просто смотрел вдаль на сизые, низкие облака и медленно жевал.

– Спасибо, брат. Просветил, так сказать. Рад, что все немного проще, чем я ожидал. Но...

– Ты все правильно сделал, брат Изменяющих. Ожидать нужно всегда самого худшего. Иначе не избежишь горького разочарования и неприятных последствий.

– Конфуций? Не ожидал.

– Не. Это я сам догадался, жизнь заставила. А что, еще где-то умный человек завелся? Немец или француз?

– Китаец, древний философ. Умер две тысячи лет назад.

– Жалко, хороший мужик, наверное, был.

– Ну... Лично знать не доводилось, может, и хороший, а может, и не очень. Ладно, давай к выходу готовиться, уже смеркается.

Пискнул ПДА, снайперская группа доложила о готовности. Пора было выдвигаться и нам. Сумерки быстро перешли в ночь. Группа активировала ноктовизоры, в пассивном режиме они немного разгоняли темень и давали небольшое преимущество над духами. Те вовсю использовали активный режим подсветки. К тому же в лагере горел костер, его отблески были прекрасно различимы в монокуляр. Двинулись парами, друг за другом, огибая остров с северо-восточной стороны. Лагерь был укреплен грамотно, если бы у нас не

было в проводниках такого опытного старожилы, то пришлось бы штурмовать остров с одного из опасных направлений. Даже у крупного соединения нет шансов прорваться сквозь оборону, подобную этой. Узкие тропы и пристрелянные сектора крупнокалиберных пулеметов не оставляли штурмующим больших шансов на прорыв без серьезных потерь. А духи тем временем спокойно перегруппируются для прорыва и уйдут враспыленную.

Но, привыкнув к горам, духи в болоте больше доверялись картам, и северо-восток был прикрыт только частично, посредством появления на этом берегу острова патруля из двух человек, по причине его полной безопасности. Моджахеды свято верили, что с этого направления их защищает трясина. Поэтому они сосредоточили оборону на известных подходах. В ту же сторону смотрели и «станкачи», лишь раз в полчаса поворачивая стволы в направлении непроходимого участка трясины.

Тихон перевел нас всех на остров, где группа быстро рассредоточилась и... И тут нас ожидал сюрприз: духи не спали, а праздновали вовсю: я слышал аромат шурпы⁴⁷, а из палатки в центре правого ряда слышались старые, но все еще очень популярные песни Заира⁴⁸. Посреди лагеря горел большой костер. Пятеро духов кружились в традиционном пуштунском воинском танце. Со стороны это выглядит очень эффектно: потрясающий оружием воин кружится, подобно дервишу, попутно огигая костер по некоей причудливой траектории. Еще трое сидели на расстеленных возле огня туристских ковриках и хлопали в такт музыке, льющейся из палатки. Только часовые имели угрюмый вид. Это были наши «чехи», которых афганцы за людей не считали и постоянно третировали, вот как сейчас, забрав «младших братьев по вере» в караул.

Маякнув на командной волне тангентой «смотри на меня», я просигналил руками: затаиться и ждать. Обстановка изменилась, условия становились менее приемлемыми для штурма. Следовало подождать, когда духи поедят и утомятся, расслабон они уже чуток поймали. Значит, где-то ближе к часу тридцати все отправятся по койкам. Вот тогда и начнем, а сейчас главное, чтобы не заметили.

От костра потянуло сладковатым дымком – духи свернули по косячку и завели свои заунывные песни. Про подвиги да про тяжелую свою жизнь. Мой словарный запас не особо велик, но знакомые фразы я улавливал без труда. Вдруг один, в дорогом СКАПе, хлопнул в ладоши и сказал, чтобы привели пленников. Ну понятно, сейчас начнется любимое развлечение: будут измываться, потом попинают парня и насильничают девку. Вариантов у этого не особо приятного зрелища немного. Пленникам ничего хорошего не светило.

Первой была девушка. Стройная, на вид ей было около двадцати пяти. Волосы цвета воронова крыла свалились и патлами падали на посиневшее от побоев лицо. Руки были стянуты впереди пластиковыми наручниками и слегка опухли, намечался отек. Одетая журналистка была в остатки какого-то черного туристского костюма с утеплителем, добротного, но уже рваного. Во многих местах просвечивало голое, в кровоподтеках и ссадинах тело. Глядя в землю, она стояла, чуть покачиваясь (скорее всего, легкое сотрясение мозга), а духи, распаяя себя, тыкали жертву стволами автоматов с примкнутыми штык-ножами. Потом девушку повалили на землю и стали насиловать по очереди. Пленница уже не вырывалась, видимо, шоковое состояние просто не давало ей понять, что происходит.

Смотреть на это было неприятно, но ничего не поделаешь – пока я был бессилён. По командной частоте, голосом, передал новый план действий. Теперь мы с Андроном берем этих джигитов у костра, а Буревестник командует зачисткой. Но пока не найдем груз, шуметь бессмысленно: как ни жаль пленных, но их спасение не является первостепенной

⁴⁷ Шурпа, или, как говорят таджики, шурпо – острая мясная похлебка с добавлением лука, помидоров, картофеля и специй. Традиционное национальное блюдо в Таджикистане и Афганистане у местных жителей.

⁴⁸ Ахмад Заир – известный с середины 1970-х годов афганский автор-исполнитель, его песни пользуются успехом до сих пор. Часто перепеваются, считаются народными.

задачей, кроме того, неудачливые журналюги сильно избиты и замедляют скорость отхода. Ввяжемся в затяжной бой, израсходуем боекомплект и потом сами подставим задницы духам у костра, только тогда они будут не так нежны: попутно всех пленных нарежут тонкими ломтиками.

Девушку увели, главный дух снова хлопнул в ладоши, и привели парня. Теперь сценарий был иной: по его походке я понял, что жаркого духовского секса он еще не пробовал, хотя его и били, но скорее для остротки. Девушке повезло меньше, что самоочевидно: незащитная белая женщина может раздражить любого, что уж говорить о кучке озверевших от сидения на болоте здоровых и диких моджахедов. Мне приходилось видеть, как подобные им насильничали и своих же мусульман, так что различий ни для кого не делалось. Старые законы шариата принимали на войне довольно причудливые формы и толковались, как ни странно это прозвучит, с восточным же лукавством. Воину во время джихада многое прощалось, но право творить насилие над единоверцами они присвоили себе сами, лишь успокаивая ошметки совести.

Парня подвели к главарю и, пнув под колени, бросили на землю. Дух с видимым усилием перешел на русский язык, но старался говорить правильно, минимально коверкая слова. Мы с радистом были всего в десятке метров и слышали все прекрасно.

– Ти в плену у непобедимых муджахедов, кафир⁴⁹. Зачем ти сюда приходил, смотрел?

– Мы... я... – парню крепко дали по морде, слова он выговаривал с трудом, – пришел снимать научно-популярный фильм для BBC, мы не шпионим за вами и вообще шли на «Росток»...

Дух коротко, без замаха ткнул журналиста прикладом LR-300 в солнечное сплетение, и парень повалился на землю ничком, только успев хрюкнуть.

– Молчат! Ти врешь. Твой проводник сказал, что ведет вас на болота. Даже неверный говорит правдиво, когда ему режут яйца. Говори, кито послал тебя, свиння! Или я сам отрежу тебе уши, эта будит тиольки для начала, чтобы ти не осквернял мои уши враньем. Потом Саид, – дух кивнул на невысокого бородатого моджахеда с АКМ, вытертый местами до белизны металл ствольной коробки которого был замотан тряпками, – срежет с тебя штаны и...

– Н... не надо!

– Мольчи, кафир! Или, клянусь Пророком, отрежу сначала твой лживый язык!..

На самом деле от парня они не хотели получить никаких сведений, все, что нужно, духи уже вытянули из проводников. Без них эта парочка охотников за жареными фактами так далеко бы не забралась. Задачей духов было сломить волю и без того ошалевших от страха и унижений пленников, подавить последние остатки разума, убить волю к сопротивлению. Со стороны это покажется бессмысленным проявлением садизма, но такой способ обработки позволяет ослабить контроль за жертвой. Человек в подобном состоянии думает только о том, чтобы его перестали бить и насиловать, какое уж там мыслить о побеге. Как опытные «овцеводы», духи понимали, что несломленного пленника труднее охранять – нужны постоянная бдительность и внимание. Но ведь есть еще куча всяких других дел. Поэтому пленных сначала прощупывают, выискивают слабые места и ломают психологически, нанося увечья, не сильно влияющие на товарный вид (если все-таки договорятся с родственниками или работодателями жертвы о выкупе) или работоспособность.

Журналист, а как выяснилось, это был вольнонаемный оператор, или стрингер, как их еще называют, визжал как резаный, хотя его пока только стращали. Парня пробило на словесные излияния, и чего он только духам не обещал, вплоть до дарственной на свою квартиру, только чтобы его отпустили домой, в Москву. Про девушку, которая не проронила ни звука, когда ее избивали и насиловали, он не вспоминал. Все его существо вопило только

⁴⁹ Кафир – собака, неверный. Общеупотребительное прозвище всех немусульман.

об одном: «Спасите меня!» Духи гоготали, а один уже начал распускать шнуровку на комбезе, его примеру последовали еще двое приятелей.

– Ну все, сын свинни! – заговорил главарь. – Твоя херня нам надоела, будешь делать то, что ты привык у себя в Москве. Тибе не привыкят подставляют очка. Синимите с него штаны.

– He-e-e!.. – Лицо стрингера сделалось совсем белым, и он на карачках пополз чуть ли не в самое кострище. – Не наддо-о-о!..

Журналиста поймали, сноровисто прижали к земле и вывернули связанные руки вверх. Почти ласково придерживая коленом, разрезали добротные натовские штаны сзади и приступили к тому, что обещали. Собственно, прелюдия создавалась именно ради этого момента, духам было неинтересно насильничать, не заведя себя морально.

В наушнике пискнуло тоновое сообщение, я махнул рукой Андрону – это был сигнал приготовиться, и маякнул снайперам, давая добро на поражение выбранных целей. Ждать целый час бессмысленно, а вот с главным духом надо бы свести знакомство. Западлю заключалось в том, что в лагере я не ощутил присутствия пленного алхимика. Две из шести палаток были пусты, и, судя по докладам, в лагере находились только двенадцать человек. Пятерых не хватало, и я, кажется, понял, где их найду. Ситуация существенно осложнилась, в очередной раз ломая план операции. Работать по лагерю следовало немедленно.

Первыми, как и предполагалось, легли патрульные «чехи». Андрон и я синхронно положили обоих практически незаметно для занятых приятным остальных духов. Мой удачно «уронился» в трясину и ушел в болотную жижу без следа. Только легкий плеск выдал падение, но никто этого не заметил. Андронов клиент упал на твердую почву, за пределами освещенного круга, поэтому тоже пока не привлек внимания. Как сработали Норд и Серхио, мне видно не было, но на командной частоте поступил сигнал, что все цели нейтрализованы и идет передислокация на высоты. Я дал «добро», кинул к группе у костра «зорьку», предупредив своих сигналом «вспышка». Ослепленные духи, потеряв ориентацию в пространстве, не смогли оказать сопротивления. Четверо сидевших у костра были нейтрализованы людьми Якоба почти одновременно, а главарь обездвижен двумя ранениями в правую, «рабочую» руку и верхнюю треть бедра левой ноги. Такое ранение не является смертельным, но разносторонние повреждения конечностей мешают жертве оказывать слаженное и эффективное сопротивление. Дух в спущенных штанах откатился от журналиста, которого теперь уже никто не держал, боль не давала главарю орать, поэтому он только тихо подвывал. Еще четверых нашли спящими в палатках на западной стороне лагеря и пристрелили во сне.

Снова последовал доклад от снайперской группы: высоты заняты и тропы, ведущие в лагерь, взяты под контроль. Николай вел себя нормально и рысью побежал на северную тропу, откуда уже через пять минут доложил о занятии позиций. Собрали трупы возле костра и выставили охранение в лице Клауса и Михая, стали проверять лагерь. Из темноты вынырнул Тихон и присел возле костра. Подбросил кусок сухого торфа, отчего пламя разгорелось чуть ярче, осветив искаженное ужасом лицо главаря и отрешенное лицо девушки, которой дали кружку чаю и более-менее чистое одеяло. Стрингера поймали только десять минут спустя, по наводке Норда. Журналист вприпрыжку побежал в сторону трясины, выпрыгнув из разорванных штанов, и сгинул бы там, пробеги он еще пару десятков метров. Его снова связали и уложили возле костра, видимо, бедолага повредился разумом после пережитого.

Улов оказался ожидаемым: помимо оружия и снаряжения, взяли кубышку Халида, где в трех семисотграммовых банках из-под консервированных фруктов обнаружили самоцветные россыпи драгоценных камней примерно тысяч на триста долларов плюс наличка деньгами, в размере шестидесяти тысяч евро, упакованных в аккуратные пачки, перетянутые резинками. Правда, наркоту не нашли. Десять полных контейнеров с артефактами разной степени ценности и свойств дополнили нехилый навар наемников.

И не была достигнута главная цель акции: алхимик пропал, хотя я примерно понял, что случилось. Хитрый полевик, Халид забрал самого ценного и опасного пленника с собой и

прятал его на втором острове. Просто перестраховался, посадив пленника под усиленную охрану. Подозвав Буревестника, я решил посоветоваться и уточнить наши планы:

– Как тебе улов, Якоб? Не жалеешь, что подписался на дело?

– Улов сказочный, Чертяка, это точно. Но что делать с твоим заложником и этими приبلудными? С собой их взять нецелесообразно, отпустить тоже нельзя. По косвенным данным родичи Халида нас вычислят. А твоего вообще не знаю, где искать, может, шлепнули давно и резину тянули?

– Посмотрим. Про заложника я узнаю у нашего любвеобильного друга. Дай мне с ним несколько минут наедине, и он все скажет.

– Орать не будет?

– Исключено. Ладно, брат, собери трупы в палатке, полей «сахарином»⁵⁰, чтобы лучше горели, скажи Михая, чтобы начинал ставить заряды «факела». Половинную мощность отменяю, пусть все жарится на полную катушку. Мины выставим возле выходов на тропы за триста метров от лагеря, думаю, будет то, что надо. Волоките духа в командирскую палатку.

Поставив Андрона у входа в большую, рассчитанную на пятнадцать человек палатку, исполнявшую роль духовского штаба, я велел ему слушать эфир и, если что, доложить Буревестнику. А сам посадил духа на раскладной стульчик и принялся слой за слоем взламывать его мозги. Тот не ожидал подобного: его готовили к пыткам, но против ментального сканирования «горный» человек оказался бессилён. Сквозь пелену посторонних мыслеобразов я прорвался, но вопросы пришлось задавать вслух, как плетью, стегая ими полусожженный мозг пленника. Мои догадки в целом подтвердились: алхимик действительно находился на соседнем острове, где было оборудовано три убежища на случай, если Волна накроет. Пленника держали в северо-восточной части острова. С ним постоянно было трое охранников из числа личных телохранителей Халида. Сейчас там был всего один охранник, а сам Халид уехал по делам за колючку, вернется только через трое суток, вот бойцы и расслабились.

Пристрелив уже ненужного пленника, я вышел на воздух и сообщил новости Якобу. Решили, что на остров пойдём все, за исключением Николая и снайперов. Тихо примем заложника, нейтрализуем складской гарнизон и подорвём убежища. Подозвав Тихона, я спросил его, есть ли обходной путь параллельно тропе на северный остров.

– Хех! Нет такого пути. Но идите смело, тропа чистая... – Подорожник лукаво глянул на меня. – Да ты и сам почувешь, если что. Я с вами не пойду. Крови шибко опасаясь. Тут посижу. Вон, девку успокою. Отвар ей сделаю. Это ж надо так по башке садануть: её теперь долго колбасить будет. Но где-то был у меня мох сушёный и ещё...

Подорожник удалился к костру, что-то бормоча себе под нос, уже не обращая на нас внимания, занятый своими мыслями. План, как это обычно и бывает в подобных операциях, полетел к чертям. Общая эффективность вновь оказалась высокой только благодаря опыту предыдущих подобных акций. Не разреши я снайперам свободную охоту, и журналюга бы убежал, и духи уже начали бы сбегаться на шум из секретов, призывая Халида на всех частотах. Подошел Андрон, вид у парня был встревоженный, протянул мне свой ПДА. Хитрая программа, установленная умельцами Одессита ещё в бытность мою на Кордоне, показывала примерное расстояние до источников интенсивных радиосигналов, если те длились более десяти минут и имели большой процент сходных характеристик. А с мощным трансивером, который у нас был в данное время, точность определения даже чуть выросла. Конечно, без спутника точного места она показать не могла, но программист был гений, посему в реале я видел почти ту же картину радиоперехватов, которую мне мог предоставить РЭБ⁵¹ в родной

⁵⁰ «Сахарин» – смесь из дизельного топлива, сахара или любого другого замедлителя. Имеет плотную, густую консистенцию и при нанесении на поверхности очень долго поддерживает процесс горения. Применяется в качестве средства для совершения диверсий на объектах военного и двойного назначения.

⁵¹ РЭБ – служба радиоэлектронной борьбы. Обеспечивает постановку помех на частотах противника, ведет

части. Болото планомерно окружали группы численностью до пяти полных взводов, все имели рабочие частоты с индексами «сичевых», были также две большие группы наемников. Амба.

– Андрон, предупреди снайперов, что с тыла к нам идут гости. Духи в секретах еще ничего не знают. Дайте мне телефон нашего любвеобильного друга. – В памяти всплыли позывные секретов, выуженные попутно из головы пленного главара. Чисто я говорить на дари не смогу, но воспроизвести то, что было в памяти у духа, сумею.

Связь с секретами поддерживалась по обычным проводным телефонам, дабы не выдать точное расположение постов. Провернув ручку старого, еще года эдак 58-го выпуска, аппарата, я разыграл главара, предупредил секреты о приближении гостей и дал команду держаться до последнего и отходить к лагерю только через полчаса, что бы они ни слышали. Получилось убедительно, постовые побожились, что умрут на посту. Верилось слабо, но у меня была страховка.

– У нас двадцать минут на то, чтобы найти алхимика и смотаться отсюда. – Я отжал тангенту, активируя голосовую связь: – Норд, Серый, к нам идут гости. Если кто из «кочек» побежит раньше в нору – гасите. По клику отходите, направление по маршруту «три».

– Норд принял. Выполняю.

– Серый принял. Готов выполнить приказ.

– Отбой связи.

– Так. – Я обернулся к Якобу и остальным: – Со мной вынимать алхимика с кичи пойдут Андрон, Михай и Клаус. Коля нас прикрывает с тропы, остальные остаются в лагере, готовятся отходить по сигналу. Быстро входим, давим охрану и подготавливаем все к взрыву. Потом уходим, пока «сичевые» разворачиваются. Задача ясна?

Никто не выразил непонимания.

– Что с журналюгами делать, оставим тут? – подал голос Михай.

– Есть идея получше. Но об этом позже. Думаю, всех устроит то, что я придумал. Заодно и отвлечем от себя внимание, пока нет необходимости в устранении. Ладно, выходим.

Я прошел метров тридцать по тропе, ведущей на северный остров, и тут меня кольнуло предчувствие. А в следующий миг впереди хрустнула ветка. Дал команду, мы сошли с тропы, заняв круговую оборону. Духов было двое, видимо, они шли в базовый лагерь, но их подвела беспечность: они включили активный режим в ноктовизорах, поэтому для меня и остальных выглядели как туристы на прогулке. Пара легких побед и ложное чувство безопасности плюс отсутствие командира – все это сыграло нам на руку. Пропустив духов через свои позиции, мы в четыре ствола расстреляли их, как в тире. Клаус и Михай стащили тушки с тропы и притопили в болотной жиже. Я махнул рукой – дал команду продолжать движение. Двигаться пришлось осторожно: каждый нес дополнительно по пять кило пластита. В неснаряженном состоянии он безопасен, но, когда имеешь дело со взрывчаткой, расслабляться не следует.

Остров был меньше предыдущего, и вместо пулеметных гнезд здесь были оборудованы стрелковые точки, прикрывающие тропу и вероятные опасные направления. Всего числом три, и все пустые.

– Э! Хайдар... – Нас заметил часовой, стоявший возле наполовину вкопанной в грунт пятнадцатиметровой трубы с герметичной овальной дверью со штурвалом запирающего механизма. Думать было некогда, поэтому я ответил:

– Салам!

И как только дух опустил автомат, Андрон положил дружелюбного часового короткой очередью в грудь. Тот завалился на бок, открыв доступ к двери.

Я дал команду на зачистку, прошло десять минут от заявленных на отсрочку.

Штурвал повернулся легко. Внутри было все как обычно: тесный коридорчик, койки в два яруса, санузел и пункт наблюдения. На нижней полке справа лежал искомый алхимик. Даже сквозь маску я почувствовал запах гниения. Но парень был жив, он повернул в мою сторону шишковатую голову и чуть улыбнулся:

– Вы пришли меня убить? – Голос пленника был слабым и ломким, как тонкий ледок на луже осенним утром.

– Если хотите, можно и это организовать. Но будет лучше, если вы пойдете с нами. Ваши коллеги просили вытащить вас отсюда и передали со мной привет и гостинцы. – Я поставил перед носом алхимика чемоданчик, который мне дал посредник, и взял Измененного на прицел (мало ли, что он задумал).

– Линии вероятности сплелись причудливо сегодня.

Пленник поднялся, открыл чемоданчик и вынул оттуда два артефакта неизвестной мне конфигурации. Оба они излучали изумрудный свет. Потом было мерзко: пленный просто расстегнул свой прорезиненный комбез и его грудная клетка раскрылась. Оттуда выпали два угольно-черных комочка, вонь в помещении усилилась. Алхимик вставил оба артефакта себе в грудь и застегнул комбез.

– Спасибо вам, кто бы вы ни были. – В голосе измененного слышалось облегчение. – Еще сутки, и все было бы бесполезно. Сколько времени у нас есть? Мне нужно чуть-чуть полежать.

– У вас пять минут, пока мы тут все осмотрим и подготовим.

– Этого хватит, я буду готов вовремя. Благодарю вас. Брат Изменяющих, почему ты помог мне?

– Сейчас это не имеет значения, для разговоров еще будет время.

Дверь приоткрылась, заглянул Михай. Сложив указательный и большой пальцы правой руки в колечко, я показал ему, что заряды заложены.

– Ставь таймер на двадцать минут, уходим через пять.

– Есть, командир!

Надо же, я стал командиром даже для людей Якоба. Такое бывает, если тот, кто ведет, принимает верные решения. Люди начинают верить тебе, заодно у них прибавляется веры и в свои собственные силы. Н я-то понимал, что шансы на то, что удастся выйти без потерь, у нас исчезающе малы. Кольцо окружающих нас рейдерских команд сжималось с каждой минутой.

Алхимик уже поднялся с койки и вышел вслед за мной на воздух. Облака плотным одеялом покрывали небо, не давая лунному свету пробиться к земле, и это было нам на руку. Такие вещи я всегда считал добрым знаком. Михай юркнул в убежище. Выматерился от души из-за шибанувшего в нос запаха и, провозившись пару минут, пулей вылетел назад.

– Все, время вышло. Пора сматываться.

Обвязав алхимика веревкой вокруг пояса и пристегнув конец троса карабином к своему ремню, я дал команду уходить.

Уходить пришлось в темпе – судя по радиоперехвату, «січевые» отрезали возможные пути отступления с островов к Могильнику, как наиболее вероятному из всех возможных направлений для отхода, и старались по мере возможности перекрыть пути к колючке. Последнее было явно излишним: вояки слушали эфир и скорее всего уже подтягивали группу оперативного маневренного резерва, чтобы принять прорвавшихся с той стороны периметра. Духи, сидящие в секретах, на некоторое время задержат нападавших. А приготовленный мною сюрприз спутает карты преследователям.

На южном острове все было готово к отходу: Буревестник и его ребята отлично справились, перетаскав трупы в штабную палатку и залив все «сахарином». Гореть такая смесь будет весело и очень долго и не даст возможности опознать тела медэкспертам, если тушки духов будут переправлены в подходящие для экспертизы условия. Хотя после того, что намечается, вряд ли до этого дойдет.

Все собрались у схода на южную тропу.

Никто не пострадал, ни один боец не был ранен. Расход боекомплекта в пределах пяти процентов – это отличный результат. Теперь следовало наметить план отхода, старый полетел к чертям. После того как обстановка изменилась и «січевые» начали окружать подходы к лагерю, пришло время для запасного варианта. Воевать против роты хорошо вооруженных рейдеров в мои планы не входило. Чего бы эти гаврики ни хотели от Халида, меня это никоим образом не касалось. Карта у противника скорее всего тоже имеется, и там наверняка отмечено большинство проходов к островам. Отход по заброшенной гати не годился по двум причинам: нет никакой уверенности, что наше движение не засекали скауты «січевых» и не приняли нашу компанию за духов. А коли так, то уж точно оставили там пару человек и заминировали подходы. Если мы выйдем в том месте, то тут же станем легкой мишенью (в трясине с узкой тропинки особо не сойдешь, перестреляют, как в тире). А могут дать нам выйти на берег и тогда взорвут что-нибудь противопехотное. «Тяжелых» добьют, кого-то допросят и все равно кончат. Этого, конечно, могло и не произойти, однако положение не способствовало принятию рискованных решений. Все наши надежды были на умение Тихона и маленький отвлекающий маневр, который если не заставит штурмующих свернуть операцию, то уж точно отвлечет от нас внимание.

– Что будем делать? Похоже, нас обложили. – Якоб подошел ко мне, пока группа уничтожала последние следы нашего пребывания в лагере.

– Пойдем на юго-восток, мимо их порядков по правому флангу, и выйдем в район пустошей. Место открытое, но я знаю одну подземную нору. Туда «січевые» точно не сунутся. Врать не буду – местечко очень странное. В прошлый раз я там наткнулся на одну непонятку.

– Что за место? – Видно было, что Буревестник встревожен не на шутку и перспектива новых рисков его раздражала. – Опять наобум полезем?

– Ну, можно попробовать сдаться «січевым». Выйди в эфир, попроси не стрелять или героически попробуй прорваться. Они этого только и ждут, братишка.

Наемнику стоило больших усилий не сорваться и не послать меня куда-то очень далеко и глубоко. Поиграв желваками и потеревив ремень карабина, он нашел в себе силы еще раз спросить, но уже спокойно:

– Ладно, говори уже. Где это?

– Когда я был тут в поиске, наткнулся на спуск в подземелье. Судя по всему, это военный объект, законсервированный и давно заброшенный. Спуск метров на пятьдесят под землю, потом глубина увеличивается. Там был какой-то старатель, на картах у всех это место обозначено как опасное, но дальше раздевалки персонала «первооткрыватель» не полез, поставил метку о крайней опасности подземелья и свалил. Рейдеры за нами туда не пойдут. Там действительно есть нечто непонятное. Один я бы повторно туда не полез. Но нас девять человек, думаю, справимся.

– Что там сидит? – Якоб уже сообразил, что местечко с подвохом. Но деваться было некуда: если даже мы и вырвемся из окружения, Волна застанет нас в чистом поле. А это – верняк сожженные мозги, если не чего похуже.

– Точно не знаю, я пристрелил какую-то змееголовую тварь. Зеленая чешуя, ловко лазит по отвесным стенам. Возможно, их там штук десять-двадцать. Но, может, и обойдется все... Кроме того, есть у меня задумка одна. Может, даже еще хабара поднимем, если дверь тамошнюю откроем. Одному было не поднять это дело, а так и Волну пересидим, и заодно благосостояние улучшится.

На лице приятеля мало что отразилось, но новые способности позволили мне проникнуть в его намерения. Предательства он не замыслил, по крайней мере пока что. С запада донесся звук парного взрыва: противопехотки, «клейморы», судя по звуку. Потом спорадический огонь: пять и два в ответ, все «иностранцы». Скорее всего, это передовое охранение наступающих рейдеров зашло на управляемое минное поле, кто-то сдох, а теперь духи добивают раненых и тех, кто пытается вытащить своих раненых из опасной зоны.

Значит, счет открыт и на некоторое время духи займут штурмующих. Еще строгий взрыв с юго-запада и северо-востока. Обкладывают грамотно, но рейдеров больше, и если желание прижать Халида достаточно велико, оборону сомнут уже через десять минут. Потом духи отойдут к лагерю и, обнаружив трупы приятелей, ударятся в панику. В трясину сразу не бросятся, пойдут по тропам, где их встретят наши гостинцы. А когда «сичевые» придут в лагерь, будет еще один сюрприз. Но это уже без нас, нужно уходить.

Я построил людей и провел краткий инструктаж. Настроение у бойцов изменилось – если в начале операции ко мне относились настороженно и с подозрением, то теперь люди начали потихоньку доверять новому командиру: никто не погиб и не ранен, взята хорошая добыча и даже духи сейчас дерутся по моему приказу как заговоренные. Появилась надежда, нужно ее поддерживать.

– Группа, слушай вводную. Противник прорывается в лагерь, но полностью блокировать сектор у него не получится. Старый маршрут небезопасен, поэтому проводник проложит новый, пойдем через трясину. Идти тихо, беречь оружие от воды, если тонете и вытащить нельзя – дайте адреса родственников, я перешлю им вашу долю, когда выберемся. Но только если утонете молча. Беречь груз, без него нам не укрыться от мести «сичевых». Любой ценой защищать заложника. Это понятно?

Последняя фраза относилась, пожалуй, только к одному человеку. Андрон молча занял место рядом с Сажей, который уже выглядел довольно посвежевшим, если это можно сказать о существе с радиационными ожогами, застарелыми шрамами на обезображенном лице и двенадцатью пальцами на руках. Алхимик держался прямо, его большие, без белков глаза матово поблескивали в свете догорающего костра.

– Теперь так: общая обстановка будет меняться. После подрыва фугаса всполошатся ночные твари и нас будут атаковать хропуны, их тут много. Пойдем тихо: осматриваемся, держим строй «елочкой»⁵² и открываем огонь только по команде или если кто действительно подберется близко. Если нас не трогают, огня не открывать. Теперь по неожиданным попутчикам: Михай, верни им их личные ПДА, вещи, какие нашлись, ихние и активируй маяк на аварийной частоте с задержкой в час. Тут недалеко есть маленький островок, почти кочка, оставим их там. Это тоже чуть отвлечет погоню, если таковая будет. Перед этим я сам с ними поговорю. Вроде все. Норд и Серхио – головной дозор, мы с Андроном и грузом – замыкаем. Все, пошли.

Взрыв со стороны складов раздался спустя пять минут после того, как мы сошли с южной тропы в трясину. Островок, о котором я говорил, лежал чуть юго-западнее и в стороне от лагеря афганцев. Расчет был на то, что «сичевые» повозятся с сумасшедшими репортерами и решат их допросить, перенеся поиски в район обнаружения незадачливых писак. Мы же сменим направление и пойдем на юго-восток, не отклоняясь от тропы, но и не выходя на нее. Болото кишит хропунами, местами опасно высок радиоактивный фон. Местность, по которой нам предстояло уходить, была малопригодна для этой задачи, на том и строился весь план. Нас просто побоятся искать так глубоко в топах. Подошел Тихон, что-то беспокоило проводника. Пока Михай устраивал девицу и парня на кочках, я вопросительно глянул на мутанта, тот чуть замялся, потом сказал:

– Изменяющий... Антон. Не делай девочке зла, пусть уйдет из Зоны по-хорошему. Парень... – Тихон махнул рукой, – безнадежен, деньга его длинная сюда привела, да и умом повредился сильно. Но вот девочка совсем не при делах, не трогай ее, а?

Я подошел к Подорожнику вплотную и посмотрел в его чуть светящиеся в сгустившейся темноте кошачьи глаза. Он не зря просил за журналистку, это понятно, но неужели тертый бродяга настолько размяк, что не понимает причин, по которым его просьба невыполнима?

⁵² «Елочка» – способ передвижения в колонне по одному. Сектора распределяются таким образом, чтобы держать под контролем фланги во время движения, напоминает направление роста веток у елки. Эффективен при движении по лесистой, заболоченной и неразведанной местности.

– Тихон, ты сам-то смекаешь, чего просить вздумал? Я не убийца женщин и детей, если они не взрывают мой дом или сами не пытаются убить меня, но... Ты серьезно полагаешь, что «сичевые» вот так спокойно отпустят журналюг обратно в теплую редакцию, не выпотрошив их до отказа? Ты пощадишь девчонку, она даже, может быть, клятвенно пообещает тебе полное молчание и конфиданс. Но вот дознаватели «сичевых», прошедшие подготовку скорее всего где-нибудь под Львовом⁵³, выпотрошат твою девочку, как пойманную рыбу. И она споет им все, даже если этого не захочет. А она захочет – там учат так, чтобы человек захотел рассказать, уверяю тебя. Потом они отловят тебя, Буревестника и его гоп-компанию и стыканутся с нами. Из-за твоей доброты пострадают очень многие. Я еще плохо владею Даром, поэтому выжечь мозги – это вполне реально, но вот только часть... Трудно обещать такое. Идти или не идти сюда – это был их выбор, и если получилось не так, как они ожидали, – так это просто шутка судьбы. Я не смогу защитить троих беспомощных гражданских. По топам нам самим-то уйти почти нереально, а мы полны сил и немало тренировались. Загубим всех. Не проси, Тихон, не стану я этого делать. Журналюгам так и так каюк. Пойдут с нами и скорее всего сдохнут от радиации: костюмов у них нет, сил идти – тоже, стрелять они не умеют, вскроют группу, и загнемся все вместе.

– Жалко ее, молодая. Смелая очень. Ей говорили, что соваться сюда нельзя... Постарайся, чтобы в уме осталась. – Тихон тоскливо глянул на меня. – Вдруг сможешь, а?

– Хорошо, я попробую. Но не обещаю, что получится. Жечь мозги духу было и то не просто, до сих пор кровь носом идет. Что получится сейчас, не знаю, посмотрим.

Тихон снова поглядел на меня так, как в нашу первую встречу у костра, только на этот раз я своим новым чутьем уловил некий мыслеобраз. Туманную картинку, сложившуюся в одно-единственное слово: «Ступающий». Что бы это ни означало, так он обозвал именно меня. Эмоциональная окраска слова являла собой смесь страха, надежды и чего-то еще, что никак не давалось облечь в слово...

Михай доложил, что поместил заложников на острове, придав им позы самостоятельно выбравшихся на сушу людей. Следы румын замел грамотно, я только подогнул пару «указок», хотя в темноте этого никто не заметит, но так – на всякий пожарный. Парень тихо постанывал, и его я пробил довольно быстро: изнасилование поломало сознание сильнее, чем я ожидал, и теперь это было растение, а не человек. С девушкой следовало обойтись чуть деликатнее, правда, в успехе я совсем не был уверен. Просто очень осторожно, вскрывая слой за слоем, стал пробираться в воспаленное, измученное, но не сломленное сознание, хотя время и поджимало...

История путешествия Томи и Александра (так звали журналистку и стрингера) была банальна до безобразия. Работали оба на одну из американских медиакорпораций, которая отправила борзописцев с целью проникнуть в самое сердце Зоны отчуждения, привезти эксклюзив. Выделили деньги, пропустили на Кордон. Тут они просидели почти неделю, пока им не попала небольшая группа бродяг, шакаливших на Янтаре и неплохо знавших этот район. Предводителем у них был некий бывший автомеханик, сбегавший из подмосковных Химок в Зону после того, как разбил отремонтированную гоночную «итальянку» «феррари» какого-то банкира. Парень решил пустить знакомым пыль в глаза и украсил придорожный столб дорогой иномаркой, не справившись с управлением. Долго скакал, как блоха на сковородке, по России-матушке и оказался в Зоне, где его наконец-то перестали искать агенты разочарованного банкира. За свою вьедливость и живучесть парень получил прозвище Репей. Команду он сколотил из новичков, но им пару раз крупно повезло – вскрыли захоронки погибших старателей и разжились хорошим снаряжением. Репей обычно носил два пистолета, как киношный ковбой, и палил с двух рук, но при этом только пугал всякую живность. Справедливости ради нужно отметить, что пара хороших стрелков в

⁵³ По некоторым данным, именно подо Львовом размещен один из учебных центров Центрального разведывательного управления США, где проходят подготовку сотрудники специальных служб Украины.

команде автомеханика все же имелась, иначе бы группа дальше Свалки не ушла. Был у них и опытный проводник, татарин по прозвищу Бегемот. Команда называла себя «Вороны» и насчитывала шесть бойцов.

С ними договаривался оператор. Репей взялся показать труднодоступные места и повел журналистов на Янтарь. Следует отдать вожаку мародеров должное: он честно собирался выполнить контракт и привести туристов обратно на Кордон. На шестые сутки пути, на дневном привале, стрингер решил снять охоту кабана на псевдоплоть. Сначала все шло нормально, но оказалось, что охотник сам превратился в добычу: как только кабан зашел в густые заросли кустарника, куда убегала его добыча, из травы поднялись еще три карикатурно выглядывшие фигуры – эдакие шары на тонких ножках (именно так выглядит псевдоплоть издали) и атаковали кабана с тыла. Растерзав тушу немаленького секача и опьянев от крови, звери почуяли человека и кинулись на оператора. А тот не нашел ничего умнее, как замереть на месте. Впрочем, убегать тоже не имело смысла – псевдоплоть очень быстро передвигается на своих хитиновых копытцах. Старателям удалось отбить журналюгу, подняв при этом нешуточную пальбу, чем и привлекли внимание поисковой группы духов. Те шарились в поисках безопасной караванной тропы неподалеку и, услышав выстрелы, приняли журналистов с эскортом за новичков-экстремалов. Духов было всего трое, и нападать на хорошо вооруженных людей днем они не решились. Но той же ночью они без единого выстрела сняли обоих часовых, гревшихся у костра, и повязали полусонных мародеров почти одновременно.

Рассказ девушки был сумбурен и расплывчат. Единственное, что мне удалось понять, это то, что мародеров почти сразу перебили, покидав останки в аномалию «огневка». Тамара не понимала, почему духи это сделали. Она по наивности приписывала им черты чудовищ из старых сказок. На самом деле афганцы просто не хотели тащить с собой лишний груз. Они прихватили только проводника, главаря шайки мародеров и обоих журналистов, разумно предположив, что после допроса можно будет взять мародерские нычки и накопленный ими там хабар. А за журналистов заломить солидный выкуп или продать их в другой клан, нуждающийся в «бычках». Тащить с собой слишком много пленников нецелесообразно. Мне удалось выяснить, что Репей раскололся и был зарезан на вторые сутки, проводник же присоединился к моджахедам, но девушка его в лагере больше не видела.

Скрепя сердце я начал атаку, на сей раз медленно и постепенно увеличивая натиск. Девушка глухо застонала. Визуально я видел огненную стену, как бы пожирающую мозг журналистки... Внезапно Дар похолодел, сила его начала уходить из меня. Пожар стал медленно угасать... В глазах потемнело, слабость, как обмотанная тряпьем бейсбольная бита, ударила в грудь, ноги подкосились, и я упал на колени рядом с девушкой. Кровь сочилась из уголков глаз, я выплюнул черный сгусток слизи изо рта. Стало чуть легче, когда трясущимися от слабости руками я нацедил в котелок воды, очищенной Даром, которую предусмотрительно оставил до начала сеанса на поросшей травой кочке. Потом осторожно встал и коснулся сознания девушки. Там не было хаоса, просто некоторые воспоминания были выжжены из ее памяти. Грубо и бесповоротно. Тома забыла, зачем и где она находилась: последнее, что она помнила достаточно ясно, это какое-то здание и комната на восемнадцатом этаже да стол с фотографией ее самой и маленького мальчика, обнимающего ее за шею. Сын...

Мне удалось. Ее разум был чист только от последних воспоминаний, но что с ней будет, когда она попадет в руки дознавателей «Січи», можно легко представить. Гарантий на сохранение психического здоровья не было. Но шанс, что ее отпустят и переправят за колючку, – был. Неожиданно воздух передо мной прочертили белые, похожие на морозные узоры на стекле, линии. Одна из них начала пульсировать зеленым, а пять – красным цветом.

– Это линии вероятности, теперь ты их можешь видеть сам, Ступающий. – Тихон, оказывается, уже давно стоял рядом со мной. – Благодарю тебя, ты сплел линии для этой девушки, это было опасно, но ты справился.

– Что это было?

– Все, кто пришел с той стороны, называют это линиями вероятности. Там будущее, прошлое и настоящее переплетены в танце вечного движения. Прошлое закрыто почти для всех, только камень, который все в Зоне называют Обелиском, может попытаться что-либо поправить. Но с непредсказуемым результатом. И только если таких, как он, будет не меньше трех. Будущее изменяется посредством влияния на настоящее, этим могут баловаться Изменяющие и мозгоеды. Алхимикам такая возможность недоступна: линии они видят, могут иногда проникать в суть танца сплетений, но всегда остаются только сторонними наблюдателями, питаюсь обедками со стола избранных.

– Ну... понеслась! – Меня взяла досада: ненавижу всякие загадки и сюрпризы. – Значит, я тоже Избранный?

– Нет, конечно. – Тихон хитро прищурился. – Таких, как ты, зовут Ступающими. Линии только иногда открываются вам, и управлять или изменять этот танец вы можете только при определенных условиях, и не так прочно, как, скажем, твои друзья Изменяющие. Ты – человек, Антон. Сплетения, связанные тобой, могут распадаться, вот поэтому будущее этой девушки и расплывчато. Если бы плетением занимался Охотник или Видящий Путь, ее судьбе ничего бы не угрожало. Сплетения – это уже гарантированное будущее, Антон. Но человеку такие фокусы не под силу. Поэтому ты просто стоишь на берегу реки, и переплыть ее у тебя нет сил. Люди не созданы для таких переходов, вы можете только чуть подправить их, рискуя потеряться в лабиринте сплетений навсегда. Сегодня тебе повезло. Не думаю, что так будет все время, но... Теперь я еще раз у тебя в долгу, не спрашивай за что, пока я не готов отвечать.

– А я и не собирался. Выведи нас отсюда к заброшенному хутору. – Я показал Подорожнику место на карте своего ПДА. – Потом решай сам, насколько велик твой долг передо мной: дальше я иду в очень опасное место.

– Хорошо, но легко не будет. «Сичевые» очень разозлятся, и это будет трудная ночь. Хропуны уже выходят на ночную охоту, а огонь из лагеря их только растревожит. Мы пойдем вдоль южной тропы. Там есть неглубокие места, но полно стоячих радиоактивных плешей и аномалий. Скорость будет невысока, да и просидеть в болоте придется еще около суток. Боюсь, как бы Волна не застала нас на открытом месте.

– Тогда поторопимся. Духи уже перестали стрелять, и скоро начнут рваться наши гостинцы на тропах. После этого у нас еще десять минут, и рванет фугас. Пора идти.

– Ладно, собирай своих головорезов, действительно пора. – Подорожник наклонился над девушкой, погладил ее слипшиеся от грязи волосы и ушел, почти бесшумно переставляя ноги в рваных бахилах.

Трудные условия, в которых оказалась моя группа, одновременно были и преимуществом. Рейдеры вынуждены были использовать активный режим ПНВ, регулярно связываться между собой, чтобы координировать штурм. Кроме того, они шли по известным маршрутам, пролегающим по узким, не более полуметра шириной, тропам, местами проваливаясь в трясину и тем самым задерживая общее продвижение. Духи тоже не сидели без дела и основательно проредили поголовье «йчевых», наступавших с западного направления. А кто-то из особо упорных, покинув секрет, встал за станок КПВ и минут пять просто сметал с тропы всех, кто пытался прорваться. Шахида успокоил только удачный выстрел из подствольника. Судя по отметкам на тактической карте, район радиообмена переместился в сторону центрального острова. Штурм вошел в решающую стадию. Как я и ожидал, первыми в лагерь прорвались именно наемники. Спустя еще пять минут подтянулись и остальные, а еще через две на месте базы моджахедов возник огненный ад, осветивший все вокруг яркой вспышкой оранжевого пламени.

Мы успели отойти на достаточное расстояние, и свет бил в спину, не ослепляя, даже чуть подсветив дорогу. Тихон каким-то интуитивным способом вел нас по горло в болотной жиже, в двадцати метрах от протоптанной тропинки, иногда мы видели в свете ноктовизоров лучи подсветки, испускаемые ПНВ противника. «Сичевые» были растеряны, палили во все стороны, а на их рабочих частотах царил хаотичный обмен запросами о потерях и

дальнейших приказах. По разрозненным данным, погибло до восьмидесяти процентов из наемных отрядов, и еще пять групп «січевых» понесли тяжелые, безвозвратные потери. Еще минут десять, и бардак в эфире стал сходиться на нет, последовал приказ на общей волне перегруппироваться и продолжать прочесывание. Видимо, вожак «Січи» решил поквитаться с духами любой ценой. Еще через некоторое время, когда мы отошли от лагеря на приличное расстояние и звуки перестрелки можно было расслышать с трудом, последовал доклад небольшой группы рейдеров о том, что нашли наших журналистов.

Тон и характер приказов тут же изменился, и район поисков сместился в направлении юго-запада, что оголяло правый фланг, открывая нашей группе дорогу к хутору. Путь на пустоши охраняло всего несколько тыловых заслонов, просочиться или сбить которые не составляло особого труда. Неожиданно у меня возникло чувство близкой опасности, и я дал команду остановиться. Вовремя: прямо на нас, развернувшись полукольцом, шла стая хропунов. Потревоженные активностью людей, эти существа вышли на охоту и вот уже час следовали за нами, оставаясь незамеченными. Послав приказ занять оборону, я рассчитывал, что хропуны пройдут мимо и их отпугнет пара убитых сородичей. Дав приказ Норду снять вожака, а остальным не стрелять, сам выделил наиболее крупную особь и приготовился к бою, мысленно нащупав сознание тварей.

Хропуны – коллективные существа и в момент атаки подчиняются приказам вожака. Если его устранить, стая ослабеет, хотя и не остановится. Лишь станет похожа на разрозненную и озлобленную кучу-малу, нападающую на все, что видит перед собой. Наше положение осложняла невозможность просто дать залп из подствольников, чтобы рассеять стаю и добить оставшихся. В лобовой атаке мы рисковали сблизиться с противником на расстояние рукопашной схватки, где хропуны имели неоспоримое превосходство над людьми. Эти существа непостижимым образом удерживались над трясиной, скользя, как водомерки, по поверхности или ныряя туда, где человека ждала бы неминуемая гибель. Нас довольно быстро сомнут, и будет резня. Болота – территория хропунов, и даже у подготовленных людей шансы отбиться на зыбкой болотной земле минимальны. Тихон развернулся ко мне и семафорил руками, пытаясь что-то сказать.

Видимость была метров десять-пятнадцать, почти полная тьма, было примерно три часа утра. В таких условиях оставалось надеяться только на мастерство наших снайперов да на пулемет Николая. Дав два тона на командной частоте, я инструктировал бойцов:

– Третий, держи правый фланг и тропу, Первый и Второй – выбивайте тех, что покрупнее. Остальным ждать, прикрывать груз и первые номера. Огонь открывать только на крайней дистанции, не более десяти метров. Как поняли?

Последовали короткие доклады, ситуация всем была ясна. В довершение всего на болота стал опускаться туман, белыми клочьями повисая на кустах и струясь между кочками. Видимость ухудшилась, существенно снижая наши шансы отбиться. Последовал доклад от Андрона: на тропе зафиксирован источник радиообмена. Группа, приблизительно десять человек, шла в сторону базы моджахедов и минут через пятнадцать будет у нас по правому флангу. Писец снова подкрадывался к нам в полный рост. Стрелять нельзя, но и молча умирать тоже не годится. Если ввяжемся в перестрелку, о контакте тут же сообщат, даже постановка помех (наш трансивер позволял наводить их, но на короткий срок, только на известных частотах и только на небольшом расстоянии – переключись рейдеры на резервную волну, шумоподавление станет малоэффективным) не поможет. Нас окружают и перебьют в течение тридцати-сорока минут.

– Третий, разворачивай свой «зингер» на тропу. Если будет возможность, подпусти ближе. Постарайся выбить командира и связь. Первый и Второй – прежняя задача. Остальным огня не открывать.

Туман медленно, но неумолимо скрадывал очертания хропунов, осторожными рывками перемещавшихся по фронту и с левого фланга. Твари тоже почуяли присутствие новых участников охоты и занервничали, задирая морды к небу и нюхая воздух. Вдруг один за другим завалились сразу два крупных хропуна. Это Норд и Серхио открыли счет, но стая

повела себя странно: не кинулась в атаку, а продолжала бестолково и нервно перемещаться в отдалении от наших позиций.

– Первый, Второй, – я снова вышел в эфир, – отлично. Огонь прекратить, ждать приказа и отслеживать стаю. Третий, все внимание на тропу.

Хропуны продолжали вести себя странно: нервничали, не решаясь напасть. Даже смерть двух сородичей, казалось, сильно не беспокоила их. Крутились на месте, но не уходили...

Мы оказались зажаты между тропой и стаей непредсказуемого зверья. Вариантов было два: подождать, когда кто-то из противников обозначит последовательность своих действий, или же идти на прорыв. Хропунов мы сметем, но вот все ли они тут, это еще вопрос. Об этих существах было мало чего известно: ну да, охотятся стаей, наибольшую активность проявляют по ночам, слабоуязвимы и быстро восстанавливаются после ран. Предполагалось наличие некоего подобия коллективного разума, но это не подтвердилось: пристрелили вожака – и стая распадется, это я уже выяснил на собственном опыте. Хропуны жили и охотились по принципу волчьей стаи, но на более сложном уровне и, кроме того, обладали некоей психической защитой: мне не удалось уловить ни единой мысли, исходящей от стаи, только общий фон, излучающий страх, злобу, голод и беспокойство.

Ночью на болотах особенно холодно. Нас защищали комбезы, даже алхимику дали накидку, сшитую из масксети, чтобы не слишком выделялся на общем фоне, хотя его холод вообще не беспокоил: получив свои артефакты, Сажа стал гораздо быстрее двигаться и почти не шумел на марше. Если рейдеры нас не обнаружат, просто перебежим хропунов и пойдем своей дорогой. По-хорошему следовало найти место с менее зыбкой почвой и переждать по крайней мере часов десять, когда направление поиска сменится на предложенное мною в момент оставления журналистов на кочке.

Однако острое чувство неправильности сложившейся ситуации удерживало меня как от прорыва, так и от длительного ожидания. Что-то было не так. Подобное чувство возникало у меня несколько раз, и если бы я не доверялся интуиции, это привело бы к неминуемому антракту. Один случай был особенно показателен: тогда я со своими бойцами шел в передовом охранении. Мы проводили караван, созданный на духовский манер, потому как на точку, где стояла наша артбатарея, по-другому было никак не добраться. Десять низкорослых лошадок с боеприпасами и продовольствием во вьюках да нас сорок рыл. Командовал довольно опытный офицер, хорошо знающий местность. Но проводник дал деру еще за сутки до описываемых событий. Норд срезал духа в движении, позволив довольно далеко отойти, видимо испытывая новую оптику и какие-то свои снайперские задумки на живом материале. Но делать было нечего, без боеприпасов и жрачки ребятам пришлось бы туго.

Все было штатно до тех самых пор, пока мы не подошли ко входу в ущелье, вполне безобидному на первый взгляд. Я дал команду остановиться и отправил гонца к комвзвода с просьбой дать время на разведку дороги. Офицер нервничал. Место было очень удобное для засады: по флангам на склонах вполне можно было ожидать духов. И все же он согласился. Пустил Крота и пару бойцов прикрытия. Эвенк долго ползал по склонам и по самой тропе, чуть ли не роя носом землю, и вернулся с докладом: чисто. При этом Норд с другим нашим тогдашним снайпером Мишей Кудой по миллиметру обшаривали склоны оптикой и тоже ничего не заметили. Комроты прибежал сам и начал качать права. Но я просто повел его к сходу в ущелье и заставил постоять там чуток. Все мои бойцы (Норд и Крот) возвращались из ущелья в подавленном состоянии. А эвенк все теребил четки и бормотал молитвы. Офицер тоже «проникся», и мы обошли то ущелье более длинной и опасной дорогой, сбив по пути пару духовских заслонов и потеряв одну лошадь с грузом. Немного позже я узнал, что выше ущелья располагался снежный карниз, там духи заложили несколько зарядов взрывчатки, и нас бы всех накрыло снежной лавиной, дойди караван ровно до середины ущелья. Помимо всего, ущелье это местные звали «Погост семи пророков», и, кроме как по одному, его никогда не пересекали, а те, кто отваживался идти в компании, часто не

выходили с той стороны или возвращались с признаками помутнения рассудка. Проводник хотел завести нас в двойной капкан, рассчитывая на то, что если кто и выживет после схода лавины, то уж точно семь пророков его не отпустят без наказания.

Так же случилось и в этот раз. Норд тревожно маякнул мне тоном рации, запрашивая общую обстановку. Я приказал ждать. И только я это сделал, как тропа осветилась ярким синевато-белым светом, после которого послышались отчаянные крики и пальба. На рейдеров кто-то напал, и они не успели среагировать. В оптику ничего толком видно не было: туман и яркие вспышки света не давали ничего разглядеть. Ко мне подошел Тихон и тронул за рукав:

– Шугани хропунов, Ступающий, и будем быстро-быстро отсюда уходить. Кто-то привлёк электрическую химеру, и, судя по всему, это самка. Гнездо у нее где-то рядом, почуяла людей и решила напасть.

Видимо, давно не ела, а котят тоже прожорливы. Хропуны напуганы. Шуганем их сейчас, пока химера занята, потом будет поздно.

– Хорошо. Иди в голову колонны, как подавим хропунов – веди. – Отжал тангенту и передал приказ остальным: – Третий, перенести огонь на стаю, Первый и Второй – свободный огонь по фронту. Тропу не трогать. Всем приготовиться к движению, идем на прорыв.

Стрелять, стоя по грудь в болотной жиже, и быстро двигаться в холодной, вязкой среде – почти цирковой аттракцион. Но выбора не было. Хропуны падали один за другим, не в силах совладать со страхом перед химерой или отказаться от боя с нами. Вот мы сблизились на дистанцию десятка метров, и вся группа открыла огонь по оставшимся тварям. Лишь двоим из них удалось убежать. Мы двигались так быстро, как только это позволяли обстоятельства, выстрелов с тропы слышно уже не было, но всполохи электрических разрядов все еще продолжали иногда разрывать густую ночную темень. При этом химера не издала ни единого звука и нападала в полном молчании.

Про обычных химер известно не много, а электрические вообще редкость. Известно про них только то, что живут они поодиночке. А сходятся только для продолжения рода, после чего самец всегда уходит. Они в полтора раза крупнее своих лесных собратьев, и чаще всего их видят на болотах и в развалинах отдельно стоящих промышленных объектов Зоны. На людей они нападают регулярно, но с большими перерывами, ведя кочевой образ жизни, мигрируя вслед за своей основной добычей – кабанами.

Сменив направление, мы пересекли южную тропу, чтобы выйти в район пустошей, примерно в тридцати километрах от развалин хутора и в сорока от входа в странное подземелье. Наступало утро. У всех членов группы наблюдались головокружение, тошнота и общая слабость. Волна неумолимо приближалась, и дойти до убежища нужно было как можно скорее, несмотря на общую измотанность и общий упадок сил после боестолкновения.

Глянув на карту, я отметил прохождение по ориентирам до схрона – двенадцать километров. Нужно было пополнить запасы взрывчатки и прихватить эластит, раз уж придется снова лезть в эту малопривлекательную дырку в земле. Андрон доложил, что поисковики «сичевых» уже выходят в район исчезновения группы, чью гибель мы наблюдали пару часов назад. Следовало ускорить темп, иначе даже сгустившийся туман нам не поможет. Я дал команду на прием стимуляторов, чтобы снять усталость хотя бы частично. А потом рейдерам будет не до нас: следов перестрелки нашей группы с хропунами им не обнаружить, сами мы стояли чуть ли не по горло в воде, а хропуны наверняка вернулись и растащили падаль, так что распознать, кто кого пришиб, будет довольно трудно, даже если у поисковиков и найдется время на это. Построившись в колонну и выдвинув охранение, мы направились к схрону. Этот был самым последним и ставился уже почти на исходе ресурсов, поэтому хорошо, что боекомплект мы сильно не расходовали, а взрывчатка была там в достаточном количестве.

Примерно через три часа мы достигли места, там нас ждал сюрприз: схрон попытались

вскрыть, но с плачевными для себя результатами. Тайник был оборудован в склоне оврага и замаскирован кустарником. Видимо, изначально кусты разрыл кабан и, не найдя ничего ценного, просто ушел. А потом появились эти... Трупов было три штуки: двое погибли непосредственно при взрыве, а третий умер от кровопотери вследствие ранения поражающими элементами. Ролики противопехотки заделали бедренную артерию, и мародер просто истек кровью. Судя по одежде, это были или бандиты Борова, или старатели какой-то мелкой группировки из Могильника. Консервы и вода были безнадежно испорчены (подрыв произошел двое суток назад, и на месте уже успели похозяйничать тушканчики), но патроны и взрывчатка уцелели. Заложка ставилась с расчетом на профессионалов и с учетом характера груза в схроне. Поэтому контейнер с взрывчаткой и детонаторы помещались отдельно, в разных стенках тайника. А мины (это были две средних по мощности противопехотки МОН-50⁵⁴) были расставлены снаружи таким образом, чтобы перекрыть площадь вокруг схрона под углом в сорок пять градусов. И поскольку площадка у люка представляла собой пятачок не более десяти квадратных метров, первая мина должна была убить тех, кто выйдет подбирать мешок (ее Норд поставил в пяти метрах параллельно люку). А вторая сработает с задержкой в пять секунд и чуть в стороне, не дав уйти тем, кто мог укрыться за единственным холмом, то есть должна была накрыть всю его западную часть. Таким образом, исключалась возможность детонации эластита и порча ВВ.

Получилось так, как я и предполагал: двоих убило, когда они подошли потрошить мешок, а третий, видимо, вожак, получил свое, отлеживаясь за холмом и считая себя самым хитрым вором на свете. Мы прибрали трупы в крутившуюся неподалеку «карусель», замели следы и остановились на короткий привал. Полчаса я должен был людям дать. Стимуляторы стимуляторами, но реальный отдых все же нужен. Единственное, чем люди были недовольны, это отсутствием курева, которое я изъяс еще перед выходом на акцию.

Подошел Буревестник, и настало время разговора, которого я ждал давно:

– Антон, думаю, нам надо разделиться. Твой вариант с подземельем слишком опасен. А до Могильника двадцать два километра. Можем пойти и укрыться там, ничем не рискуя.

– Может, и так. Только вот думаю, что «сичевые» сейчас активно чешут Могильник. Скорее всего сговорились с главарями тамошних наиболее крупных кланов, и вас примут еще на подходе к окраинам. Или выследят до убежища и подождут, пока Волна сойдет. А потом... Ты же знаешь: нас в плен не берут и мы не берем. Закон этот стар и непреложен, поэтому пощады не жди.

– С чего ты взял, что нас ищут? Может, не обратят внимания, проскочим...

– Якоб, это твои люди. Посоветуйся с ними, я своего решения не изменю. Хотите идти сами – мешать не буду. Если уцелеете, встретимся в баре, как оговорено, или по истечении контрольного срока деньги будут переведены на указанные счета, если за гонораром никто не придет.

Приятель развернулся на месте и направился к отдыхающим бойцам, объяснять новый расклад. Такой вариант событий тоже учитывался как самый крайний. Вот уж не думал, что добыча может вскружить голову такому профессионалу, как Зан. Люди меняются, и почти всегда в худшую сторону, это давно замечено. Но меньше всего я рассчитывал на такое развитие ситуации. В нашем деле никогда нет выбора между рискованным и нерискованным вариантами – как правило, приходится выбирать меньшее зло, меньший риск. Обычный человек в подобной ситуации вообще бы потерялся, предпочел бы сдаться на милость победителя. Возможно, у обычного бродяги шанс выжить и будет. Нас готовили с единственной установкой: драться до конца, пленных не брать и в плен не сдаваться. То, что Якоб запаниковал, показывало, что его срок как профессионала вышел – он размяк, стал слишком импульсивен. Практически шансы его и тех, кто с ним отправился, были пятьдесят на пятьдесят, то есть равны нулю. Разговор надолго не затянулся; как я и думал, с доводами

⁵⁴ МОН-50 – противопехотная мина направленного действия, радиус разлета поражающих элементов – 50 м.

Буревестника согласились не все, хотя выбор некоторых стал для меня неожиданностью. Серхио, Карл и другой земляк Зана решили отправиться вместе с ним, а вот Коля и Михай стали собирать свои вещи и подошли ко мне. Михай кивнул на десантника, видимо, тот был лучшим говоруном из них двоих, и Коля заговорил:

– Тут такое дело, Леший. Буревестник – правильный командир, но слишком торопится. Зуб даю, ждут нас в Мертвом городе. Примут сразу, как придем, тут даже думать нечего. Кроме того, там Яшка Кречет мазу держит, а в последний раз его бойцов под роту набралось. Сброд, конечно, но он их на какое-то дело подписывал. Думаю, хочет весь северо-запад под себя подмять, а Якоб ему сильно в последний раз насолил. Если «січевые» к нему обратились, вычислят нашего Буревестника. Короче, мы с Михасем решили с тобой идти.

Пулеметчик и сапер... Оба усиливали нашу группу, и в подземелье они увеличивали шансы на выживание до значительных величин, правда, если Михай казался надежным человеком с самого начала, то к Коле вопросы еще оставались.

– Хорошо. Но давайте договоримся на берегу: демократии в отряде нет, все делается так, как я скажу, и только тогда, когда я это говорю. Испытательного срока и попыток нет, промах означает исключение. Если это происходит в рейде, лучше не тратьте мои патроны – застрелитесь сами. Если эти условия принимаются, добро пожаловать в группу.

Все это я сказал, глядя прямо в глаза Николаю и видя, что хоть мои условия и вызывают у него некий протест, но желание выбиться в высшую лигу сильнее личных обид. Коварство, хитрость... Но все же он слишком примитивен, и его я смогу держать в узде и заставить подчиняться.

Что касается Михая, то к нему эти слова относились лишь опосредованно. Румын очень хотел выиграть, в его сознании мелькали мыслеобразы некоей женщины в годах (мать наверняка), ветхий дом в четыре окна с красной черепичной крышей и покосившимся забором и какая-то молодая девушка в синей кофте и черных джинсах, облегающих чуть тяжеловатые бедра. Овальное лицо, длинноватый нос, черные волосы до плеч и карие глаза со смешинкой... Наверное, жена или просто «девушка мечты». Мужик банально решил, что я – его единственный билет к богатству и свободе. Такой не предаст, будет тянуть лямку за троих.

– Мы в теме, командир. Все понятно, – сказал Михай и стал подгонять сбившуюся разгрузку.

Николай кивнул и улыбнулся во весь свой полный «желтого металла» рот. Как ни странно, вышло вполне искренне. Итак, команда была готова выдвигаться к точке спуска в тоннель.

Якоб подошел попрощаться. На лице моего бывшего сослуживца мелькнуло выражение некоей вины, понимания ошибочности своего шага. Но это были метания постаревшего и растерявшего чутье волка, который сам идет в капкан, ведя за собой поверившую в него стаю. Главное, чего ему хотелось, это побыстрее оказаться за колючкой, поменять бриллианты на «веселые фунты» и надеть льняную сорочку и белые штаны где-нибудь на Лазурном берегу Франции. Мираж благополучия ослепил немца. Он уже не думал о том, что деньги кончатся через полгода и снова придется искать новое дело. А ведь с каждым разом это будет все тяжелее и тяжелее, пока рука не дрогнет или вот, как сейчас, страх одержит верх над инстинктом самосохранения, давя голос интуиции и прошлого опыта. На сей раз, похоже, Буревестник поймал свою последнюю бурю. Шторм поглотит его, а тело примет к себе море, так что на серой ряби волн не останется ни следа. Над трупом, скорее всего, надругаются, и доверившихся ему людей перебыют вместе с командиром. Я мог бы их остановить, но этот шаг не имеет смысла, если убеждаешь взрослых мужиков изменить привычке идти след в след за своим лидером. Могут послать на три русские буквы, может и до перестрелки дойти. Лишние телодвижения в такой ситуации вредны для здоровья. Что-то кольнуло под сердцем, и перед глазами вновь проступил морозный узор. Линии все были мертвенно-зеленого цвета, шансов выжить у группы Зана не предвиделось. Стало противно и пусто на душе, мучительно захотелось долбануть упрямого козла в затылок прикладом

автомата и силой потащить на себе в подземелье... Минутная слабость, каждый сам выбирает свою смерть.

Мы построились в колонну. Впереди пошел Норд. Андрон скинул последний мониторинг по общей обстановке. Две группы рейдеров окончательно отрезали нам путь к Могильнику и теперь широкой полосой двигались в сторону окраин Мертвого города.

В направлении «юго-восток» все было чисто, там нас никто не искал. Поисковая партия, отправленная на розыск жертв химеры, вскоре потеряла наш след и повернула на запад, уходя к разгромленной базе моджахедов. Проанализировав складывающуюся картину, я пришел к выводу, что «січевые» свернули поиски в южных районах и после зачистки лагеря частично укроются в Мертвом городе, а частично вернутся в ППД ввиду близости Волны и бесперспективности поисков на болотах.

Получалось именно так, как я и говорил Кашину, только с поправкой, что духов большей частью удалось ликвидировать, а собственно «Альфа» в потасовке участия не принимала. Иначе потери штурмующих были бы раза в полтора-два выше, а безвозвратные потери среди личного состава исчислялись десятками жизней. Сейчас же «Січь» хоть и сильно потрепало, но основной удар приняли на себя наемники, ворвавшиеся в лагерь в неподходящее время. Эти полегли почти все: «Факел» – очень пакостная штука. Многих, конечно, спасли комбезы, но против чистого пламени и адской температуры не устоят и они. Это подтвердили и радиопереговоры: потери «диких гусей» составили до восьмидесяти процентов. Кодовые фразы использовались стандартные, американские, на радиоигру похоже не было: слишком большой сумбур царил в эфире. Остатки двух когда-то многочисленных групп отступали в район своей базы, яростно переругиваясь на общей частоте с командирами «січевых». Видимо, наемники подозревали подставу со стороны своих временных союзников, потому что некоторые фразы вожakov вольного братства «солдат удачи» содержали очевидный намек на скорую расплату. И вместо прочного союза получилась новая война. Для нас это хорошо: пока они судачат о духах и неудачном налете на их базу, у нас будет время ускользнуть. Я тревожился только за Буревестника: если его возьмут живым и разговорят – будет кисло.

Шли осторожным быстрым шагом, иногда переходя на волчий бег. Бодрость придавали съеденные часа полтора назад стимуляторы, но суток через двое за это придется расплачиваться дикой усталостью. Нужен был полноценный отдых, и как можно скорее. До заброшенного хутора оставалось что-то около пяти часов пути. Я сменил Михая в тыловом дозоре и... почувствовал тяжелый, давящий взгляд в спину. За нами шли, и довольно давно. И это был не зверь, нам на след встала чужая разведгруппа. Причем действовали они грамотно: не приближаясь, но и не упуская нас из виду. Следовало перехитрить неведомых попутчиков и, раз уж пошла такая потеха, узнать, кто и по какой причине идет за нами. Дав сигнал остановиться, я сделал вид, что уточняю по карте ориентиры маршрута, и подозревал Норда. Лица наши скрывали маски, поэтому, даже наблюдая в бинокль, ничего заподозрить было нельзя. Я водил пальцем по экрану ПДА, попутно поясняя снайперу ситуацию:

– Юрис, нам сели на хвост и ведут почти от схрона. Там гостей еще не было, это можно сказать точно. Видимо, про схрон знали и ждали, кто придет.

– Дальнобойщик? – Юрис имел в виду, что у противника есть человек с дальнобойной снайперкой, оснащенной сильной оптикой. Вероятно, что наблюдение велось именно при помощи такого прицела. – Тогда нам хана, если не потеряемся. Что предлагаешь?

– Сменим направление через пару километров, потом разделимся. Я попытаюсь вычислить наших гостей. Вы же по-прежнему идете к хутору. Там поставишь, – я вызвал снимок развалин трех домишек, – в крайнем с северо-запада домике, костерок. Пусть огонь будет виден только с юга и юго-востока. Сами рассредоточьтесь по периметру. Покажи Андрону и Михая, где сесть удобнее, пусть Тихон затихарится где-нибудь и прикинется пеньком. Дистанция произвольная всем, кроме тебя и Коли. Задача общая для группы – поиск и уничтожение. Сядете в лесопосадках на востоке и северо-западе, хорошо замаскируетесь. Так возьмете хутор в клещи, а я по тылам поработаю. Гости придут на

огонек именно со стороны источника света. Вышлют наблюдателей, покажи им куклу (выньте все, что можно, но соорудите пару «часовых» в крайнем с юга домишке и одного у костра посадите), через пару часов начнет смеркаться, должно сработать. Оставьте четкий след и пару «указок» для гостей, чтобы сразу к хутору шли. Задача ясна?

– Предельно. Сигнал прежний, два тона?

– Да. Должно получиться. Личная просьба, Юрис: постарайся вычислить командира, подрань его или радиста. Нужно кого-то захватить для снятия информации. Сильно не старайся, но это желательно. Как дам сигнал, работайте свободно и предельно жестко. Чую, это кто-то из своих, форы нам не дадут.

– Сделаю, командир. Значит, я за старшего. А что с грузом делать?

– Посади его в погреб – там, рядом с домом, у которого крыша не обвалилась, есть пристройка. В ней погребок под кучей гнилья. Пусть сидит там, пока все не закончится. Могут грохнуть экспериментатора, но не связывай его, пусть проникнется, поговори с ним. А то все бесполезно.

– Понял.

– Смена направления через полчаса. Уходим в холмы, петляем, и я отстаю. За работу. Давай вводную группе.

– Есть.

Мы двинулись прежней дорогой, но я не переставал прокачивать ситуацию. Версия с дальноточником реально самая вероятная, но что-то не давало принять ее до конца. Хотя холмов кругом много и... Стоп! Если хотят убить, то приложили бы уже давно. Возможностей было предостаточно. А за нами просто наблюдают и идут по следу... Нестыковочка. Неужто хотят вычислить, куда идем?... Тоже не вариант: любой более-менее смысленный человек, умеющий читать карту, сверив направление, поймет, что идем на хутор или... Понятно. Противник не думает, что мы зайдем в подземелье, или знает о нем нечто такое, что заставило его исключить данное место в качестве пункта назначения. Я достиг нужной цели и вновь не дал врагу реализовать явное преимущество. Мой план оказался по видимости сумасшедшим, посему и неразгаданным: они не знают, куда мы идем и зачем. Поэтому не нападают и ждут привала на хуторе. В развалинах (судя по их очень грамотным действиям) они себя не обозначают, побоятся спугнуть добычу. Поэтому и выгуливают нас на длинном поводке. Черт, приятно иметь дело с настоящими спецами!

Как и договаривались, я потерялся у подножия холмов и залег на склоне. Стал ждать. Ожидание, как я уже отмечал, это особое искусство: мало просто прикинуться ветошью и сделать себя частью пейзажа, нужно действительно сродниться с землей, стать неотъемлемой частью окружающей среды, чтобы проходящий мимо враг не отличил тебя от кочки или холмика. Очистить голову от мыслей, рассредоточить взгляд, расслабиться и затормозить дыхание. Я исчез, нет меня совсем...

Передовой дозор появился через час. Двигались они осторожно – снайперская группа. У одного нечто длинноточное, с огромной блямбой прицела (четырнадцать миллиметров ствол, серьезная машина), замотанное тряпками и с камуфляжным напылением. У второго номера – АН-94 с оптикой. Спорно, но вполне оправданно... Оба одеты в боевые экзоскелеты, а поверх – накидки из «паутинки». Грамотно, костюмы не издавали ни единого механического звука, даже ступали ребята правильно: чуть задерживая ногу перед тем, как поставить. Принадлежность пока не определялась. Я думал, что это снова наемники, но шибко дорогие. Идти за мной практически сутки незамеченными могут только профессионалы, прошедшие сходный курс подготовки, и то я таких узнаю по почерку. А тут нечто незнакомое...

Пропустив дозорных вперед, стал ждать, когда пройдет основное ядро группы. Интересно, сколько же их? Вряд ли много. И как они решили вопрос со следом, который оставил Якоб, пошел ли за ним кто-нибудь?... Если поисковики разделились, шансов уйти чисто будет еще меньше. Вопросов пока больше, чем ответов. По ухваткам получалось, что

это наемная команда, иначе нас бы перебили еще пару часов назад. А вот и они, тоже идут «строчкой», все в экзоскелетах и лохматых накидках. Видимо, пасут нас давно: одеты для глубокого рейда, десантировались, а не вышли с базы, иначе прикинулись бы полегче. Все вооружены «абаканами» с глушителями. Тихари не местного производства, а армейские... Командир идет в тылу, по левому флангу колонны, радист замыкает, рация импортная, работает только на прием. Черт, точно кто-то из бывших коллег!

Когда понимаешь, что оказался по разные стороны линии огня с человеком, который, возможно, в недалеком прошлом делил с тобой последний сухарь и глоток воды, делается муторно на душе. Ты знаешь, что все равно придется с ним воевать и пощады давать и просить не следует. Но это похоже на бой с самим собою или с близким другом, невольно оказавшимся в роли врага, не учебного, а реального – хитрого, расчетливого и беспощадного, как ты сам. Превратности войны именно таковы: не всегда получается стоять плечом к плечу, часто приходится и направлять друг на друга оружие, и тогда вариантов решения проблемы только два: спустить курок самому или получить выстрел в ответ.

Колонна прошла, и через полчаса появилось двое из тылового охранения. Всего преследователей было двенадцать человек. Я выждал еще пару минут и двинулся следом.

2.3

Уже в сумерках мы подошли к хутору. Преследователи остановились, тыловое охранение заняло позиции, развернувшись на север. Как я и предполагал, огонек костра заметили и выслали разведчиков. Видимо, побоялись спугнуть и просто пронаблюдали издали. Главное было вычислить, где сидит снайпер. Уберу его, и противник лишится главного козыря – звена поддержки. А потом следует уничтожить связь. Некоторые ошибочно считают, что голова всего в подобных отрядах – это командир. Могу разочаровать, это не совсем верно, и если сосредоточить внимание именно на звене управления и связи, можно только чуть снизить эффективность подразделения, но не более того. Если это тот, о ком я подумал, то бойцы будут действовать по схеме автономно, не отвлекаясь на второстепенные цели, их не обязательно понукать по рации. Поэтому, раз уж пошли серьезные дела, лучше реально притормозить «дальнобойщика» и его приятеля, а уж потом свести более короткое знакомство с их начальством.

Сумерки становились все гуще, противник уже занял место для ожидания – выставил наблюдателей и скоро выдвинет штурмовиков на позицию. Рассуждая здраво, так и следовало поступить: устранить всех, кто мешает, и захватить тех, кто нужен. Тем более, что, по прикидкам, нет вокруг ни одного подходящего места для укрытия. Поэтому пора сворачивать операцию и выводить бойцов в точку эвакуации, пока вертушка еще сможет прилететь. На разведку и выдвижение у противника уйдет около сорока минут, которые следует отыграть в свою пользу, не спугнув штурмовиков, ударить им в спину.

Я развернул карту и прикинул позицию снайперской пары: если бы я был «дальнобойщиком», то где бы я сел?... Мест таких оказалось всего два, и оба на расстоянии семисот метров от развалин: холмы, могущие выступить в качестве господствующих высот, и склон мусорной горы на удалении тысячи двухсот – тысячи четырехсот пятидесяти метров, чей радиационный фон был не так высок, как у ее «сестер» на Свалке.

Побродив в окрестностях, холмы я исключил: вражеский стрелок умен и, скорее всего, осведомлен о вооружении Юриса. Даже на семистах метрах тот способен почти на равных потягаться с «дальнобойщиком» и вычислить его. ОЦ-48 давала моему другу возможность поиграть в пятнашки с вражеским стрелком, почти не напрягаясь. Помимо перечисленного, противник учел и фактор противодействия от мобильной группы, каковой я в настоящее время и являлся. Где стрелка не будут искать? Правильно, там, где опасно или на первый взгляд невозможно быть, а именно таким местом и был склон мусорной горы. Главным условием для профессионала всегда остается выполнение боевой задачи, а «мелочи» вроде последствий радиоблучения отходят на второй план. Позиция была идеальная: вид на хутор с

расстояния в полторы тысячи метров открывался отличный и развалины как на ладони. Если при штурме возникнут осложнения, то от пуль, прошивающих легкую броню, трухлявые бревна не спасут. Штурмовикам потребуется только скорректировать огонь стрелка и добить выживших (хотя после такого попадания шансов остаться в живых более чем на полчаса нет).

Искал я группу так же, как искал Юриса, только на этот раз пришлось рискнуть и зайти с северной, противоположной стороны горы, дабы не быть обнаруженным. Дозиметр показывал полторы суточные нормы. Но с Даром было немного спокойнее, может, и удастся не стать настольным светильником через какое-то время, к тому же комбез неплохо защищал от излучения. Добрался довольно быстро, и тут вдруг ожила рация: три тона на командной частоте. Норд давал знать, что видит перемещения по периметру хутора. Осторожно кликнул один раз, давая сигнал «ждать». Пару я обнаружил спустя пять минут. Ребята залегли, используя мелкий строительный мусор и щебень в качестве укрытия. Наводчик залег справа и уже выставил перископ, давая шепотом наводку для стрелка. Ствол последнего замер, найдя цель. Нужно было убрать обоих в момент выстрела и перенацеливания на другой объект, чтобы выиграть время. Я вынул пистолет и прицелился в наводчика. Он единственный из пары сможет быстро выхватить оружие. Если что-то заметит, то стрелок потратит на движения в мою сторону слишком много времени. Винтовка чуть дернулась. Звук из-за массивного глушителя почти не было слышно, он напоминал хлопок вылетающей из бутылки с шампанским пробки. Одновременно с его выстрелом я произвел свой. Две бронебойные пули ушли в затылок наводчика и две в корпус. А после миллисекундной задержки ровно такую же операцию я проделал со снайпером, который даже не успел обернуться.

После этого, не медля ни секунды, я дал сигнал Норду: «работай». Сам же подошел к телам и проконтролировал обоих еще парой выстрелов в корпус, туда, где у экзоскелета размещался автоинъектор аптечки. Кто его знает, может, оживут еще... Но опасения были напрасны – оба уже не шевелились. Отбросив оружие в сторону от трупов и вынув затворы, я начал спускаться с горы, перехватив автомат на изготовку...

Дела у штурмующих были дрянь – Норд положил троих штурмовиков, пошедших, как они думали, под прикрытием своей «артиллерии». Начавшую перемещаться с северо-востока вторую группу приложил Коля, но не до конца: один боец укрылся за грудой камней и постреливал в сторону Колиной позиции в лесополосе, мешая ему взять верный прицел. Он вынуждал его или залечь, или попытаться сменить позицию, чтобы приложить, как только мой пулеметчик чуть приподнимется. На выручку Коле пришли Михай и Андрон – наш самый молодой боец кинул оборонительную гранату, и последний штурмовик замолчал. Но их обнаружила группа резерва: командир, радист и еще двое бойцов противника прижали моих парней к земле возле средней хаты, от которой осталась только одна стена да устояла печь. Ситуация застыла в той точке, когда все решает последняя капля, перевешивающая чашу весов на ту или иную сторону. Нас было меньше, мы были измотаны почти непрерывными марш-бросками, но внезапность помогла несколько уравнять шансы. Двое давили Юриса, вынуждая его замолчать. Моего друга спасало только бесшумное оружие и хорошая маскировка, однако опытный боец довольно быстро вычислит направление, откуда ведется огонь, даже если демаскирующих факторов немного. Спецы били короткими очередями по лесопосадке, вынуждая снайпера отвлекаться. Рано или поздно они его зацепят. Ухнула с недолетом еще одна РГОшка, Андрону не удалось добросить гранату: огонь спецы не прекратили, ни один из четырех стволов не замолк.

Мне удалось незамеченным подойти в тот момент, когда один из спецов зацепил Михая в правую руку, а остальные начали массированный обстрел по секторам Коли и Норда. Намерения были просты: прорваться в развалины, подавить укрытие и закончить с Андроном. Ребята были очень упорные. Я был уже на расстоянии тридцати метров, когда один из спецов обернулся. Мы выстрелили одновременно, оба попали. Только я в голову, отчего щиток шлема спеца жалобно звякнул и дал трещину, а мой противник попал в

грудную пластину моего бронежилета. Шибануло, но не так сильно, как если бы это был старый армейский Ж-86⁵⁵. Инъектор впрыснул в кровь стимуляторы, снимающие спазмы и боль. Спецу повезло чуть меньше: если бы он стрелял в голову, шансы выжить у вашего покорного слуги стремились бы к нулю. А так я повредил обзорный щиток его шлема, и из-за плохой видимости парень промазал второй раз. А я угодил точно в район паха, отчего спец рухнул навзничь. Все это заняло какие-то доли секунды. После чего я тоже метнул РГН в центр группы наступающих и бросился в сухостой вправо. Взрыв приглушенно ухнул, засвистели осколки, и спецы на некоторое время прекратили огонь. Этого оказалось достаточно для моих бойцов, через минуту все было кончено.

Я встал и, вскинув автомат, на всякий случай дал очередь по разметававшимся по прибитой и выжженной взрывом земле телам. Радист был мертв, но один из бойцов и тот, кого я про себя определил как командира подразделения, подавали признаки жизни. Спец, с которым я пострелялся, лежал не шевелясь. Медленно и осторожно я подошел к нему. Стал обыскивать тела. Оружие сразу отбрасывал как можно дальше. Особое внимание уделял карманам разгрузки и контейнерам, закрепленным на корпусах боевых костюмов. Дал команду тоном «все ко мне» и встал так, чтобы видеть обоих подраненных пленников. Системы самоуничтожения я не обнаружил, инъекторы на случай впрыскивания ядов просто выдрал с «мясом» проводов. Оба спеца были серьезно ранены. Боец был сильно контужен, а «командир» получил два проникающих ранения в область торса, скорее всего, зацепило печеньку и легкое прострелено, полчаса жизни от силы. Второй, может, и выживет, только вот будет ли соображать нормально – большая загадка природы.

Подшли мои парни, все вроде целы, только Михай припадал на правую ногу и мотал головой. Видимо, кто-то из штурмовиков успел кинуть «гостинец». Да, и еще Тихон куда-то запропастился, наверное, принял мою команду прикинуться ветошью слишком близко к сердцу.

– Михай, ты как?

– Ляжку прострелил, гад. – Румын указал стволом карабина на мертвого спеца. – Да вот ВОГУ закинули, не слышу левым ухом ни черта. Но идти и драться смогу.

– Норд, посмотри, что с ним. Перевяжи, если надо, и отдыхайте. Всем осмотреть оружие и отдыхать десять минут. А я пока побеседую с нашими попутчиками...

– Командир, – неугомонный латыш тронул меня за рукав, – дай «слонобой», заценю, штука больно любопытная, а?

– Только быстро и после осмотра личного оружия. Потом догонишь нас.

– Понял. Спасибо, командир! – Латыш шустро убежал к стене средней развалюхи, где Михай уже опустился на землю и расстегивал комбез.

– Андрон!

Наш новичок показал себя хорошо и держался бодро, несмотря на усталость последних дней и немалый стресс.

– Бегом в погреб за грузом, твоя ответственность, не забыл? Как там в эфире? Скинь общую обстановку, как с Сажей разберешься. Коля, – я обратился к пулеметчику, – долго возился. В следующий раз может так не повезти. На тебе сбор трофеев, собери все, покидай в погреб и брось пару гранат, как уходить будем. Трупы тоже приберем, но жечь не будем – дым заметят, если не одни они были. Сейчас я с гостями потолкую и всех вместе – в сарай, где Сажа сидел. И заминировать. Чтобы нашедшие сильно находке не радовались. Нефиг другим подарки дарить. Все, в темпе работаем! Пока еще кто-нибудь не пришел.

Пленный боец для разговора не годился: контузило его знатно – взрыв произошел практически у него под ногами, менее чем в полуметре. Экзоскелет спас парню жизнь, но не

⁵⁵ Ж-86 – советский модульный бронежилет образца 1986 г. Защитные модули на основе ткани ТСВМ, титановых, стальных и керамических пластин. Имеет до девяти различных модификаций. До сих пор кое-где встречается, хотя почти вытеснен более современными образцами, превосходящими «восемьдесят шестой» по совокупности характеристик.

рассудок. Заглянув в его сознание, я увидел только мешанину из образов недавнего боя и какие-то детские воспоминания. Командир же был в сознании, но жизнь быстро покидала тело из-за отключенного инъектора, коагулянты не успели плотно закрыть раны, и кровь медленными, но сильными толчками прорывалась сквозь ошметки медицинской «пены», впитываемая тканью одежды.

Сковырнув замок, удерживающий манжету шлема, я снял и отбросил чуть погнутый «горшок» в сторону. Экзоскелет вообще сыграл с майором и его бойцом скверную шутку: после того как я обрезал тросы сервоприводов, оба пленника оказались парализованы, даже связывать не пришлось.

– Здравия желаю, товарищ майор. То-то чувствую, что почерк знакомый.

Когда говорят, что мир тесен, то имеют в виду не малый размер земного шара, а скорее, что люди одной профессии и склонностей могут пересечься в определенной точке с большей долей вероятности, нежели те, кто не имеет таковых. Так война манит и собирает вместе людей, казалось бы разошедшихся уже навсегда и не питающих друг к другу ни особой вражды, ни ненависти, ни вообще каких-либо неприязненных чувств.

На сей раз мне довелось столкнуться с майором Коваленко из разведбата знаменитой бригады «Войск дяди Васи». Пару раз мы работали в одной горной республике вместе, но чаще я только страховал действия группы майора. Коваленко был мастер на всякие подлянки, и «чехи» его ненавидели и боялись. Стычек особых меж нами не происходило, не считая одного случая. Тогда ему и мне совместно пришлось разнимать озверевших от водки бойцов, не поделивших обычный «спальник». Как это водится, за обоих скандалистов вписались друзья, и потасовка приняла массовый характер, где повода для драки уже никто толком не помнил. Мы с Ковалевым тогда дрались спина к спине, пока нам обоим это не надоело и я не достал АПБ со свинченным «тихарем». Просто дал пару выстрелов в воздух, пообещав прописать следующую пулю в лоб тому, кто не успокоится. Помогло. Только сам майор потом полез ко мне с выяснениями. Победила молодость: мне удалось взять десантника на болевую, потом выпили мировую и разошлись. Не думал, что тот мелкий инцидент может иметь столь бурное продолжение. Сейчас бледный и умирающий Ковалев представлял собой удручающее зрелище. Я присел на корточки так, что наши лица разделяло не более полуметра:

– Что скажешь, майор?

– Васильев... Нужно было сразу тебя пристрелить...

– Так что же помешало, товарищ майор? Поводок натянули слишком сильно и приказали взять живьем? Непрофессионально, Леонид Михайлович, со мной такой номер не проходит. Вы-то должны были запомнить.

– За живого... – майор забился в приступе кровавого кашля, выхаркивая ошметки разорванного нутра себе на грудь, – предложили больше втрое... Почти все получилось...

– Старик Хоттабыч в таких случаях говорил: чуть-чуть не считается. Кто заказал, можете рассказать или дальше танцевать будем?

– Не выйдет. Я почти труп... А если буду молчать, жена получит компенсацию... Нет, Васильев, не договори... – Новый приступ кашля, и лицо майора стало почти синим. – Не договоримся, помолчу лучше...

– Не думаю. Все мы чему-то учимся. Я вот тоже кое-что новое узнал, уже здесь. Питаться можно по-разному, только на этот раз жена точно ничего не получит. Давай так: говоришь все, и я сам перечислю деньги твоей семье. Молчишь – узнаю, что хочу, и так, но тогда твои родственники ждут милости от твоего нанимателя, а он тебя кинул, майор. Зверски кинул. Время у тебя на исходе. Что решаешь?

– Нет. – Сказано это было твердым голосом, но лицо дрогнуло. У обреченных людей, а тем более у умирающих, сильно обостряется интуиция. Поэтому майор точно чувствовал, что я действительно знаю способ вынуть из него то, что мне было нужно.

– Ну, тогда извини. Время поджимает, поэтому без нежностей: нет времени на психологические этюды.

Я достал пистолет и дважды выстрелил в голову контуженного бойца. Помочь ему все равно было уже нельзя, бросать же скорбного разумом на съедение падалыщикам мне не хотелось. Тот испустил тихий стон и так и остался сидеть, удерживаемый конструкцией костюма.

А затем я стал слой за слоем снимать память майора и... наткнулся на стену огня. Опалило. Но Дар выручил и на этот раз. Как сквозь смертельный жар, я пробирався сквозь грамотно поставленную блокаду и увидел незнакомого человека в полевой натовской форме – дорогой, офицерской. Седые, собранные в хвост волосы. Кустистые брови. Глубоко посаженные серые глаза смотрели пронизывающе. Он что-то говорил:

«– ... Леонид, наши цели вас волновать не должны. Этот человек взял то, что принадлежало нам, и вот уже несколько месяцев носится по Зоне, постоянно мешая нам работать. Если вы вернете то, что он украл, и принесете нам, то вы и ваша семья ни в чем не будете нуждаться до конца дней своих. На ваш счет будут переведены солидные активы уже завтра. Так мы договорились...»

Этот голос я помнил. Этот голос... Лес... Расстрелянный конвой, и двое наемников, получающих инструкции по рации:

«– Восьмерка, что у вас?...»

Вот оно, значит, как! Все это время я играл против Обелиска. Нашивки на куртке «хвостатого» работодателя явно на это указывали. Им нужен Ключ. Вот почему так трудно и весело живется мне в последнее время. Закончив с майором и пристрелив бесполезного уже теперь ловца удачи, я поднялся с земли. Меня заметно шатало, кружилась голова, снова пошла носом кровь. Изматывает это дело. Да и словленные в броник две пули даром не прошли: «пятерка» на таком расстоянии могла и пробить пластины. Хорошо, что попали в нахлестный стык двух лепестков и застряли там, вогнув пластины внутрь. Но синячина, скорее всего, был здоровенный. Хотя армейские глушители и, как следствие, слабые, дозвуковые пули – это тоже шанс выжить, а в моем случае шанс немалый. Будь на мне нечто более старое и легкое – сломанные ребра как минимум...

Пси-защиту «обелисковцы» поставили очень серьезную, и при современных методиках допроса Ковалев скорее бы сдох, нежели раскололся. Зато теперь картина полностью прояснилась. Враг обнаружил себя и, что важнее всего, пока не знал об этом. Местное сообщество «не-мертвых героев» и «честных торговцев» сделало меня громоотводом, красной тряпкой для «хвостатого» капитана Обелиска и его хозяев. До сих пор ведь думают, что тубус с Ключом у меня, и пытаются выковырять его любыми способами. С одной стороны, это хлопотно и опасно, но с другой – как бы хранит от неожиданной и внезапной смерти. Противник хочет достать Ключ, а для этого нужно точно знать, где я его заныкал. В башне они не шарились и не должны туда полезть. Во-первых, чтобы не спугнуть, а во-вторых, Ключ, возможно, имеет свойство проявлять себя только в непосредственной близости от хранителя.

Последнее знание пришло ко мне как бы со стороны, и не исключено, что являлось отголоском снов про Сухаря. Старожилы, скорее всего, готовят акцию по прорыву к камню, подобрали группу, обучили и вооружили ее, пока противник бежит за мной в полной уверенности, что искомое именно у некоего бывшего прапорщика в кармане.

Тогда даже мои резкие скачки имеют смысл, и нет повода предъявлять претензии местному паноптикуму в лице Шахова и его приятелей. Сколько раз приходилось быть приманкой и уводить врага по ложному следу, заставляя его тратить силы, время и ресурсы на то, чтобы кто-то другой смог добраться до цели и выполнить задачу. Кроме счастья и нового смысла жизни, обретенного здесь, в Зоне отчуждения, есть еще и долг перед теми, кто это все мне дал. И я способен платить за такие вещи, даже кровью, если придется. Сколько раз приходилось держать на руках умирающих товарищей, и единственный вопрос, который всегда мне задавали на последнем вздохе, это только: «Братуха, ведь все было не зря. Правда?...» И я всегда точно знал, что так оно и есть: если воин сражается и побеждает, то все остальное, включая его жизнь, не имеет значения. У победы всегда самая высокая

цена, и если ты готов ее заплатить, то нет ни страха, ни препятствий на пути к цели. А я готов... Как и большинство тех, кто пришел сюда, в Зону, за счастьем и остается в живых или погибает. Но погибает, обретая мир и покой, ибо сделал все, чтобы осуществить то, к чему стремился. При таких высоких ставках в зачет идет даже попытка...

Тихон так и не объявился. Я чувствовал, что Подорожник исчез неспроста, у меня не было ощущения, что он попал в беду. Скорее всего, бродяга просто ушел в одно из своих укрытий, ушел по-английски, не прощаясь. Мысли о том, что он нас сдал, не возникло: хитрый пришелец имел некую цель и планы в отношении меня. Состроить подставу он мог уже не один раз и при более выгодных для себя обстоятельствах. Кроме того, перед сходом Волны он всегда уходил, предпочитая пережить это местное стихийное бедствие в одиночестве. Думаю, для этого у него было достаточно причин.

Построив бойцов в походную колонну, я осмотрел их. Все устали от невероятных нагрузок и держались на последнем дыхании, кроме, пожалуй, Сажи. Алхимик был бодр и почему-то не сводил с меня глаз. Этот «кавказский пленник» явно хотел мне что-то сказать, только вот времени для приватной беседы пока не находилось.

Вышли в путь, как только проверили оружие и построились. Михай шел в центре, поддерживаемый Сажей, который добровольно вызвался помогать раненому. С самого начала инцидент с группой Ковалева имел некоторые темные, неясные моменты. Атака хоть и была спланирована четко, но носила налет спешки. Как я понял из докладов бойцов, разведчики противника, высланные к хутору, слишком торопились: не было зафиксировано время перемещения патрулей, не было подтверждения о позиции группы наблюдения в лесополосе, и, наконец, целеуказания снайперской группе давались по приблизительным ориентирам. Тяжелая пуля разворотила корпус куклы, сидевшей у костра, оставив без внимания Колину позицию, наверняка тоже вскрытую при наблюдении, что являлось грубейшей тактической ошибкой. Приоритетом на уничтожение всегда выбирается именно вынесенный НП, а не часовой в периметре. Идти за нами грамотно, быть обнаруженными только благодаря случайности и действовать столь опрометчиво в завершающей фазе акции – как-то все это неестественно выглядит. Хотя если принимать во внимание приближение Волны и тот факт, что данное явление так и не научились точно предсказывать, может быть, я снова переоценил смекалку противника. Вряд ли капитаны Обелиска станут нанимать группу профессионалов, чтобы только развлечь меня таким образом. Для этих целей есть гопники с Агропрома или со Свалки, они дешевле и быстрее выполняют роль раздражителя. Мутно все это пока что, а майор так и не прояснил ситуацию до конца. Хотя многие ниточки стали связываться крепкими узелками.

Погода стремительно портилась, низкие тучи чуть ли не цепляли брюхом линию горизонта, а резкий и порывистый ветер приносил с севера холод и мелкий, морозящий дождь. Видимость ухудшалась, заставляя снизить темп продвижения к укрытию. Сумерки густели, придавая окружающим холмам, покрытым высоким сухостоем, загадочный и таинственный вид. Ветер играл с быстро намокающей травой, делая шаги более трудными. Но шума при ходьбе возникало меньше, посему это было лишь нам на руку. Вдалеке на северо-западе слышались первые раскаты грома. Посверкивали молнии, иногда перечеркивая протуберанцами весь горизонт. Скорость и так упала из-за раненого, которого вели под руки Андрон и Сажа. Спустя полчаса нас догнал Норд. Снайпер сиял как начищенная бляха. Видимо, заныкал где-нибудь «слонобой», ранее принадлежавший ковалевской группе, и теперь ждал случая, чтобы похвалиться трофеем. Не дожидаясь намеков, я спросил его сам:

– Ну, чего сияешь? Зачем «слонобой» заныкал? NTW⁵⁶ – штука приметная, нас по ней легко вычислят.

⁵⁶ Aerotek NTW 20/14.5 mm AMR – мобильный аниснайперский комплекс производства ЮАР. «Аэротек» по праву занимает одно из ведущих мест в индустрии производства крупнокалиберного нарезного оружия. Данный образец – младший брат авиационных пушек. Конструкторы проделали ювелирную работу по сохранению боевых качеств винтовки, присущих ранее только авиапушкам.

– Они нас не найдут, командир. – Юрис протянул мне флешкарту. – Вот, вынул у снайпера из ПДА. Бегло просмотрел только. Все они знают, даже сунуться хотели. Но кто-то «альфовцам» посоветовал ужесточить меры безопасности и вскрыл их агентурную сеть с парой схронов оружия. Там доклад есть, посмотришь сам. За тебя серьезные деньги дают, почти как в старые времена... Ты чего, пулю поймал? Не ранен?

– Нормально все... Не моя пуля была... Бумажки потом почитаем, сейчас дуй мухой вперед, до входа в подземелье уже немного осталось. Прощупай там все, на предмет гостей у входа и по периметру, потом маякни. Если встретишь кого непонятного, сразу не стреляй, затихарись где-нибудь, доложи. И жди, когда придем. Нужно успеть, пока совсем не стемнело и какая-нибудь тварь, ошалевшая перед сходом Волны, не попыталась нами закусить. Вперед.

– Есть.

Длинными перебежками Норд ушел вперед, сменив направление, чтобы с западной стороны обогнуть наш маршрут, выйти ко входу в подземелье и засечь предполагаемую засаду. Если таковая будет нас поджидать и если он окажется хитрее предполагаемых охотников. Но если это люди, я спокоен: Норда им не переиграть.

Люди устали, на лицах, скрытых масками, ничего не прочтешь, но общий фон был именно таким: усталость, боль, жажда и голод. Сначала долгий марш, потом скоротечный, но очень напряженный бой, и снова марш, и снова бой. И все это в сырости и на пронизывающем ветру. Комбезы хорошо отталкивали влагу и задерживали тепло, но вот походите-ка недельку в таком, не снимая, а еще лучше месяц, когда все, что можно сделать, это сменить исподнее да обтереться спиртом для дезинфекции. И то не всегда.

Тяжело и вредно для здоровья – согласен, но явно здоровее, нежели пуля в башку или в другие жизненно важные части тела.

Когда сумерки сгустились почти до состояния синевы наступающей ночи, группа остановилась на вынужденный привал: я сделал небольшую нычку в свой прошлый визит сюда, да и раненого следовало перевязать, чем добровольно занялся Сажа. В склоне холма, поросшего густым кустарником, я прикопал пять МОН-50 и еще пару полезных мелочей на случай, если пришлось бы вернуться в эти края. Особо тайник я не шифровал. Репутация у места была не самая хорошая, да и подходить к тайнику смысла не было. Я просто откопал шнур, к которому был привязан контейнер с минами, и потихоньку вытянул груз. Шнур тоже был замаскирован в траве, поэтому трогал кто-нибудь нычку или нет, стало бы ясно сразу. Закладка оказалась цела, что я посчитал за добрую примету.

Мины мне нужны были как раз на случай возвращения в тоннель, ведущий к запечатанным воротам, и если снова придется иметь дело с ползунами, имеющими привычку нападать сверху. Поставив пять противопехоток змейкой и выставив направление разлета поражающих элементов под углом к сводам тоннеля, я смогу подпортить обед или ужин довольно изрядному количеству этих тварей. Другой вопрос, как правильно выставить датчики. Но тут я решил не мудрить особо, положившись на ручной дистанционный детонатор. Твари могут обмануть сенсоры, выслав разведчиков, которые разминируют собой опасный участок, или Волна исказит сигнал. А с машинкой в руках я был полностью уверен, что все произойдет именно в нужный мне момент.

На командной частоте поступил сигнал от Норда, снайпер докладывал, что у входа и в начале тоннеля все чисто, даже мои вешки остались нетронутыми. Последнее ни о чем не говорило, может, и вправду никто не заходил, а может, он просто заметил мою нехитрую сигнализацию и обошел ее стороной. Дав сигнал оставаться на месте, я подошел к раненому, возле которого сидел Сажа и что-то говорил ему успокаивающим тоном.

– Как дела, боец?

– Болит жутко, но я могу идти...

– Брось. – Я махнул рукой. – Забудь эти ужимки наемников, у меня в поле никто не остается ни раненым, ни убитым. Я своих не бросаю. Будет плохо, значит, на своем горбу потащим. Но личная просьба к тебе: терпи молча. Уже недолго осталось, а там тоже может

кто-нибудь сидеть. Задача ясна?

– Ясна, командир. – Михай, кажется, еще до конца не верил, что я не успокаиваю его перед финальным выстрелом в затылок. – Я все понял.

– Ну тогда поднимайтесь. Время дорого.

Сажа молча подставил свое хилое, на первый взгляд, плечо и почти полностью принял вес раненого на себя.

ты долго тащил. Через полчаса тебя сменит Андрон, потом я подключусь.

– Не стоит, я крепче, чем выгляжу. Этот вес я смогу нести еще час, не снижая скорости, не беспокойтесь.

Сказано это было почти шепотом, голос алхимика больше не играл обертонами, стал мягким и довольно приятным тенорком. После того как Сажа воткнул себе пару артефактов в грудь, он вообще стал выглядеть бодрее, ничего не ел, только пару глотков воды на привалах – вот и вся пища. Но вел себя тихо, и за все эти дни ничего подозрительного я за ним не замечал, скорее наоборот: алхимик старался быть не в тягость и пытался помочь остальным. Похоже, хоть он и рад был спасению, но возвращаться к своим ему не особо хотелось.

Путь до входа в тоннель занял еще около полутора часов, мы уже видели заросший кустарником развороченный провал в земле, когда гроза, все это время медленно продвигавшаяся в северо-восточном направлении, настигла наш небольшой отряд. Дождик из морозящей мелочи превратился в тугие потоки воды, падавшие с неба почти вертикально. Ветер время от времени бросал мутную холодную влагу прямо в лицо. Я приказал Николаю и Андрону идти впереди по правому рукаву тоннеля, но дальше чем на пятнадцать метров вперед не уходить, а сам занял позицию у входа, после чего дал сигнал Юрису заходить внутрь и прикрывать Сажу и Михая, которые уже начали спуск к служебному помещению.

Снайпер присоединился к ядру группы, и я стал отходить следом за ними, устанавливая по пути растяжки: их среди прочего я тоже держал в вынутом из схрона контейнере. Бессмысленно было устанавливать ловушки на тварей, умеющих лазать по отвесным стенам и потолку, как по ровной дорожке. Растяжки я ставил на людей, могущих появиться здесь. Хотя это и было маловероятно, учитывая репутацию подземелья и тишину в эфире в радиусе по крайней мере полукилометра. Ловушки расставлял с таким расчетом, чтобы услышать звук даже на большом удалении и не слишком близко к входу в правый рукав тоннеля, на случай, если кто-то еще выберет это место в качестве укрытия, но далее чем на сто метров вглубь не решится пройти.

Когда с приготовлениями на первой линии было покончено, я присоединился к группе, и мы довольно быстро оказались возле закрытых ворот. По пути я заметил, что останки убитого мною ящера исчезли, но более ничего настораживающего обнаружить не удалось. Кто бы ни схарчил эту тварь, следов он не оставил. Отойдя еще на пятьдесят метров, я оборудовал вторую линию периметра, расставив мины таким образом, чтобы сектора сплошного поражения приходились частью на верхнюю треть стен и свод тоннеля, после чего замкнул управление на универсальный пульт дистанционного подрыва. Им можно было взвести мины (тогда датчики сработают на движение) или подать сигнал на подрыв вручную, когда это будет удобно. В сложившейся обстановке я выбрал второй вариант, как и планировал ранее. Все, что можно было сделать для безопасности, было сделано. Остальное зависело только от конкретной обстановки, хотя общий боекомплект позволял нам выдержать интенсивный получасовой бой. А в условиях ограниченного пространства, где невозможен обход с флангов и с тыла, есть вероятность, что удастся продержаться и дольше. Но лучше бы вообще боя избежать и, пересидев ненастье и отдохнув, просто уйти на базу.

Разместились мы с северной стороны пандуса, чтобы разведенный костер не был замечен издали. Отсвет шел только в глухую стену напротив, благодаря куску жести, который я оставил тут в прошлый раз. Разместив всех на отдых и взяв в качестве напарника в первую караульную смену Колю, самого ненадежного, на мой взгляд, бойца, я прислонился к стене и скрылся в полумраке, наблюдая, как Сажа перевязывает Михая, а Андрон и Норд

осматривают оружие, из последних сил преодолевая усталость. Наконец и они, и раненый уgomонились, лишь Михай постанывал во сне.

Земля чуть подрагивала, но никаких других последствий бушующего на поверхности шторма здесь, внизу, не ощущалось. Николай бодрился и не спал, ведь он заступил в караул вместе со мной и из кожи вон лез, чтобы доказать свою полезность. Я всматривался в темный провал тоннеля, пытаюсь слушать его звуки, стараясь вычленить сочетания и тональность каждого из них, чтобы распознать изменения в обстановке и быстро среагировать на нападение. Но вроде ничего похожего на прошлый раз не было, только где-то капала вода – старое строение все же давало слабину под гнетом времени и стихий. Вдруг сзади послышалось движение. Обернувшись, я увидел, что это Сажа идет ко мне. Что же, значит, время для беседы по душам наконец настало. Я указал алхимику на место возле себя и кивнул в знак того, что готов выслушать. Тот благодарно склонил голову и шепотом зачастил:

– Вы – Ступающий, я сразу это понял, как только увидел вас там, на болоте. Откуда вы?...

– А разве вас не учили не соваться с лишними вопросами к незнакомым людям? У меня нет желания это обсуждать. Займите свое место у костра и отдыхайте, с часовым на посту нельзя говорить.

– Подождите. – В голосе алхимика слышалось отчаяние. – Вы не поняли, я интересуюсь не с целью получения выгоды. Просто наш чтец линий вероятности уже который год говорит о вашем появлении. Вообще, многие знают, кто такие Ступающие, но обычно это Подорожники или крово... – тут он поежился под моим неприязненным взглядом, – Изменяющие. В нашем мире большая редкость встретить кого-то вроде вас.

– Ну, значит, поздравляю, и закончим на этом.

– Как вы не понимаете?! – Голос его стал дрожать, и тембр сломался, что у алхимиков было признаком крайнего возбуждения или волнения. – Есть списки, составленные нашими прогностами. Согласно им, Ступающий появится перед самым Перезапуском. Вы здесь из-за него? Как это будет?

– Не знаю ничего про «перезапуск». Что это такое?

– Согласно нашим данным, Обелиск перестраивает свою структуру и, когда процесс завершится, перезапустит систему порталов. После этого путь на Родину будет открыт для тех, кто хочет уйти, и закрыт для обратного перехода. Потом порталы закроются наглухо и на определенный срок. Волновые бури будут не так часты и опасны, как теперь. Многое изменится...

– Зона исчезнет?

– Нет, Обелиск... Он без Зоны не может существовать здесь, как и большинство наших...

– Расслабьтесь, мне известно, кто вы и откуда. Теперь же я знаю то, что было недосказано раньше. Услуга за услугу: Ступающим я стал случайно, оказывая помощь брату. Умею и могу немного, и это всегда мне дорого обходится. Большого не скажу, не просите.

– О! И этого вполне достаточно, спасибо. Знания бесценны для нас. Можно попросить вас об одолжении?

– Смотря о каком.

– Я бы хотел присоединиться к вашей группе на постоянной основе. Рядом с вами интересно.

– И опасно. Не забывайте об этом. Хотя кому я говорю про опасность...

– Верно. – Алхимик аж привстал от напряжения. – Я не буду в тягость. Могу конструировать и модернизировать артефакты, лечить тех, кто ранен или болен. Могу быть незаметным и... стреляю немного, хотя и не люблю этого.

– Обещаю, что подумаю. Пока это все, идите к костру. – Жестом прервав возможные возражения, я отвернулся от просителя, держа его в поле зрения краем глаза, на всякий случай.

Вздыхнув, Сажа отправился к костру, где прикорнул рядом с Андроном. Предложение алхимика было неожиданным, как и то, что он рассказал... Опять тупик: или таких, как я, несколько, или консорциум имени спасения камня не принимает в расчет прогнозы алхимиков. Снова большие игры, терпеть этого не могу. Гонять варианты сейчас бесполезно, информации слишком мало.

Так я просидел еще около полутора часов, пока не пришли Андрон с Юрисом. Передав Норду пульт и указав ориентиры, спокойно откинулся на коврике, отодвинув его в тень, и заснул. Но сон не пришел сразу: воздух снова подернулся морозной дымкой и появились красные, белые и зеленые прожилки. Линии вероятности... Зачем они появились снова?... Может, я просто устал?

Потом вспыхнуло и точас погасло видение: караван, с которым ушла Даша, обстреливали... Взрывы... Мешанина тел и рты людей, раскрытые в немом крике... Самой девушки я не видел, а потом все заслонила туша того существа из портала, что чуть не сожгло мне мозг на пустошах, и видение оборвалось. Линии потекли и стали складываться в знакомый узор: теперь это была паутина, сотканная из красных, зеленых и белых нитей, с темным пятном в центре...

Я проснулся. Было тихо, лишь потрескивали обломки какой-то мебели, подкинутые Сажей в костер. Прошло всего пять минут... Что означало послание, было не ясно, но то, что ничего хорошего произойти не может, просматривалось совершенно четко.

Земля больше не дрожала, Волна пошла на убыль, еще через пару часов можно будет двигаться дальше. В душе поселилось беспокойство. Предстояло еще многое узнать, прежде чем продолжить игру.

Автор выражает благодарность за помощь и поддержку:

Орлову Дмитрию (за терпение и помощь в процессе работы над книгой),

Юрчуку А. (за консультации по некоторым практическим моментам),

всем тем, кого по их просьбе называть не могу, но неупомянутыми не оставляю: братья, от души вам всем спасибо. Будем живы. А также самым преданным читателям и помощникам с СИ (Новикову Сергею, Литвинову Павлу, Высокому, Дмитрию «Хищнику», Михалычу и многим другим, простите, кого не упомянул, но не забыл). Спасибо, друзья.